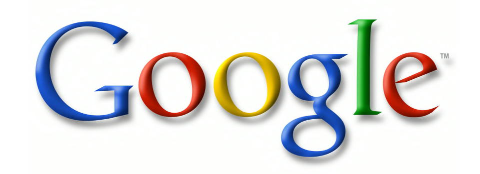
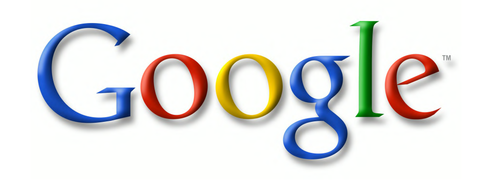
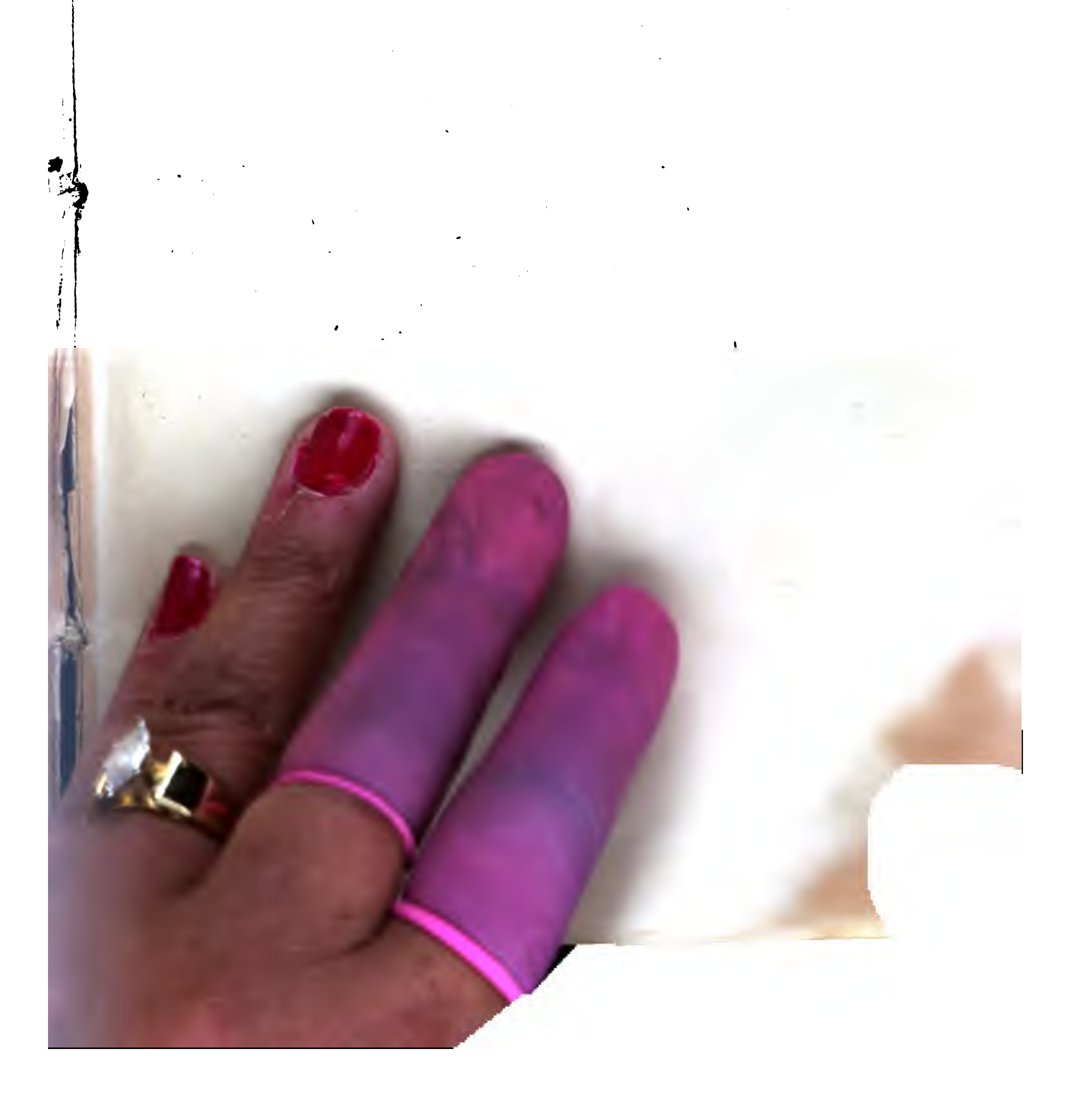

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

ИЗОБРАЖЕНІЕ ПЕРЕВОРОТОВЪ

ВЪ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМѢ

ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ГОСУДАРСТВЪ.

ИЗОБРАЖЕНІЕ ПЕРЕВОРОТОВЪ ВЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМѢ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ,

съ исхода пятнадцатаго столѣтія.

СОЧИНЕНІЕ

Ф. Ансильона.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

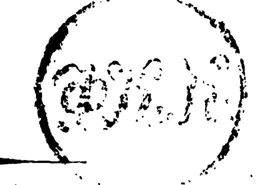
Per varios casus, per tot discrimina rerum Tendimus.

Виргилій.

Ponderibus librata suis.

Овидій.

ТОМЪ ВТОРЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Конрада Вингебера.

1839.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатанiи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ 15 Января 1839 года.

Ценсоръ *А. Фрейгангъ.*

МЫСЛИ

объ

историческомъ безпристрастіи.

Истина Исторіи состоитъ въ сходствѣ повѣствованія съ событіями. Историкъ начинаетъ свой разсказъ съ сотворенія видимаго міра; онъ допускаетъ реальность дѣяній людей точно также, какъ физикъ допускаетъ реальность дѣйствій природы. Метафизикѣ онъ предоставляетъ рѣшить, или лучше никогда не рѣшить вопроса: можетъ ли быть совершенная соотвѣтственность между нашими представленіями и предметами, и можемъ ли мы удостовѣриться въ такомъ сходствѣ. Это великое сомнѣніе, этотъ неизъяснимый процессъ до него не касается. Онъ единственно заботится о томъ, чтобы глубоко изучить событія, связать ихъ между собою, развить предъ нашими глазами ихъ сцѣпленіе, и притомъ такъ, чтобы всякое звено сохраняло свое свойство, форму, мѣсто и даже цвѣтъ.

Въ такомъ трудѣ должно довольствоваться, сколько возможно, наибольшею приблизительностію. Историческая достовѣрность именно и заключается въ высшей степени вѣроятности; Исторія и истина похожи на линіи-асимптоты, которыя, приближаясь одна къ другой, никогда не соединяются.

Невѣрность Исторіи зависитъ отъ скудости фактовъ, или отъ способа употребленія ихъ историками.

Углубляясь во времена отдаленной древности, мы встрѣчаемъ матеріялы разбросанные, несовершенные; приближаясь къ Исторіи послѣднихъ вѣковъ, видимъ, что горизонтъ проясняется и расширяется, факты умножаются, событія представляются окруженными всѣми обстоятельствами, ихъ объясняющими, а люди являются съ своими характеристическими чертами. Количество матеріяловъ становится такъ велико, что задрудняешься въ ихъ выборѣ, и столько же терпишь отъ ихъ изобилія, сколько прежде отъ недостатка.

Съ другой стороны, чѣмъ ближе подходишь къ современному вѣку, тѣмъ искреннѣе и многочисленнѣе дѣлаются отношенія, связывающія прошедшее съ настоящимъ, и историкъ подвергается опасности получить упрекъ въ пристрастіи. Здѣсь опасаются уже не знанія, но заблужденія, и притомъ заблужденія добровольнаго. Источники свѣдѣнія являются на каждомъ

шагу; но причины, которыя могутъ измѣнить истину, разнообразны и дѣятельны; начинаются подозрѣнія, недовѣрчивость къ другимъ и къ самому себѣ; безкорыстное перо почитаютъ подкупленнымъ, и вездѣ видятъ, или думаютъ видѣть, жалкія слѣдствія духа системы и партіи.

Чѣмъ рѣже извѣстныя качества, тѣмъ болѣе ихъ изыскиваютъ; чѣмъ менѣе обладающій ими къ нимъ привязанъ, тѣмъ болѣе ихъ цѣнятъ: такъ объ отсутствующихъ всегда говорятъ болѣе. Въ ту эпоху, когда у какого-нибудь народа нравы начинаютъ портиться, скромныя и стыдливыя выраженія высказываются съ какимъ-то особеннымъ пристрастіемъ, и когда сердца отвергаютъ всѣ благородныя, общественныя страсти, тогда всѣ кричатъ о патріотизмѣ; характеры твердые, души благородныя, дѣлаются истинными феноменами. И теперь, когда политическія мнѣнія раздѣлили людей, (какъ прежде раздѣляли религіозныя мнѣнія), каждый писатель самъ объявляетъ себя безпристрастнымъ, а всѣхъ, непринадлежащихъ къ его партіи, обвиняетъ въ пристрастіи. Хорошо еще, если бы всякій прибѣгалъ къ безпристрастію, какъ, напримѣръ, во время голода всякій проситъ хлѣба: въ такомъ случаѣ эти люди вдругъ выказывали бы сожалѣніе, желаніе и безсиліе; но забавно, что, пораженные эпидемическою и заразительною болѣзнію, сами себѣ даютъ при-

вилегіи на здоровье, а другихъ осуждаютъ на строгій карантинъ.

Посреди такихъ взаимныхъ обвиненій, которыя заставляютъ недоумѣвать, кто правъ, кто виноватъ; въ этомъ хаосѣ упрековъ и ненавистныхъ нареканій, идеи смѣшиваются, самыя простыя выраженія обращаются совершенно въ другую сторону, и никто не спроситъ себя: »Что же такое безпристрастіе?«. А вопросъ стоитъ отвѣта. Съ этимъ словомъ соединены идеи точныя; отъ него зависитъ вѣрность примѣненій; и если мы не опредѣлимъ его, то осудимъ другихъ безъ причины, или потребуемъ невозможнаго.

Въ тѣхъ наукахъ, которыя суть только развитіе небольшаго числа главныхъ началъ, и основываются на доказательствахъ, достаточно логическаго горнила для отличенія золота отъ лигатуры, заблужденія отъ истины. Надобно только изслѣдовать: вѣрны ли первыя посылки силлогизма и справедливо ли заключеніе? Пристрастіе можетъ внушить писателю ложныя заключенія, но скрыть ихъ не въ состояніи; напротивъ: оно само измѣняетъ своей тайнѣ, и не опасно, потому что его слѣдствія поразительны и очевидны.

Въ наукахъ, основанныхъ на фактахъ, особенно въ Исторіи, гдѣ читатель не можетъ, какъ въ Физикѣ и Химіи, произвольно создавать факты и утверждать ихъ наблюденіями и новыми

опытами, познанія и безпристрастіе конечно необходимы для достовѣрности. Познанія освѣщаютъ предметъ; но къ чему послужитъ возможность представленія его въ настоящемъ видѣ, если не будетъ доброй воли? И къ чему, въ свою очередь, послужитъ желаніе быть истиннымъ, если, при недостаткѣ средствъ, нѣтъ самой истины?

Въ чемъ же состоитъ безпристрастіе, которое такъ свято наблюдаютъ нѣкоторые историки, другіе теряютъ его изъ виду, и которому, какъ добродѣтели, лицемѣрно покланяются даже нарушители его законовъ? Какія характеристическія черты безпристрастія? Есть ли признаки, по которымъ можно было бы узнать его?

Обыкновенно говорятъ, что безпристрастіе требуетъ слѣдующихъ условій: разсказывать факты во всей ихъ цѣлости, представлять ихъ такими, какими они существуютъ на самомъ дѣлѣ, оттѣнять ихъ свойственными имъ красками, но отнюдь не чуждыми, въ разсказѣ видѣть не историка, но событія.

Предметы, въ какомъ бы то родѣ ни было, существуютъ для насъ только въ томъ видѣ, въ какомъ они представляются намъ. Мы не знаемъ, каковы они въ самихъ себѣ, независимо отъ нашего образа воззрѣнія; но мы знаемъ, каковы они, какъ существа, одаренныя извѣстными органами и извѣстными способно-

стями. Человѣкъ видитъ какъ человѣкъ, и иначе видѣть не можетъ; каждое недѣлимое человѣческаго рода имѣетъ свой способъ воззрѣнія на предметы: этотъ способъ воззрѣнія есть слѣдствіе того, что человѣкъ есть именно онъ, а не кто нибудь другой; вы не можете потребовать отъ него, чтобы онъ перемѣнилъ свою натуру, или чтобы онъ отдѣлилъ себя отъ своего лица; каковъ бы ни былъ порядокъ фактовъ, все они не существовали бы для него, если онъ ихъ не будетъ наблюдать, а наблюдаетъ онъ ихъ по своему. Говорятъ: душа есть зеркало дѣяній; но не во всѣхъ зеркалахъ предметы отражаются одинаково. Притомъ, это сравненіе не совсѣмъ справедливо: душа не есть поверхность, на которой изображаются предметы, но сила, которая ихъ обнимаетъ и, обнимая, измѣняетъ.

Чему мы научаемся изъ памятниковъ? Что передастъ намъ преданіе? Что доставляетъ намъ опытъ? Данныя, которыя будучи отдѣлены другъ отъ друга, не доставятъ ни удовольствія, ни пользы; отдѣльныя звенья, между которыми нѣтъ связи: это стихіи Исторіи, но не Исторія; это камни и матеріялы, но не зданія. Что нужды знать, что Римъ построенъ въ такомъ-то году, что Цезарь убитъ въ такой-то день? Коль скоро я отдѣлю эти факты отъ событій, имъ предшествовавшихъ, или послѣдовавшихъ за ними, они для меня ни сколько не любопытны и не

полезны. Взаимная связь фактовъ, связь ихъ съ послѣднимъ событіемъ, которое вы избираете конечнымъ терминомъ вашего повѣствованія, составляетъ Исторію. Чувства никогда не произведутъ такой связи; она есть слѣдствіе мысли, которая, по разсчету вѣроятностей, выбираетъ ее между всѣми возможными связями. Фактъ можетъ одинъ быть связанъ съ другими фактами, или какъ дѣйствіе или какъ причина, тысячью различныхъ способовъ. Природа даетъ матерію; разсудокъ каждаго недѣлимаго форму. Что побуждаетъ человѣка давать предпочтеніе одной предъ другой? Его идеи о связи наклонностей, ходѣ страстей, отличительныхъ признакахъ пороковъ и добродѣтелей; его основныя правила касательно нравственности дѣяній, свойства правительствъ, хорошихъ или дурныхъ слѣдствій общественныхъ учрежденій — все это есть результатъ первоначальнаго впечатлѣнія, полученнаго имъ отъ природы, отъ своего темперамента, воспитанія, привычекъ? Неужели вы скажете, что онъ пристрастенъ, потому что представляетъ факты такъ, какъ самъ ихъ видитъ? А можетъ ли онъ видѣть ихъ иначе, можетъ ли онъ не руководствоваться при этомъ собственными идеями, и не подчинять ихъ своимъ основнымъ правиламъ? Это все равно, если мы скажемъ, что каменьщикъ долженъ соединять камни безъ цемента, строить домъ

безъ желѣза, или производить работу на удачу, безъ всякаго рисунка.

Слѣдовательно нельзя отказываться отъ самого себя, уничтожать свои идеи и правила, видѣть безъ очковъ или безъ глазъ; главное, чтобы глаза были здоровы, или очки хороши. Идеи должны быть здравыя, умъ вѣрный; а безпристрастіе, какъ говорятъ, судитъ о дѣяніяхъ и людяхъ безъ предубѣжденія. Это второе опредѣленіе, съ перваго взгляду превосходящее первое, имѣетъ двойной недостатокъ: оно представляетъ уму неопредѣленныя выраженія, и не истощаетъ идеи, о которой идетъ рѣчь.

Что такое *предубѣжденіе?* Въ нашъ вѣкъ это слово подверглось странной судьбѣ, и, можетъ быть, эта судьба, подобно судьбѣ большей части людей, единственно зависитъ отъ того, что его худо поняли. Слово *предубѣжденіе* есть родъ талисмана, съ которымъ люди производятъ удивительныя дѣла; вооружась имъ, они не хотятъ не только опровергать, даже выслушивать мнѣній, подвергаемыхъ осужденію, въ одну минуту безславятъ твореніе вѣковъ, однимъ словомъ уничтожаютъ всѣ доводы, жестоко осмѣиваютъ людей и предметы, или обрекаютъ ихъ на вѣчное молчаніе; соперника удерживаютъ отъ труда защищать свои мнѣнія, а слушателей выслушивать ихъ, наконецъ самихъ себя опровергать ихъ. Съ этимъ магическимъ словомъ уничтожаютъ идеи другихъ; си-

лѣ придаютъ видъ слабости, а своей слабости приписываютъ честь силы. Но, не ослѣпляясь чудесами, производимыми словомъ *предубѣжденіе,* гораздо лучше предложить вопросъ: »что такое предубѣжденіе?«

Быть можетъ это давнишняя идея, которую передавали поколѣнія, которая доселѣ составляла общее сознаніе, разумъ, которой начало теряется въ отдаленнѣйшихъ вѣкахъ, и которая, въ этомъ отношеніи, пользуется какимъ-то умственнымъ благородствомъ? Но какъ ни удивительно кажется намъ самимъ настоящее состояніе человѣческаго разума, какъ ни блистательны свѣдѣнія осьмнадцатаго вѣка, мы не можемъ однако предположить, чтобы въ продолженіе тысячелѣтій люди такъ размышляли, что не уловили нѣсколькихъ здравыхъ идей, достойныхъ сохраненія, что теперь во всемъ должно начать новый трудъ мышленія, а наслѣдство, завѣщанное намъ предками, выбросить какъ старую, негодную посуду. Впрочемъ, если должно себѣ припомнить, что все старое было прежде новымъ, то не лишнее также замѣтить, что все новое будетъ старымъ, и послѣ этого не разсуждать о предразсудкахъ идей, которыя имѣли свое достоинство, а теперь точно также виноваты, какъ нѣкогда будутъ виноваты наши любимцы, если ихъ фортуна не измѣнится. Вообще, если истина въ одномъ смыслѣ всегда нова, юна, то въ другомъ она

всегда стара; въ отношеніи многихъ предметовъ, должно пользоваться первыми истинными идеями, и готовые опыты почитать важнѣе опытовъ будущихъ.

Слово *предубѣжденіе*, быть можетъ, есть синонимъ слова: *заблужденіе?* Всякая ложная идея заслуживаетъ ли это названіе? Но заблужденіе не есть предубѣжденіе; предубѣжденіе, на оборотъ, не есть заблужденіе: всякое ложное сужденіе есть заблужденіе, ошибка; всякое сужденіе, не подвергнутое изслѣдованію, есть предубѣжденіе. Заблужденія или ошибки происходятъ отъ частнаго, несовершеннаго, ложнаго воззрѣнія, отъ предмета, котораго они касаются; они зависятъ отъ несоединенія всѣхъ стихій расчета, или отъ погрѣшностей, вкравшихся въ самый расчетъ. Предубѣжденіе зависитъ отъ размышленій, чуждыхъ предмету, о которомъ мы судимъ, несогласныхъ съ доказательствами, которыя бы должно было извлечь изъ самаго предмета.

И такъ предубѣжденіе, предразсудокъ, не есть заблужденіе или ошибка. Истина, принятая безъ всякаго изслѣдованія, есть ничто иное какъ заблужденіе въ умѣ многихъ. Умъ подвергался бы менѣе ошибкамъ, еслибы болѣе сохранялъ предубѣжденія. Если бы онъ не развивалъ самъ собою здравыхъ идей, онѣ бы ему не принадлежали, но все были бы для него полезны. Отсюда и слѣдуетъ заключить, что

предубѣжденіе дурно только сравнительно съ истинами, пріемлемыми просвѣщеннымъ разумомъ со всѣми ихъ доказательствами, что никто не изъятъ отъ предубѣжденія, и что всего опаснѣе полагаться на авторитетъ тѣхъ писателей, которые, хваля свой вѣкъ, хвалятъ сами себя, и на свидѣтельство тѣхъ угодливыхъ друзей, которые, по какому-то рѣдкому счастію, совершенно освобождены отъ всякаго предубѣжденія.

Замѣнимъ же неопредѣленное слово: *предубѣжденіе, предразсудокъ,* словомъ: *ложная идея* въ опредѣленіи историческаго безпристрастія, и скажемъ, что это безпристрастіе состоитъ въ томъ, чтобы видѣть факты, связывать ихъ между собою и судить объ нихъ по идеямъ вѣрнымъ и здравымъ, по истиннымъ началамъ права, нравственности, политики и философіи.

При всей простотѣ объясненія такихъ идей очевидно, что наше опредѣленіе не совершенно освобождаетъ насъ отъ произвольнаго и неопредѣленнаго. Основныя начала наукъ нравственныхъ и политическихъ еще не достигли той степени ясности, которая бы доставила имъ общее одобреніе людей здравомыслящихъ: вѣроятно, что онѣ никогда не достигнутъ этого, или по причинѣ своей отвлеченности, или отъ несовершенства языковъ. Вотъ причина изумительнаго разнообразія мнѣній и исключительной привязанности большей части людей

къ своему собственному мнѣнію; вотъ причина противоположности сужденій о безпристрастіи уважаемыхъ историковъ. Убѣжденные въ истинѣ своихъ основныхъ правилъ, они примѣнили ихъ къ фактамъ, и воображаютъ, что судятъ объ нихъ безпристрастно; но они же возбуждаютъ противъ себя тѣхъ, которые руководствуются другими правилами, и которые обвиняютъ ихъ въ пристрастіи. Это зависитъ отъ того, что большая часть привязанныхъ фанатически къ своимъ идеямъ, подозрѣваютъ въ недобросовѣстности своихъ противниковъ и великодушно предполагаютъ, что они отличаются отъ нихъ языкомъ, а не мнѣніемъ. Человѣкъ всегда собственный разсудокъ принимаетъ мѣрою разсудка человѣческаго, между тѣмъ какъ высшее назначеніе разсудка именно состоитъ въ томъ, чтобы не слишкомъ довѣрять себѣ, или, лучше сказать, придерживаясь крѣпко своихъ идей, понимать, объяснять, извинять идеи всѣхъ другихъ.

Но самый справедливый умъ, самое точное сужденіе, всѣми принятыя положенія, не всегда спасаютъ отъ пристрастія. Чувствительность можетъ совратить съ настоящаго пути разсудокъ, потому что умъ часто подчиняется сердцу. Чтобы быть безпристрастнымъ, не должно ли быть чуждымъ всякаго предубѣжденія, держать равновѣсіе рукою твердою и препятствовать, чтобы опасенія, надежды, желанія, явныя или

тайныя выгоды не поставили его противъ вѣроятности фактовъ и свидѣтельства? Безпристрастіе не зключается ли преимущественно въ отстраненіи отъ себя всякаго чувства при оцѣнкѣ фактовъ, въ совершенно равнодушномъ сужденіи о людяхъ и предметахъ, о дѣйствіяхъ и событіяхъ?

Въ самомъ дѣлѣ, по счастливому выраженію безсмертнаго Бакона, который умѣлъ облекать свои глубокія мысли въ чувственные образы, и котораго идеи выходятъ изъ головы, такъ сказать, вполнѣ вооруженными, какъ Минерва изъ мозгу Юпитера, разсужденіе никогда не бываетъ сухимъ; оно болѣе или менѣе перемѣшано съ чувствительностію; страсти покрываютъ его облаками; опасенія и надежды безпокоятъ его. Сердце есть горнило пристрастія, и огонь, на немъ горящій, только согрѣваетъ, но не освѣщаетъ, или отражаетъ на предметы ложный свѣтъ.

Мы воспринимаемъ предметы двумя родами впечатлѣній: одни впечатлѣнія просто преобразовываютъ насъ, другія трогаютъ; первыя доставляютъ намъ представленія, другія чувства: умъ овладѣваетъ первыми; они служатъ ему къ познанію качествъ предметовъ и ихъ отношеній между собою; чувство принимаетъ только отношенія объекта къ субеекту. Слѣдовательно чувствительность не должна произносить сужденія, потому что она всегда наводитъ

человѣка на самаго себя, а судія долженъ существовать и дѣйствовать внѣ себя; здѣсь дѣло идетъ о предметахъ, а не о привязанности къ нимъ.

Понятно изъ этихъ опредѣленій, какъ трудно заставить молчать чувствительность для того, чтобы умъ не былъ обезпокоиваемъ въ своемъ трудѣ. Номенклаторы, называющіе себя философами, думаютъ, что человѣку весьма легко отдѣлить себя отъ частицы самого же себя, и что имъ также легко различить двѣ способности. Выходитъ, что, по ихъ мнѣнію, душа есть родъ футляра, въ которомъ находятся различные инструменты, и что общаго между ими нѣтъ ничего, кромѣ того же футляра, что одни изъ нихъ въ употребленіи, а другіе лежатъ безъ употребленія, или что душа похожа на часы съ музыкой, изъ которыхъ валы вынимаютъ по произволу. Что можетъ быть легче, говорятъ они, какъ оставить въ покоѣ чувствительность въ то время, когда орудіе разума примѣняется къ фактамъ? Но на самомъ-то дѣлѣ это не такъ легко. Душа одна; собственное чувство, самое постоянное и вмѣстѣ съ тѣмъ самое неизъяснимое изъ всѣхъ явленій, говоритъ мнѣ объ этомъ, и безъ большаго усилія воли, нельзя отдѣлить одну способность отъ другой, потому что всѣ способности суть только различные дѣятели одной и той же силы. Господинъ можетъ выслать своихъ людей, чтобы остаться съ однимъ повѣреннымъ слугою; но часто господину худо повинуются и высланные

слуги мѣшаютъ его разговору или занятіямъ. Чувства предшествуютъ рожденію разума; ихъ владычества гораздо древнѣе, обширнѣе и прочнѣе; они всегдашніе спутники души; ихъ присутствіе и дѣятельность проявляются безпрерывно; они смѣшиваются со всѣми идеями, разцвѣчаютъ всѣ предметы, и рѣдко позволяютъ уму разсматривать ихъ въ самихъ себѣ. Притомъ, большая часть людей всегда находится подъ вліяніемъ чувствъ и рѣдко подъ вліяніемъ разума, и потому они болѣе или менѣе рабы своихъ предубѣжденій. Предубѣжденіе есть самый обыкновенный предразсудокъ, потому что это предразсудокъ сердца. Если ложныя сужденія производятъ предубѣжденія, то, въ свою очередь, предубѣжденія производятъ и умножаютъ ложныя сужденія. Ошибки или заблужденія произвели любовь и ненависть; любовь и ненависть были причиною многихъ заблужденій.

И такъ, если безпристрастіе состоитъ въ совершенномъ безчувствіи, въ отсутствіи предубѣжденія, предпочтенія, вкуса, склонности порывовъ души, въ искусствѣ отстранять всякое вліяніе сердца на сужденіе, и произносить судъ надъ человѣческими дѣяніями, не принимая въ нихъ никакого участія, то въ такомъ видѣ совершенно безпристрастный историкъ никогда не существовалъ. Тогда надобно предположить, что онъ вовсе безъ желаній, безъ надеждъ,

его перо столь же мало, какъ и сердце; золото, богатства, почести не должны возбуждать въ немъ ни желаній, ни сожалѣній; опасенія и надежды должны быть чужды его души въ тѣ минуты, когда онъ судитъ о мертвыхъ въ наученіе живымъ, и когда онъ произноситъ свой приговоръ во имя потомства. Историкъ долженъ быть независимъ, превыше нуждъ, вкусовъ и страстей. Въ такое время, когда пишутъ для того, чтобы жить, можно сказать о большей части тѣхъ, которые составляютъ литературный классъ то, что Югурта сказалъ о Римскомъ сенатѣ: »Продажное сословіе, которому не достаетъ только покупателей.«

При всемъ томъ историкъ, желающій быть безпристрастнымъ, не защищенъ отъ влеченій сердца; желая быть неприступнымъ для страха и надеждъ, онъ еще не неприступенъ для предубѣжденій, желая быть независимымъ отъ лицъ и предметовъ, онъ не освобождаетъ сужденія отъ вліянія на него чувствительности.

Сколько отвращенія или склонности, почти незамѣтиой, скрыто въ глубинѣ души; развѣ онѣ не могутъ измѣнить ее и наконецъ поработить себѣ? Число и дѣятельность враговъ замѣняютъ ихъ слабость: это Лиллипуты, которые, въ остроумномъ романѣ Свифа, овладѣваютъ Гулливеромъ: поразительная картина того, что мы ежедневно видимъ!

Сколько источниковъ пристрастія! Чтобы

развить ихъ всѣ, надобно написать цѣлое твореніе, а примѣры доказываютъ, что эти источники не суть сцѣпленіе воображенія, и что они не просто возможны, но раздѣленные или соединенные на самомъ дѣлѣ, имѣли пагубное вліяніе на историковъ, рѣшительно независимыхъ и наименѣе подозрѣваемыхъ въ пристрастіи.

Пристрастіе отъ мнѣній и основныхъ правилъ. Мнѣнія и правила участвуютъ не только при распредѣленіи и связи фактовъ; онѣ не только орудія, посредствомъ которыхъ мы воспринимаемъ событія, но мы съ удовольствіемъ выискиваемъ и принимаемъ факты, поддерживающіе наши мнѣнія. Конечно писатель можетъ быть далекъ отъ недобросовѣстности, которая оставляетъ другихъ въ молчаніи, но онъ желаетъ, чтобы писатели не обращали на это вниманія, а это желаніе и измѣняетъ само себѣ: тотъ, кто мечтаетъ о постепенномъ совершенствованіи человѣческихъ обществъ, и тотъ, кто думаетъ, что человѣческія общества имѣютъ свои фазы возраста, упадка и смерти, оба вдаются, сами того не зная, въ сей невольный обманъ.

Въ мірѣ нравственномъ, точно также какъ и въ мѣрѣ тѣлъ, есть средства, есть факты и основныя начала, которые привлекаютъ и призываютъ другъ друга.

Пристрастіе отъ филантропіи или мизантропіи. Въ великой картинѣ пороковъ и добродѣтелей,

продолжительныхъ бѣдствій и краткихъ промежутковъ благосостоянія человѣческаго рода, писатель, обладающій болѣе душею нежели умомъ, любитъ и ищетъ все то, что возвышаетъ человѣчество, чтобы самому сознавать его величіе. Если онъ находитъ прекрасный характеръ, онъ изображаетъ его во всей красотѣ, и удивляясь генію и добродѣтели, молчитъ о недостаткахъ: даже совратившійся съ пути человѣкъ внушаетъ ему какое-то уваженіе; это низложенный владыка, который опять можетъ вступить въ свои права. Писатель болѣе умный нежели энергическій, болѣе строгій нежели чувствительный, болѣе пораженный смѣшною нежели жалкою стороною событій, видитъ въ человѣкѣ трупъ, надъ которымъ можно попробовать скальпель, предметъ болѣе любопытства чѣмъ участія. Въ этомъ отношеніи, чудовища нравственнаго міра особенно привлекаютъ его вниманіе; онъ ищетъ, видитъ ихъ повсюду, или по крайней мѣрѣ описываетъ ихъ съ удовольствіемъ.

Пристрастіе отъ характера. Природа всегда разрушаетъ форму, въ которую вмѣщаетъ человѣческія души; души двухъ обыкновенныхъ людей, изслѣдованныя вблизи, быть можетъ, не болѣе сходны между собою, какъ души двухъ героевъ; но, при недостаткѣ совершеннаго сходства, есть однако болѣе или менѣе замѣтная аналогія между характерами. Сильные и возвы-

шенные характеры угадываютъ, обнимаютъ и изображаютъ себѣ подобныхъ лучше другихъ: они дурно судятъ о мелкихъ душахъ, потому что не могутъ занимать ихъ мѣста: имъ надобно спускаться слишкомъ высоко.

Пристрастіе отъ состоянія. Каждое состояніе имѣетъ свои мнѣнія, привычки, разнообразныя выгоды, которыя и составляютъ его особенный образъ воззрѣнія. Человѣкъ ученый, духовный, военный, не одинаково разсказываютъ одинъ и тотъ же фактъ, судятъ не по однимъ правиламъ о свойствѣ событій и о дѣйствіяхъ людей. Трудно предохранить себя отъ вліянія обычныхъ занятій на идеи, привязанность, сужденія, и заставить себя мыслить и судить единственно какъ человѣку; иногда тѣмъ болѣе писатель бываетъ пристрастенъ, чѣмъ болѣе онъ желаетъ отбросить всѣ предразсудки и старается выказать себя безпристрастнымъ.

Пристрастіе отъ остроты и обширности ума. Такой писатель хвалитъ своего врага и порицаетъ благодѣтеля, если они того заслуживаютъ; но онъ не противится покушенію связать дѣйствіе съ побудительными причинами или съ другими событіями, для него чуждыми, чтобы изощрить всю тонкость своего ума. Онъ пристрастенъ, потому что имѣетъ привычку или необходимость искать въ глубинѣ то, что находится на поверхности.

Принимая въ соображеніе всѣ сіи причи-

ны, болѣе или менѣе участвующія въ пристрастіи, можно тѣмъ утѣшить себя, что онѣ почти всегда *исключаютъ* одна другую, и что всѣ сіи опасности вдругъ угрожать намъ не могутъ. Но для избѣжанія отчаянія относительно самого себя и своего труда, не худо припоминать прекрасное выраженіе Фонтенеля, выраженіе, которое бы могло служить девизомъ для человѣческаго рода: »Должно стремиться къ совершенству безъ всякаго на него притязанія.«

И такъ безпристрастіе состоитъ въ опущеніи всѣхъ предубѣжденій. Вотъ гдѣ заключается нѣкоторымъ образомъ тотъ идеалъ историка, къ которому онъ болѣе и болѣе старается приблизиться; однако еще можно спросить: какія же слѣдствія этого безпристрастія и по какимъ признакамъ можно узнать его?

Неужели не предполагать себѣ никакой цѣли при сочиненіи Исторіи? Но цѣль непремѣнно должна быть, чтобы обратиться къ прошедшему. Прежде нежели историкъ примется за трудъ, онъ долженъ имѣть въ виду главную идею, которая и послужитъ ему руководствомъ при выборѣ матеріяловъ.

Неужели должно говорить обо всемъ? Но все то, что случилось иногда и не должно было бы случиться, и слѣдовательно такіе случаи не стоятъ быть разсказанными.

Не должно ли выставлять извѣстные факты

или извѣстныя лица на первомъ планѣ картины, а все прочее въ тѣни; не должно ли одно описывать подробно, а объ другомъ только намекнуть? Но развѣ на сценѣ жизни дѣйствующія лица всѣ равно на виду! Развѣ всѣ онѣ занимаютъ важныя мѣста? И кто же, если не историкъ, опредѣлитъ имъ приличное мѣсто?

Неужели не позволять себѣ никакого размышленія о лицахъ и дѣйствіяхъ? Но при размышленіи не откроется ли тайна собственной мысли? Когда размышленія ложны, къ нимъ прибавляется еще одна ложная мысль; когда онѣ справедливы, то безъ сомнѣнія онѣ должны быть хорошо размѣщены, точны и рѣдки, чтобы не прерывать драматическаго движенія, которое есть главное условіе Исторіи; и если именно таковы размышленія историка, то какимъ образомъ заключить о его пристрастіи?

Должно ли писать безъ всякаго жару и колорита? Такой совѣтъ тогда только легко подать, когда его легко можно выполнить, а между тѣмъ онъ всегда кажется нѣсколько пристрастнымъ. Впрочемъ пылкость слога и дѣйствія столько же доказываютъ, что человѣкъ пристрастенъ, сколько холодность служитъ доказательствомъ безпристрастія. Часто подъ холодностію скрывается величайшее пристрастіе, и историкъ писалъ бы съ жаромъ, если бы втайнѣ онъ не желалъ дать другой оборотъ мнѣніямъ читателя.

Единственный признакъ, по которому можно и должно отличать безпристрастіе, состоитъ въ томъ, что, по выраженію Цицерона, все сказанное должно быть основано на истинѣ. Какими бы любимыми идеями, господствующими мнѣніями и предпочтеніями ни руководствовался историкъ, онъ всегда безпристрастенъ, коль скоро, усматривая относящіеся близко или издалека къ его предмету факты, приводитъ ихъ всѣ, еслибы иногда это и было сопряжено съ тайнымъ и непреодолимымъ нежеланіемъ.

Наконецъ, есть средство, весьма простое, сдѣлать свое пристрастіе неопаснымъ: стоитъ только показать точку взгляда и духъ сочиняемой Исторіи. Астрономъ указываетъ на градусъ широты и долготы мѣста, гдѣ онъ наблюдалъ комету или затмѣніе, и даетъ также понятіе о свойствѣ и силѣ употребленныхъ имъ орудій. Если онъ ошибается, то самъ же и доставляетъ себѣ средства поправить свою ошибку. Точно такъ и историкъ, торжественно объявляя о своей политической вѣрѣ и о правилахъ, служившихъ ему руководствомъ, даетъ намъ возможность оцѣнивать и оправдывать свои ложныя сужденія.

ИЗОБРАЖЕНІЕ
ПЕРЕВОРОТОВЪ
ВЪ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМѢ
ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ

съ исхода пятнадцатаго столѣтія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1492 — 1618.

Продолженіе втораго періода.

1515 — 1556.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Причины, произведшія реформацію. Ея начало, успѣхи, ходъ и слѣдствія. Смалькальденскій союзъ.

Успѣшный ходъ образованности въ Италіи произвелъ цвѣтущій вѣкъ Медичисовъ, а въ Германіи онъ былъ причиною совершеннаго переворота въ религіозныхъ мнѣніяхъ. Въ то время, когда на югѣ Европы люди мирно на-

слаждались плодами дарованій и генія, на сѣверѣ умъ человѣческій томился въ оковахъ заблужденія, и, чуждый познанія важныхъ предметовъ, старался вырваться на свободу. Переворотъ религіозный, по своему началу и предмету, былъ на самомъ дѣлѣ переворотомъ политическимъ и имѣлъ рѣшительное вліяніе на общую систему Европы, и на отношенія всѣхъ государствъ.

Перевороты, измѣнявшіе міръ чрезъ перемѣну мнѣній большей части человѣческаго рода, могутъ быть разсматриваемы съ двухъ точекъ зрѣнія: относительно причинъ непрямыхъ и отдаленныхъ, или прямыхъ и ближайшихъ. Для уразумѣнія истинныхъ отношеній событій, должно соединить эти два различные способа воззрѣнія и сужденія; если же ихъ отдѣлить другъ отъ друга, то они не только ничего не объяснятъ, напротивъ, еще болѣе обезобразятъ предметы и поведутъ къ ложнымъ заключеніямъ. Точно также, если мы примемъ въ соображеніе однѣ прямыя и ближайшія причины событій, то слѣдствія покажутся несоразмѣрными съ этими причинами; великія перемѣны дѣлаются непостижимыми, и мы стараемся ихъ приписать случаю. Если же мы обратимся ко времени отдаленному для отысканія причинъ событій непрямыхъ и приготовительныхъ, и замѣтимъ, что происхожденіе ихъ заключалось въ самомъ характерѣ вѣка,

то полагаемъ, что событія необходимо должны были случиться. Кромѣ того, усматривая, что они были слѣдствіемъ общаго хода человѣческаго ума, удостовѣряемся, что въ мірѣ нравственномъ, точно также какъ и въ физическомъ, есть неизбѣжные результаты, которые иногда можно предвидѣть, но невозможно предупредить. Случай и необходимость содѣлываютъ всѣ предосторожности излишними и всѣ мѣры безполезными. Неопытность, принимающая ложныя мѣры; слабость, непринимающая никакихъ мѣръ и остающаяся въ бездѣйствіи, избѣгаютъ и собственнаго своего суда и упрековъ постороннихъ; невѣжество и неспособность заимствуютъ, въ этомъ оношеніи, признаки мудрости; мудрость же и твердость кажутся смѣшною гордостію; наконецъ страсти и пороки, кажется, освобождаютъ себя отъ всякой отвѣтственности.

Единственное средство для предупрежденія такихъ опасностей и для избѣжанія такихъ скалъ, состоитъ въ томъ, чтобы соединять вмѣстѣ оба начала рѣшенія задачи, и съ одинаковымъ вниманіемъ слѣдить за причинами переворотовъ, приготовительными и ближайшими. Какъ скоро мы убѣдимся въ идеѣ, что безъ приготовленій къ великимъ событіямъ, заключавшимся въ обыкновеніяхъ, мнѣніяхъ и общихъ нравахъ вѣка, въ который они происходили, причины прямыя и особенныя остались бы недѣйстви-

тельными, или, по крайней мѣрѣ, не могли бы произвести совершеннаго измѣненія, тогда уничтожится и несоразмѣрность между дѣйствіемъ и причиною, тогда не будемъ приписывать великихъ результатовъ какимъ нибудь безделицамъ, и тогда же не будетъ парадоксовъ въ событіяхъ. Съ другой стороны будетъ ясно видно, что безъ прямыхъ и ближайшихъ причинъ, причины общія и отдаленныя не могли бы произвести переворота; приготовленія ничего бы не приготовили, и сѣмена ужаснѣйшихъ переломовъ дремали бы долгое время и, можетъ быть, даже навсегда остались бы безъ дѣйствія. Но если человѣкъ не въ состояніи измѣнить, уничтожить и дать направленіе причинамъ прямымъ и ближайшимъ, то благоразуміе и твердость всегда могутъ предупредить зло, или ускорить развитіе блага.

Основныя правила сіи сами собою примѣняются къ реформаціи. Чтобы смотрѣть на нее съ настоящей точки зрѣнія и судить здраво, надобно бросить взглядъ на обстоятельства, которыя, измѣняя духъ вѣка, приготовили религіозный переворотъ; мы увидимъ тогда, какія были причины этого переворота, и кто были главные дѣйствователи.

Могущество папъ достигло высшей степени при Бонифаціѣ VIII. Съ этого времени паденіе его было болѣе или менѣе чувствительно; но все доказывало, что оно постепенно склоня-

лось къ упадку. Выше мы замѣтили, что перенесеніе папскаго престола въ Авиньонъ, поставившее папу въ зависимость отъ Филиппа Красиваго, уничтоженіе ордена Тампліеровъ, продолжительный расколъ на западѣ, сильныя мѣры соборовъ Констанцскаго и Базельскаго, нанесли жестокій ударъ власти папъ въ умахъ государей и народовъ. Измѣненія общественнаго порядка въ большей части Европейскихъ государствъ не только не могли поддержать колеблющееся могущество папъ, напротивъ, болѣе и болѣе должны были ослабить его. По мѣрѣ того, какъ вассалы теряли свои силы, а монархи пріобрѣтали ихъ, властолюбивые Римскіе первосвященники вездѣ находили болѣе враговъ и менѣе союзниковъ. Государи съ справедливымъ безпокойствомъ взирали на духовную власть, которая такъ самопроизвольно располагала ихъ свѣтскою властію. Пока папы имѣли на своей сторонѣ фанатическое невѣжество народовъ и честолюбіе сильныхъ вассаловъ, монархи принуждены были подчиняться непосредственному вліянію Римскаго двора. Но въ XV вѣкѣ монархическая власть, болѣе распространенная и лучше утвержденная, была уже въ состояніи устрашать вассаловъ и заставлять себя уважать даже папъ. Между тѣмъ какъ руки, столь часто вооружавшіяся за папъ, были ослабляемы законами и побудительною силою правительства, мнѣніе просвѣтлялось, а

успѣхи просвѣщенія отнимали у Рима средства къ владычеству. Умы, долгое время бывшіе неподвижными, и какъ будто лишившіеся употребленія своихъ силъ, освободились отъ летаргіи. Сначала ихъ дѣятельность обратилась на искусства механическія, потомъ на искусства воображенія, а наконецъ перешла и къ разуму. Стали размышлять, и мысль сама собою устремилась на религію, какъ на предметъ важнѣйшій. Во многихъ умахъ возникли сомнѣнія, сначала робкія и тайныя, вскорѣ открытыя и смѣлыя. Люди благочестивые и честные негодовали на поступки современнаго духовенства; такія жалобы раздавались повсюду, и не безъ причинъ. Монашескіе ордена умножались и обогащались; богатство измѣняло нравы монастырей, трудъ замѣнился праздностію, строгая жизнь — роскошною, примѣрное поведеніе — безпорядками, и по мѣрѣ того, какъ монахи лишались народнаго уваженія и падали во мнѣніи, они какъ будто еще болѣе увеличивали свои притязанія. Нищенствующіе ордена, вопреки своему названію, во всемъ являли роскошь; Римъ раздавалъ всѣ духовныя мѣста или прямо отъ себя, или по представительствамъ монашескихъ орденовъ. Италіянскіе священники, преимущественно предъ прочими, часто мѣста сіи получали болѣе по интригамъ, нежели по заслугамъ. Золото всѣхъ Европейскихъ государствъ наполняло сокро-

вищницу папъ, которые, подъ названіемъ аннатовъ, десятинъ, разрѣшеній, индульгенцій, собирали обильную дань.

Такія злоупотребленія, выведенныя наружу еще на соборахъ Констанцскомъ и Базельскомъ просвѣщенными мужами: Делльи, Герсономъ, Клеманжи, не смотря на всѣ справедливыя возраженія, продолжались; однакоже слова ревностныхъ противниковъ, бывшія выраженіемъ общаго голоса, не остались безплодными. Жалобы высказывались уже не втайнѣ: государи, дворянство и народъ требовали преобразованія Церкви. Монархи и вельможи съ неудовольствіемъ смотрѣли на богатыя имѣнія духовенства и желали возстановить нравы первобытной Церкви, т. е. чтобы духовенство было опять обращено въ прежнее бѣдное состояніе. Народъ хотѣлъ, чтобы оно менѣе было корыстолюбиво и болѣе щедро, и вмѣсто того, чтобы брать дань съ бѣдныхъ, помогало имъ своими избытками. Не таковыми представлялись папы Александръ VI и Юлій II; они не только не подавали собою примѣровъ простоты нравовъ и ревности къ поддержанію порядка, но, напротивъ, служили образцемъ всѣхъ безпорядковъ и пороковъ. Первый всѣмъ жертвовалъ корыстолюбію своему собственному и своего сына, и умеръ отъ слѣдствій проступка, имъ же самимъ задуманнаго. Юлій, болѣе честолюбивый, волнуя Европу и Италію для

распространенія своихъ владѣній, съ одинаковою легкостію составлялъ и разрывалъ союзы, игралъ обѣщаніями и клятвами, и бывши болѣе солдатомъ, чѣмъ священникомъ, самъ проливалъ кровь вѣрныхъ. Можетъ быть, и въ другія времена происходили такіе же безпорядки, какъ напримѣръ тогда, когда Марозія, располагая тіарою, возложила ее на главу послѣдняго изъ людей; но въ то время злоупотребленія Римскихъ первосвященниковъ, большею частію неизвѣстныя, не такъ были соблазнительны; рѣдкія и несовершенныя сношенія между народами скрывали ихъ отъ Европы: но въ эпоху Александра и Юлія всѣ народы, зная о безпорядочныхъ поступкахъ начальниковъ Римской Церкви, могли судить о нихъ. Соборъ въ Пизѣ, мѣры, употребленныя Людовикомъ XII и Максимиліаномъ I для низложенія и наказанія Юлія, выказали его поведеніе въ самомъ ненавистномъ видѣ; между тѣмъ книгопечатаніе, введенное во многихъ Европейскихъ державахъ, быстро распространяло въ нихъ истину и заблужденіе, похвалу и порицаніе, и соединяя людей изъ разныхъ странъ, создало общественное мнѣніе.

Оно-то, въ исходѣ XV столѣтія, придало важность богословскимъ идеямъ и частнымъ нововведеніямъ, которыя, можетъ быть, безъ него погибли бы при самомъ началѣ. Религіозная система Римской Церкви, составляемая по-

степенно съ большимъ искусствомъ, по видимому была такъ прочна, что папы часто не обращали вниманія на своихъ противниковъ; и, въ самомъ дѣлѣ, до изобрѣтенія книгопечатанія, мнѣнія нововводителей, мало извѣстныя, едва ли могли быть опасны. Ученіе Ваатландцевъ, идеи Виклефа, примѣненныя и распространенныя Іоанномъ Гуссомъ, наконецъ мысли самого Гусса, при всей печальной знаменитости его кончины и происшедшихъ отъ того войнъ, не имѣли въ Европѣ успѣховъ и мало пріобрѣли приверженцевъ; но съ книгопечатаніемъ все измѣнилось: идеи богослововъ, которыя бы могли оставаться въ ихъ головахъ и сочиненіяхъ, теперь, переходя изъ одной земли въ другую, могли угрожать господствующему ученію. Папы чувствовали опасность; старались воспользоватьея новымъ сильнымъ средствомъ и обратить его въ свою пользу,—но трехвѣковой опытъ доказалъ, что это новое средство столь же непокорно, какъ и дѣятельно.

Изученіе мертвыхъ языковъ, введенное въ Европѣ удалившимися изъ Константинополя Греками, распространило область идей и заставило желать — читать всѣхъ авторовъ въ подлинникѣ. Очевидно, что чрезъ знаніе языковъ Греческаго и Еврейскаго, многіе умы могли быть въ состояніи сравнивать господствующее ученіе съ тѣми книгами, которыя ему служили источникомъ. Кельнскіе богословы,

преслѣдовавшіе знаменитаго Іоанна Рейхлина (Капніонъ), возстановителя Еврейскаго языка въ Германіи, постоянно стремились къ тому, чтобы продлить невѣжество; но даже въ Германіи начали писать на природномъ языкѣ, а чрезъ это всѣ идеи могли легко распространяться въ низшихъ народныхъ классахъ.

Такимъ образомъ, въ исходѣ XV вѣка, явились слѣдствія сихъ измѣненій. Вездѣ выходили сочиненія, важныя или сатирическія, противъ злоупотребленій Римской Церкви, и, разумѣется, что папы и монахи не были пощажены. Всѣ читали съ жадностію эти сочиненія; они сдѣлались предметомъ разговоровъ; а между тѣмъ язвительная насмѣшка, столь свойственная человѣческому уму, безпрестанно получала новую пищу. Народъ началъ перемѣнять мнѣніе о духовенствѣ; нѣкоторые пылкіе умы стали явно вооружаться противъ господствующей религіи и даже говорили, что она несообразна съ Евангеліемъ. Дѣйствительно, въ Италіи, вблизи самаго мѣстопребыванія первосвященника, при возможности наблюдать и познавать его власть, еще въ XIII и XIV вѣкахъ были употребляемыя смѣлыя средства; такъ папы, духовенство и самые догматы не были пощажены въ поэмахъ Данте и въ повѣстяхъ Боккачіо. Впрочемъ Данте и Боккачіо оба были выше своего вѣка, а потому ихъ сочиненія мало читали, а еще менѣе понимали.

Въ это же время вкусъ критиковать злоупотребленія Римскаго духовенства, сдѣлался общимъ; умы важные и пламенные истощали себя въ разсужденіяхъ; умы легкіе и шутливые ограничивались шутками. Вездѣ господствовало какое-то тайное волненіе и скрытное безпокойство. Идеи религіозныя, внушенныя папами, не согласовались болѣе съ потребностями вѣка и съ успѣхами просвѣщенія. Изъ двухъ основныхъ началъ, управляющихъ человѣкомъ, вкусъ къ новизнѣ и силы привычки, первый взялъ верхъ, и не могъ быть удержанъ въ равновѣсіи другимъ, потому что умы сдѣлались болѣе дѣятельными и мысль требовала движенія. Не знали, что именно надобно измѣнить, но полагали, что измѣненіе необходимо, и сильно желали этого. Сюда же присоединились страсти. По мѣрѣ успѣховъ цивилизаціи увеличивались честолюбіе, тщеславіе и желаніе удовольствій; стали завидовать власти Римскаго духовенства, а особенно тому богатству, которое позволяло жить духовнымъ роскошно и праздно. Общее расположеніе умовъ ясно показывало, что въ Европѣ готовится какое нибудь великое потрясеніе.

По видимому все было готово къ перевороту, который папы легко могли бы предупредить, если бы имѣли вѣрную идею о грозившей имъ опасности, и если бы знали и посовѣтовались съ общественнымъ мнѣніемъ. Стоило только

истребить злоупотребленія и преобразовать власть, которая ихъ умножала; и чрезъ уничтоженіе или преобразованіе прежнихъ постановленій, папы могли бы удовлетворить желанію всей Церкви. Пусть они слишкомъ были привязаны къ своимъ правиламъ и находили въ нихъ свою выгоду: надобно было принести жертву обстоятельствамъ, или, по крайней мѣрѣ, быть болѣе осмотрительными, благоразумными, и употребить всѣ средства власти и проницательности, чтобы предупредить жестокій взрывъ. Съ твердостію и правотою можно было умѣрить волненіе умовъ и удержать нововводителей: сѣмена революціи могли бы быть уничтожены, или остались бы безплодными. Горючія вещества были готовы; но при искусномъ отдаленіи искры, была еще надежда отвратить опасность. Сами папы произвели эту искру, и породили причины прямыя и ближайшія, развившія дѣятельность причинъ общихъ.

1513 На престолѣ папскомъ былъ Левъ X. Онъ могъ управлять Церковью во времена спокойныя и счастливыя; но его умъ и характеръ не согласовались съ приготовлявшимся переломомъ. Образованный, добрый, великодушный, въ частной жизни онъ могъ бы быть примѣрнымъ человѣкомъ, но какъ монархъ, онъ былъ слабъ и неспособенъ. Науки и искусства занимали его гораздо болѣе, нежели великое

управленіе, на немъ лежавшее; впрочемъ нравственностію онъ былъ гораздо выше своихъ предшественниковъ. Совершенно чуждый пороковъ Александра и Юлія, но лишенный энергіи, онъ испыталъ на себѣ слѣдствія ихъ же безпорядковъ, можетъ быть, потому, что не имѣлъ ихъ твердости и смѣлости. Бывъ щедръ и любя пышность, онъ издерживалъ болѣе получаемыхъ доходовъ: базилика храма св. Петра стоила неимовѣрныхъ суммъ. Желая доставить себѣ новые источники доходовъ, Левъ прибѣгалъ къ тѣмъ средствамъ, которыя папы часто употребляли съ успѣхомъ, именно къ продажѣ индульгенцій. То были письменные виды на неистощимое сокровище самопроизвольныхъ дѣлъ духовенства, пріобрѣтаемые вѣрующими за деньги, и это особеннаго рода пріобрѣтеніе заглаживало всѣ проступки, заступало мѣсто добродѣтели и обѣщало небо владѣтелю индульгенціи. Уже нѣсколько разъ, въ нѣдрахъ самой Римской Церкви, появлялись люди умные и благочестивые, которые возставали противъ сего постыднаго торга; но папы не обращали вниманія на всѣ ихъ возгласы. Левъ, непонимавшій духа своего вѣка и несовѣтовавшійся съ нимъ, полагалъ, что это финансовое средство удастся ему также, какъ и его предшественникамъ. Особенно предполагали воспользоваться имъ въ Германіи и въ странахъ сѣверныхъ, потому что невѣжество

былъ болѣе дѣятеленъ и быстръ, нежели тонокъ и проницателенъ. Онъ легко обнималъ великія черты и привязывался къ массамъ; оттѣнки и подробности ускользали отъ него: Просвѣщенный, но не мудрецъ, Лютеръ уважалъ просвѣщеніе, и рано показывалъ непреодолимое отвращеніе къ схоластической философіи. Основныя правила и идеи его были скорѣе результатомъ перваго вѣрнаго, свѣтлаго взгляда, нежели плодомъ глубокихъ размышленій и медленнаго изслѣдованія. Геніемъ открывалъ онъ весьма счастливо истину; методическаго, аналитическаго и строгаго ума, обнимающаго все не быстро, но вѣрно — онъ не имѣлъ; страсти его были пламенны, и продолжительны, или лучше сказать, онъ обладалъ одною господствующею страстію — любовью къ тому, что почиталъ истиннымъ, и желаніемъ заставить восторжествовать свое убѣжденіе. Воля прямая, энергическая, непоколебимая дѣлала его чуждымъ неполныхъ мѣръ, нерѣшительности и недоумѣнія. Характеръ его отразился и на умѣ; правила, однажды принятыя, были неизмѣнны; въ другія онъ не вдавался; нравъ стремительный и неукротимый, неумѣренный ни воспитаніемъ, ни свѣтскими обычаями, не дозволялъ ему удерживать себя въ выраженіяхъ, коль скоро онъ думалъ имѣть на своей сторонѣ разсудокъ и обязанность. Неутомимый въ трудѣ, сильный въ нападеніи, неустрашимый

въ сопротивленіи, Лютеръ имѣлъ болѣе характера, нежели генія, болѣе силы воли, нежели силы ума, менѣе богатства идей, нежели единства въ направленіи, которое умѣлъ имъ дать. Надменный, какъ бываютъ всѣ люди, имѣющіе въ виду одинъ предметъ; строгій къ другимъ, потому что былъ строгъ къ самому себѣ; отъ природы горячій и пристрастный, онъ еще болѣе усилилъ въ себѣ всѣ эти черты во время своей борьбы. Ошибки его, можетъ быть, столько же принесли пользы его дѣлу, какъ и его хорошія качества. Еслибы онъ былъ умѣреннѣе, спокойнѣе, совершеннѣе въ нравственномъ отношеніи, то никогда бы не рѣшился на столь важное предпріятіе, или бы не имѣлъ въ немъ никакого успѣха.

Таковъ былъ человѣкъ, мирно преподававшій Богословіе въ Виттемберѣ, когда продажа индульгенцій навсегда извлекла его изъ неизвѣстности и спокойствія. Въ мірѣ онъ жилъ невѣдомый, и самъ себя не зналъ. Характеръ и дарованія, развитые имъ въ послѣдствіи, существовали только въ могуществѣ; обстоятельства научили его познать себя и распространили средства, которыя, въ другое время, остались бы неизвѣстными. Лютеръ вознегодовалъ на развращеніе нравственности народа и на сборъ съ него денегъ; изучивъ священныя книги, онъ могъ вѣрно судить объ условіяхъ спасенія, и потому выпустилъ нѣсколько воз-

1517 раженій противъ индульгенцій. Въ это время, и даже позже, онъ не предвидѣлъ, до чего доведетъ его такой поступокъ; онъ просто возсталъ противъ злоупотребленія. Такъ много сдѣлали еще до него другіе! Всѣ защитники того, на что напалъ Лютеръ, начинаютъ говорить и писать противъ этого смѣлаго монаха. Вызванный своими врагами, онъ противопоставляетъ имъ новыя сочиненія, смѣлѣе первыхъ, и борьба завязывается. Доминиканцы, увѣренные въ своемъ торжествѣ, призываютъ его въ Римъ. Левъ X могъ бы окончить этотъ споръ, заставивъ молчать обѣ партіи и отозвавъ Тецеля; если же онъ хотѣлъ поддержать его, осудить и наказать Лютера, то немедленно долженъ бы былъ произнести свой судъ и исполнить приговоръ. Но, развлеченный другими заботами, и совершенно презирая Нѣмецкаго монаха, папа замедлилъ дѣло. Сочиненія умножались, идеи пришли въ движеніе, умы воспламенились, и Лютеръ пріобрѣлъ приверженцевъ. Наконецъ, въ 1518 году, Левъ поручилъ Ѳомѣ Віо, уроженцу Гаэты, заставить Лютера отказаться отъ своихъ мнѣній, а въ противномъ случаѣ велѣлъ наказать его. Лютеръ отправляется въ Аугсбургъ, является къ легату, не принимаетъ ни ласкъ, ни угрозъ его, и удаляется, не исполнивъ желанія папы. Папа зоветъ его въ Римъ, и когда самъ Римъ осудилъ его, онъ обращается къ власти собора.

Обстоятельства благопріятствовали Лютеру. Максиміліанъ умеръ, и въ продолженіе шестилѣтняго междуцарствія, имперіею управлялъ, въ качествѣ намѣстника, курфирстъ Фридрихъ Мудрый. Этотъ государь былъ достоинъ названія, даннаго ему современниками. Умѣренный въ правилахъ и поступкахъ, онъ былъ чуждъ крайностей въ партіяхъ, и по разсудительному уму своему не легко осуждалъ мнѣнія другихъ. Какъ человѣкъ религіозный, онъ любилъ истину, искалъ ее съ добрымъ намѣреніемъ и не довѣрялъ своимъ познаніямъ. Дарованія Лютера могли быть оцѣнены Фридрихомъ, который уважалъ его характеръ, и, по благочестію своему, видя злоупотребленія Римской Церкви, настоятельно требовалъ ея преобразованія. Лютеръ прославилъ собою университетъ Виттембергскій; Фридрихъ со всею нѣжностію отца любилъ это заведеніе, желалъ его удержать въ немъ, и даже съ удовольствіемъ смотрѣлъ на возраженія противъ индульгенцій. Вотъ почему курфирстъ не только не безпокоилъ Лютера, но еще покровительствовалъ ему; и пространство времени, отдѣляющее смерть Максиміліана отъ вступленія на престолъ Карла V, чрезвычайно благопріятствовало успѣхамъ новаго ученія. Неукротимые, но неискусные противники Лютера, Іоаннъ Экъ, Ингольштадскій богословъ, и Яковъ Гогстратенъ, Доминиканецъ, только дали ему по-

1519

чувствовать его же перевѣсъ, который показали въ полномъ блескѣ, и тѣмъ доставили ему многихъ друзей.

Между этими друзьями, Карлоштадтъ и особенно Меланхтонъ, играютъ дѣятельнѣйшую роль. Карлоштадтъ, ревностный до запальчивости, готовый на все отважиться и всѣмъ пренебрегать, болѣе способный сражаться руками, чѣмъ дѣйствовать на словахъ, могъ назваться погибшимъ дитятею партіи. Меланхтонъ превосходилъ Лютера обширностію ума и глубокостію взгляда, богатствами просвѣщенія и совершенствомъ слога; но робкій, нерѣшительный, онъ не имѣлъ той смѣлости, которая заставляетъ рѣшаться на дѣла трудныя, той твердости, которая упорствуетъ въ предпріятіяхъ, и той силы ума, которая повинуется убѣжденію, не обращая вниманія на послѣдствія. Меланхтонъ могъ бы составить планъ реформаціи, но привести его въ исполненіе былъ бы не въ состояніи. На вѣсахъ безпристрастія Меланхтонъ взвѣшивалъ еще дѣло обѣихъ партій, а Лютеръ говорилъ уже открыто; первый молился, а другой сражался; одинъ плакалъ, а другой грозилъ своими угрозами. Меланхтонъ былъ началомъ преобразованія идей; Лютеръ началомъ движенія и дѣйствія, что и необходимо было для успѣха реформы.

1520 Война вспыхнула. Римъ объявилъ Лютера виновнымъ въ ереси; сочиненія его были пуб-

лично сожжены въ Лувенѣ, Кельнѣ и Майнцѣ; папа буллою повелѣлъ Фридриху Мудрому исполнить приговоръ надъ дерзкимъ монахомъ. Лютеръ же сталъ настоятельно требовать папу на соборъ, и сжегъ въ Виттембергѣ кодексъ каноническаго права. Левъ X, прежде столь безпечный, на этотъ разъ, можетъ быть, былъ слишкомъ строгъ, и, подобно всѣмъ слабымъ правителямъ, не умѣлъ употребить кстати ни мѣръ сильныхъ, ни кроткихъ. Лютеръ ушелъ слишкомъ далеко впередъ, чтобы отступить назадъ: необходимость защищать себя заставила его искать новаго оружія для умноженія своихъ нападеній. Уже успѣхи его, вмѣстѣ съ тайною его силъ, доставили ему общественное мнѣніе, и тогда виды на реформу распространились одинаково съ идеями и свѣдѣніями. Вся Католическая религія основывалась на власти Церкви и папъ; съ разрушеніемъ этого основанія должно было рушиться все зданіе. Вотъ куда Лютеръ устремилъ всѣ свои удары: вмѣсто того, чтобы опредѣлять смыслъ Св. Писанія, онъ обратился къ дѣйствію перевода Св. Писанія, и тѣмъ низпровергъ все прежнее. Теперь вѣрованіе должно было основываться на изслѣдованіи, а религія на Евангеліи и убѣжденіи каждаго человѣка, и каждый дѣлался судьёю своей вѣры.

Чрезъ торжественное сожженіе каноническаго права, Лютеръ совершенно измѣнилъ по-

становленіе великаго Христіанскаго общества. Дѣло шло уже не о частной реформѣ, но о переворотѣ; не о какихъ нибудь измѣненіяхъ, но о совершенномъ переломѣ.

Между тѣмъ, послѣ событія въ Виттембергѣ, Лютеръ не объявилъ сначала, что не желаетъ болѣе къ себѣ снисхожденія, но требовалъ рѣшенія собора, на который Левъ болѣе всего надѣялся. Карлъ V смотрѣлъ равнодушно на религію. Многіе думали, что онъ соглашался съ новымъ ученіемъ, потому что не показывалъ себя ревностнымъ Католикомъ; другіе же почитали его такимъ, потому что въ послѣдствіи онъ вооружился противъ нововводителей. Въ это время Карлъ полагалъ необходимымъ ласкать общественное мнѣніе; признательность связывала его съ курфирстомъ Саксонскимъ, тайнымъ покровителемъ Лютера, и потому онъ не спѣшилъ останавливать событій, занимавшихъ и безпокоившихъ Римъ. Врагъ папы былъ призванъ на Вормскій сеймъ. Лютеръ, вопреки опасеніямъ своихъ друзей, отправился туда; мужественно поддерживалъ тамъ свое ученіе и ни отъ чего не хотѣлъ отказаться. Рѣзкія черты лица, неумѣренный тонъ и бурное краснорѣчіе отдалили отъ него императора; и едва только Лютеръ оставилъ Вормсъ, какъ сеймъ осудилъ его, запретилъ читать его сочиненія и всѣмъ властямъ приказалъ преслѣдовать ихъ. Курфирстъ Саксонскій,

чтобы избавить Лютера отъ опасности, приказалъ схватить его, вѣроятно съ согласія Карлова, четыремъ замаскированнымъ рыцарямъ, и тайно отвести въ замокъ Вартбургъ, близъ Ейзенаха. Въ этомъ уединеніи, которое Лютеръ называлъ Патмосомъ, онъ имѣлъ время изучить и перевести книги, которыя могли служить опорною точкою для послѣдователей, и упрочить его систему. Отсюда же по всей Германіи онъ началъ распространять сочиненія, для убѣжденія и наученія своихъ приверженцевъ: сочиненія сіи тѣмъ болѣе были поразительны, что заключали въ себѣ нѣчто таинственное, и какъ будто были писаны невидимою рукою.

Пока Лютеръ былъ въ заключеніи, ученіе 1521 —
его распространилось быстро; энтузіасмъ смѣ- 1522
шался съ убѣжденіемъ; любовь къ истинѣ и неопредѣленное безпокойство, страсть къ новизнѣ, дѣятельное тщеславіе, презрѣніе къ злоупотребленіямъ и представлявшіяся въ будущемъ выгоды — всѣ эти обстоятельства увеличивали число послѣдователей Лютеровыхъ. Одни видѣли въ новомъ ученіи предметъ, достойный почтенія; другіе же пристали къ нему, какъ къ средству достиженія своей цѣли. Въ Ерфуртѣ, въ Вормсѣ, въ Гальберштадтѣ, въ Страсбургѣ, въ Австріи, въ Богеміи стали тоже проповѣдывать новыя правила. Но уваженіе къ прежнимъ идеямъ, сила привычки,

бездѣйствіе ума, ничего не испытующее, гордость, отвергающая все допускаемое тщеславіемъ, желаніе продолжить выгодныя злоупотребленія, весьма естественное опасеніе, касательно всеобщаго низпроверженія и самая смѣлость новыхъ мнѣній, возбудили противъ Лютера могущественныхъ противниковъ. Важная борьба завязалась вездѣ между идеями, освященными вѣками, укорененными въ умахъ, защищаемыми съ упорствомъ, и идеями возрождающимися, за которыя тѣмъ болѣе воспламеняются, чѣмъ менѣе ихъ знаютъ: тамъ хотятъ все сохранить; здѣсь угрожаютъ всеобщимъ разрушеніемъ. На обѣихъ сторонахъ свирѣпствуютъ одинаковыя страсти, различныя только по средствамъ, но не по цѣли, и сходныя между собою по желанію золота, власти и наслажденій. Каждая партія считаетъ свои намѣренія чистыми, и полагаетъ основою своею любовь къ истинѣ и благу; а противникамъ приписываетъ всѣ даже ненавистныя побужденія. Вездѣ клевета, поношеніе замѣняетъ мѣсто здраваго разсудка. При такихъ условіяхъ сохранятся ли прежнія формы и учрежденія? Или все будетъ переплавлено, подобно металламъ, для того, чтобы явиться въ новомъ видѣ? Вотъ предметъ важнаго процесса, который раздѣлялъ Германію, и вскорѣ долженствовалъ раздѣлить большую часть Европы.

При нападеніи дѣйствовали съ бо́льшею

живостію, нежели при защитѣ: приверженцы Лютера увлеклись слишкомъ далеко, и Карлоштадтъ уничтожилъ въ Виттембергѣ иконы, не 1522
помышляя, что вѣрованіе чрезъ это разрушится или будетъ ослаблено. Ѳома Минцеръ, фа- 1524
натикъ или честолюбивый обманщикъ, сталъ къ политическому обществу примѣнять тѣ правила, которыя Лютеръ хотѣлъ ввести только въ одномъ духовномъ обществѣ, и смѣшивать гражданскую свободу съ нравственною. Вооружаясь такимъ образомъ противъ всякой власти, Минцеръ возмутилъ невѣжественныхъ и легковѣрныхъ крестьянъ, которые отъ бѣдности и корыстолюбія были въ состояніи на все рѣшиться. Освободившись изъ заключенія, Лютеръ вооружился противъ ревности Карлоштадта, и тѣмъ сильнѣе противъ Минцера, что новое ученіе можно было обвинять въ ложныхъ и опасныхъ слѣдствіяхъ и ожидать, что подобные безпорядки нанесутъ ему смертельный ударъ. Переведенную Библію онъ постепенно сталъ выпускать въ свѣтъ: это были статьи процесса, которыя вручали всему свѣту. Тогда открылась возможность сравнивать господствующую религію съ ея прототипомъ, и такое сближеніе не было выгодно для католицисма. Между тѣмъ, не смотря на убѣжденія и угрозы Лютера, Минцеръ продолжалъ распространять духъ мятежа по селеніямъ; заблудшіе крестьяне думали, что исполняютъ свои обя-

занности чрезъ преступленія, что повинуются Небу, не повинуясь своимъ властямъ, и воображали еще, что слѣдуютъ своей совѣсти, а на самомъ дѣлѣ управлялись однѣми страстями. Съ такими-то мыслями они прошли Турингію, Гессенъ, Вестфалію, вездѣ оставляя кровавые слѣды. Необходимо было вооружиться силою, чтобы остановить успѣхи мнѣнія, противнаго общественному порядку. Саксонія, Гессенъ, Брауншвейгъ совокупно вооружились для этой
1525 цѣли: войско Минцера было разбито при Франкенгаузенѣ; прочіе отряды тоже въ другихъ мѣстахъ потерпѣли пораженіе; около пятидесяти тысячъ человѣкъ погибло, какъ жертвы неистовства страстей своего предводителя, кровь котораго, справедливо проліянная, не могла загладить бѣдствій и предупредить ихъ на будущее время.

Въ продолженіе сихъ плачевныхъ событій, доказавшихъ кровавыми примѣрами, что всегда опасно потрясать идеи и обычаи народовъ, и что всякое насильственное потрясеніе умовъ есть родъ вызова, сдѣланнаго наудачу, котораго слѣдствія неисчислимы, Лютеръ старался отдѣлить истину отъ заблужденія, отличить основныя правила отъ злоупотребленій, и ревностно приступилъ къ продолженію начатаго дѣла; реформація двинулась впередъ. Фридрихъ Мудрый умеръ, довольствуясь, при жизни своей, содѣйствіемъ къ распространенію новаго

ученія; но Іоаннъ Постоянный, почитая умы уже приготовленными, уничтожилъ прежнее исповѣданіе. Примѣру его послѣдовалъ Ернстъ, 1525
герцогъ Люнебургскій; Филиппъ Великодушный, ландграфъ Гессенскій, государь твердый и предпріимчивый, ввелъ уже новые церковные уставы въ своемъ государствѣ. Въ большей части сихъ странъ мнѣніе опередило дѣйствіе верховной власти, которой оставалось только высказать желаніе народовъ на введеніе новаго исповѣданія.

Въ тѣхъ земляхъ, куда проникла реформа, власть папъ была отвергнута; многіе изъ прежнихъ церковныхъ постановленій и обрядовъ уничтожены; бракъ священникамъ позволенъ; монашескіе обѣты сняты; монастыри закрыты. Духовенство вездѣ имѣло большія помѣстья: они-то обратили на себя вниманіе владѣтелей, имѣвшихъ много нуждъ и мало доходовъ; дворянства, желавшаго увеличить ими свои имѣнія и быть первымъ сословіемъ въ государствѣ, и городовъ, которые имѣли намѣреніе употребить произведенія церковныхъ земель на предметы общеполезные. Духовныя имущества были обращены въ свѣтскія, и потомъ примѣнены, съ большею или меньшею мудростію, къ поддержанію новаго исповѣданія, бѣдныхъ и заведеній для общественнаго воспитанія. Дѣйствія сіи возбудили многочисленные упреки. Нѣсколько разъ собирались сеймы въ Нюрен-

1524 бергѣ и Шпейерѣ; но всѣ эти собранія слабо
1529 были поддерживаемы императоромъ, который тогда совершенно былъ озабоченъ собственнымъ своимъ дѣломъ — именно войною съ Франціею. Должно еще замѣтить, что на сеймахъ присутствовали, вмѣсто государя, приверженные къ реформѣ, и государи католическіе, которые, опасаясь быстро возрастающаго могущества Карла, не хотѣли обратиться къ мѣрамъ слишкомъ строгимъ, и только неопредѣленно настаивали о необходимости подчинить себя Вормскому сейму, и созвать соборъ для окончательнаго рѣшенія спорныхъ пунктовъ. Между тѣмъ дѣлали попытки остановить успѣхи Лютерова ученія, тѣмъ, что запрещали нововведенія въ тѣхъ частяхъ Германіи, куда они еще не проникли, и не допускали дальнѣйшихъ, гдѣ реформація уже установилась. Но государи, принявшіе ее, торжественно протествовали противъ такого рѣшенія, и отправили депутацію въ Піаченцу для представленія протеста Карлу Пятому — *протеста* тѣмъ знаменитаго, что онъ сообщилъ свое названіе всѣмъ послѣдователямъ реформы.

Въ это время миръ Камбрейскій позволилъ Карлу обратить вниманіе на Германскія дѣла. Онъ созвалъ сеймъ въ Аугсбургѣ, и приказалъ
1530 Протестантамъ представить содержаніе своего вѣроученія для обсужденія дѣла. Трудъ былъ не легокъ; теперь нужно было изложить но-

вые правила во всей ихъ цѣлости, съ самой выгодной точки зрѣнія, и такъ, чтобы умѣренными выраженіями, по возможности, сблизить ихъ съ господствующею религіею. Лютеръ, чуждый всякой умѣренности, не могъ, слѣдовательно, и быть способенъ на это дѣло, и потому порученіе возложено было на Меланхтона, болѣе искуснаго и болѣе разсудительнаго. Представленное объясненіе, написанное по этому случаю, заключало въ себѣ идеи реформаторовъ; но оно не могло служить постояннымъ правиломъ вѣроисповѣданію, потому что могло противорѣчить основному началу новаго ученія. Впрочемъ, по одной изъ несообразностей, столь свойственныхъ человѣческому уму, главы реформы сдѣлали его основнымъ камнемъ своей партіи и указали на него своимъ многочисленнымъ послѣдователямъ, какъ на единственный законъ, который можетъ ихъ спасти отъ свободы мнѣній, и какъ на точку соединенія, которая предохранитъ ихъ отъ безначалія. Тогда приверженцы Лютера, или по безпечности, или по необходимости вѣрованія, поклялись въ исполненіи новаго постановленія, которое и замѣнило у нихъ власть папы.

Въ Аугсбургѣ возникло первое разномысліе между Лютеранами и Цвинглистами. Въ Швейцаріи продажа индульгенцій также вооружила, противъ господствующаго злоупотребленія, ревность Цвинглія, католическаго свя-

щенника, родившагося въ Вильденгаузенѣ, въ графствѣ Тогенбургскомъ. Этотъ человѣкъ съ строгою нравственностію соединялъ характеръ болѣе кроткій, можетъ быть, даже побужденія, чуждыя личныхъ страстей, въ сравненіи съ Германскимъ реформаторомъ. Цвинглій принялъ главныя идеи Лютера; но не соглашался съ нимъ въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ. Ученіе
1524 Цвингліево прежде всего было проповѣдуемо и принято въ Цюрихѣ, потомъ въ кантонахъ Базельскомъ, Бернскомъ и Шафгаузенскомъ правительственнымъ сословіемъ — богатѣйшимъ и образованнѣйшимъ въ Швейцаріи, и слѣдственно самымъ рѣшительнымъ на нововведенія. Мирные обитатели Верхнихъ Альповъ, привязанные къ стариннымъ обычаямъ, смотрѣли на свою вѣру, какъ на священное наслѣдіе, и потому остались вѣрными религіи своихъ отцовъ. Цвингліево ученіе мало имѣло послѣдователей въ сихъ небольшихъ кантонахъ, гдѣ идеи и правила неизмѣнныя, какъ природа, рѣдко измѣняются, потому что взаимныя сношенія рѣдки и затруднительны; но за то въ Германіи это ученіе пріобрѣло большой успѣхъ. Доказательствомъ служитъ Аугсбургскій сеймъ.

Лютеръ, вмѣстѣ съ своими послѣдователями, сильно взволновался такими отклоненіями, которыя стремились къ одному изъ неумѣстныхъ сближеній, когда дѣло идетъ о мнѣніяхъ, а не о выгодахъ, и когда сила убѣжде-

нія, существенная или мнимая, не допускаетъ сообразоваться съ истиною. Безполезныя собранія, гдѣ каждая партія подкрѣпляла свое ученіе, только усилили вражду и раздоръ. Обѣ стороны начали нападать другъ на друга, насмѣхаться и позволять себѣ самыя ненавистныя нареканія, и для удовлетворенія общаго врага, Лютеране и Цвинглисты тѣмъ болѣе ненавидѣли другъ друга, что были отдѣлены только легкими оттѣнками, и, по видимому, враждовали сильнѣе, нежели съ католиками.

Цвинглій не долго пережилъ всѣ эти раздоры. Междоусобная война вспыхнула въ 1531
Швейцаріи. Протестантскіе кантоны хотѣли принудить и прочіе къ принятію новаго ученія, и отказались отъ доставки имъ жизненныхъ потребностей. Кантоны католическіе взялись за оружіе. Цвинглій, первая духовная особа въ Цюрихѣ, также видѣлъ себя принужденнымъ взяться за оружіе вмѣстѣ съ другими. Онъ не хотѣлъ, чтобы его обвиняли въ навлеченіи на соотечественниковъ тѣхъ опасностей, которыя онъ самъ отказывался раздѣлять съ ними. Пылкій и храбрый, онъ погибъ достославно, защищая отечество въ сраженіи при Каппелѣ, гдѣ католики остались побѣдителями.

Между тѣмъ, какъ Цвинглисты, одерживая верхъ надъ учениками Лютера, возбуждали его негодованіе, и какъ будто оправдывали упрекъ

въ непрочности началъ реформаціи, которую еще прежде многіе предсказывали, новая секта, проповѣдуя также свободу изслѣдованія, быстро усиливалась ревностію основателя ея, Кальвина. Этотъ замѣчательный человѣкъ, родив-
1509 шійся въ Нойонѣ, въ Пикардіи, воспользовался основаніемъ ученія Нѣмецкаго реформатора; но не желалъ оставаться рабскимъ приверженцемъ ученія другаго, и потому измѣнилъ Лютерово. Сближаясь съ Цвингліемъ относительно нѣкоторыхъ идей, Кальвинъ преувеличилъ многія положенія Лютера. Строгій до излишества къ самому себѣ и къ другимъ, онъ отличался характеромъ деспотическимъ, умомъ проницательнымъ, обширными познаніями и неутомимою дѣятельностію. Онъ не такъ былъ неукротимъ, какъ Лютеръ, но болѣе честолюбивъ нежели Цвинглій, болѣе заносчивъ, въ сравненіи съ Меланхтономъ. При покровительствѣ королевы Маргариты Наваррской, тайно согласовавшейся съ новыми идеями, ученіе Кальвина успѣшно распространилось по Франціи. Но когда Францискъ возсталъ противъ нововводителей, Кальвинъ удалился въ Швейцарію, и въ Базелѣ издалъ свое *Христіанское постановленіе,* которое посвятилъ Французскому королю. Вильгельмъ Фарель пригласилъ его въ Женеву для окончанія начатой реформы. Кальвинъ былъ не только глубокій богословъ, но искусный законодатель; участіе, которое онъ принималъ въ граждан-

скихъ и религiозныхъ законахъ, нѣсколько вѣковъ составлявшихъ благо Женевы, прославляютъ его, можетъ быть, лучше всѣхъ богословскихъ сочиненiй. Женевская республика, знаменитая, не смотря на свое малое пространство, умѣвшая соединить нравы съ просвѣщенiемъ, богатство съ простотою, простоту со вкусомъ, и долго бывшая вмѣстилищемъ дарованiй и добродѣтелей, доказала собою, что Кальвинъ зналъ людей и умѣлъ управлять ими. Владычествующiй умъ, нетерпѣвшiй никакого противорѣчiя, сдѣлалъ его, какъ и большую часть реформаторовъ, невѣрнымъ собственнымъ своимъ правиламъ. Для себя онъ требовалъ независимости мнѣнiй, а мнѣнiя другихъ хотѣлъ подчинить своимъ. Такъ онъ осудилъ на сожженiе Сервета, онъ, который возставалъ съ такою силою противъ преслѣдованiй Франциска I, которымъ сей государь хотѣлъ подвергнуть его учениковъ. Кальвинъ такъ соединилъ господствующую религiю съ политическимъ порядкомъ, что свобода вѣроисповѣданiя никогда не могла сдѣлаться закономъ для Женевы. Впрочемъ такiя мѣры не были единственно слѣдствiемъ невѣротерпимаго характера, но онѣ также были внушены положенiемъ Женевы, которая, отложившись отъ герцоговъ Савойскихъ, долженствовала, кромѣ другихъ оплотовъ, противопоставить имъ различiе вѣроисповѣданiя, и чрезъ то упрочить свою само-

стоятельность. Если же вѣротерпимость и не существовала въ законахъ Женевы, то всегда она была въ душѣ ея обитателей.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Союзъ Смалькальденскій. Война Карла V съ протестантами. Слѣдствія этой войны. Морицъ Саксонскій спасаетъ Германію. Миръ въ Пассау.

При быстромъ распространеніи расколовъ, Германскіе католическіе государи видѣли необходимость въ томъ, чтобы императоръ вооружился противъ нововводителей. Притомъ же грозный видъ Смалькальденскаго союза заставлялъ ихъ дѣйствовать съ бо́льшею ревностію въ защиту своего дѣла. Реформація хотя и разорвала узы великаго Христіанскаго общества, но сама сдѣлалась связью новаго общества. Протестантскія государства, предвидя опасности, которымъ они могутъ быть подвержены, рано почувствовали, что безопасность ихъ единственно заключается въ соединеніи силъ,— и вотъ почему они образовали союзъ Смаль-
1529 кальденскій, имѣвшій цѣлію защищать реформу. Чрезъ нѣсколько лѣтъ союзъ пріобрѣлъ новыхъ членовъ и получилъ менѣе несовершенную организацію. Въ главѣ его были Іоаннъ-

Фридрихъ, курфирстъ Саксонскій, преемникъ Іоанна Постояннаго, и Филиппъ Великодушный, ландграфъ Гессенскій. Курфирстъ не имѣлъ той энергіи, которая необходима для успѣшнаго исполненія первой роли, но, по гордости, не хотѣлъ уступить ее другому. Онъ предполагалъ, что совокупныя дѣйствія непріятелей не простирались далѣе его собственныхъ, и не сомнѣвался, что Карлъ, подъ маскою религіи, могъ легко скрывать какіе нибудь честолюбивые замыслы. Филиппъ, зять курфирста, былъ болѣе дѣятеленъ и болѣе проницателенъ; но, по своей стремительности, не могъ соглашать выгодъ и управлять страстями союзниковъ; при всемъ томъ онъ долженъ былъ уступить первенство своему тестю. Оба имѣли одну общую ошибку: они полагали, что Карлъ никогда открыто не разорветъ своихъ связей съ протестантами, и что достаточно будетъ указать на войну, чтобы избѣжать ее; а между тѣмъ они не замѣтили, что императоръ для того только употреблялъ въ Германіи мѣры кроткія и примирительныя, чтобы выиграть время и воспрепятствовать Смалькальденскому союзу соединиться съ королемъ Французскимъ.

Теперь же Карлу легко можно было оставить такую систему, потому что обстоятельства дозволяли ему дѣйствовать съ большимъ напряженіемъ, и притомъ открыто.

Минута, нанести сильный ударъ — настала. Въ идеяхъ католиковъ зло увеличилось, и требовало мѣръ дѣйствительныхъ. Реформація распространилась уже по духовнымъ владѣніямъ Германіи. Архіепископы и епископы, вознамѣрились утвердить въ своихъ семействахъ избирательное достоинство; даже тѣ, которые должны были препятствовать успѣхамъ новаго ученія, приняли его. Такимъ образомъ это ученіе утвердилось въ епископствахъ Любекскомъ, Шверинскомъ, Ратцебургскомъ, Гальберштадтскомъ и Магдебургскомъ. Съ другой стороны протестанты, часто обращавшіеся къ власти собора, для рѣшенія спорныхъ пунктовъ, не
1545 хотѣли согласиться на приговоръ собора Тридентскаго, который, въ самомъ дѣлѣ, по пристрастію своему не могъ заслужить ихъ довѣренности. Война между католиками и протестантами возгорѣлась. Филиппъ Великодушный одержалъ побѣду надъ Генрихомъ Юнымъ, герцогомъ Брауншвейгъ - Вольфенбиттельскимъ. Карлъ захотѣлъ воспользоваться такими религіозными распрями, чтобы сдѣлаться полнымъ властителемъ Германіи: онъ надѣялся подавить протестантовъ католиками, подчинить себѣ католиковъ, ослабленныхъ его побѣдами, и такимъ образомъ упрочить свое владычество на развалинахъ обѣихъ партій. Прикрывая свое честолюбіе пышными словами, онъ заговоритъ о своихъ пожертвованіяхъ для общаго

блага, тогда какъ будетъ стараться только о своихъ частныхъ выгодахъ, о безопасности имперіи, которую подвергнетъ величайшей опасности; объ общественномъ порядкѣ, тогда какъ низпровергнетъ учрежденія Германіи, и тѣмъ вернѣе достигнетъ своей цѣли, что здравыми правилами будетъ прикрывать побудительныя причины своей честолюбивой ревности.

Однако Карлъ еще скрывалъ свои намѣренія и какъ будто ожидалъ окончанія раскола рѣшеніемъ Тридентскаго собора, который, будучи требуемъ обѣими партіями и долженствовавшій изцѣлить всѣ бѣдствія Церкви, уже началъ свои засѣданія. Но малочисленность епископовъ и прелатовъ, съѣхавшихся на соборъ, медленность папы, недававшаго инструкцій своимъ легатамъ, даже самый порядокъ пренія, неимѣвшаго по видимому другой цѣли, кромѣ отстраненія существенныхъ пунктовъ и важныхъ предметовъ, все внушало справедливую недовѣрчивость протестантамъ, которые ясно видѣли, что ихъ осудятъ безъ всякаго разбора дѣла. Умные католики сами чувствовали, что, вмѣсто истребленія злоупотребленій, только хотятъ уничтожить реформацію. Никто не желалъ искренно, чтобы скорое рѣшеніе собора дало опредѣленный результатъ и успокоило безпокойства въ Германіи. Папа Павелъ III желалъ собранія собора въ Италіянскомъ городѣ, потому что въ Тридентѣ находилъ его

зависящимъ отъ императора; къ тому же онъ не хотѣлъ прекратить раскола изслѣдованіемъ догматовъ, исправленіемъ дисциплины и управленія Церкви; онъ предпочиталъ для этого войну и наказаніе протестантовъ. Карлъ, зная слишкомъ хорошо протестантовъ, полагалъ, что они не примутъ рѣшеній собора; онъ жаждалъ войны; онъ предвидѣлъ ее; но съ своей стороны думалъ наружно поступить по справедливости. Во время свиданія съ ландграфомъ въ Шпейерѣ, онъ еще показывалъ себя умѣреннымъ; а между тѣмъ всѣ, исключая начальниковъ Смалькальденскаго союза, считали войну неизбѣжною. Императору нужно было время для укрѣпленія себя союзами и для вызова войскъ изъ Италіи.

Въ продолженіе такой тишины, приготовлявшей Германіи жесточайшія бѣдствія, Лю-
1546 теръ умеръ въ Ейслебенѣ, куда былъ призванъ графами Мансфельдскими для устройства дѣлъ наслѣдства и раздѣла. Сообщивъ человѣческому уму великое движеніе, онъ вовсе не предчувствовалъ всѣхъ слѣдствій его; послѣ себя онъ оставилъ приверженцевъ и враговъ; имя, знаменитое по уваженію въ одной части Европы и по ужасу въ другой, и въ нѣдра Германской имперіи положилъ, самъ того не зная, сѣмя кровавыхъ переворотовъ и блистательныхъ развитій. Во всю свою жизнь онъ былъ другъ мира, справедливо опасался рѣшенія ме-

чемъ важныхъ вопросовъ, а религіозная война всегда казалась ему величайшимъ бѣдствіемъ. Къ счастію своему, Лютеръ не былъ ея свидѣтелемъ; но за то смерть его была въ нѣкоторомъ отношеніи ея сигналомъ.

Карлъ, всегда скрывая свои настоящія намѣренія, по видимому расположенъ былъ къ мирному окончанію всѣхъ распрей Германіи, но между тѣмъ отдалъ тайно приказъ Италіянскимъ войскамъ, чтобы они спѣшили къ нему. Достославный миръ, заключенный въ Крепи съ Франціею, поставлялъ Карла въ возможность дѣйствовать въ имперіи съ полною свободою. Францискъ I, ослабленный болѣзнію, не могъ быть опасенъ, потому что нуждался въ спокойствіи. Карлъ могъ надѣяться на помощь католической лиги, составившейся 1538
для противудѣйствія могуществу Смалькальденскаго союза, изъ государствъ, пребывшихъ вѣрными прежнему ученію. Павелъ III, выпустивъ изъ виду правила, которыми доселѣ руководствовался Римскій дворъ, заключилъ съ императоромъ тѣсный союзъ, долженствовавшій упрочить могущество его въ Германіи, и отправилъ къ нему свое войско. Но при всей благопріятности обстоятельствъ для Карловыхъ проектовъ, явленіе Морица Саксонскаго было событіемъ счастливѣйшимъ и рѣшительнѣйшимъ. Этотъ протестантскій принцъ вступилъ въ сношеніе съ императоромъ и обѣщалъ ему сра-

жаться противъ своего семейства, религіи и независимости Германіи.

Морицъ, владѣтель Мейсена и части провинцій, нынѣ образующихъ Саксонію, былъ правнукъ курфирста Фридриха II, и происходилъ отъ Альберта, его втораго сына; старшій, Ернестъ, былъ родоначальникъ линіи, занимав-
1521 шей курфирщескій престолъ. Морицъ родился нѣсколько лѣтъ спустя послѣ начала реформаціи. Юность его оставлена была въ небреженіи. По недостаточному состоянію, отецъ не могъ дать своему сыну не только блистательнаго, но даже тщательнаго воспитанія; за то счастливыя природныя наклонности юнаго Морица освобождали его наставниковъ отъ заботъ: онъ рано показалъ отличныя дарованія. Воспитанный въ протестантской религіи, онъ, вѣроятно по несогласію касательно вѣры между его отцемъ и дядею, напитался духомъ сомнѣнія, или, лучше, показалъ какое-то религіозное равнодушіе. Пребываніе при дворѣ архіепископа Майнцскаго, а потомъ при дворѣ Карла, не сдѣлало Морица католикомъ, но указало ему на споры религіи, волновавшіе Германію, какъ на благопріятныя обстоятельства, которыя могутъ доставить власть и богатство. Съ воображеніемъ, необходимымъ для составленія плановъ, онъ соединилъ тотъ холодный разсудокъ, который умѣряетъ воображеніе и строго обсуживаетъ его предпріятія; съ огнемъ

и пылкостію юности онъ совокуплялъ то спокойное мужество, которое удерживаетъ или направляетъ живость темперамента. Долго Морицъ въ молчаніи обдумывалъ свои проекты, скрывая ихъ подъ непроницательнымъ покровомъ. Смѣлый въ намѣреніяхъ, умѣренный въ поступкахъ, онъ умѣлъ выждать и воспользоваться минутою для развитія своихъ видовъ; тогда онъ явился дѣятельнымъ и предпріимчивымъ, сколько до сихъ поръ былъ медленъ и робокъ. Умъ его былъ открытъ для всѣхъ идей; сердце закрыто для чувства. Способный употреблять всѣ средства для достиженія цѣли, полезной для себя самого или для другихъ; онъ имѣлъ также довольно независимости характера, чтобы поставить себя превыше сужденій мнѣнія, безъ котораго могъ обойтись, или которое могъ привлечь на свою сторону блескомъ и успѣхомъ своихъ дѣяній.

Таковъ былъ человѣкъ, долженствовавшій сражаться противъ протестантовъ, чтобы въ послѣдствіи со славою окончить ихъ дѣло и быть искуснымъ орудіемъ властолюбія Карла. Для рѣшительнаго утвержденія независимости Германіи Карлъ и Морицъ были созданы другъ для друга. Поразительное сходство въ характерахъ сблизило и соединило ихъ. Императоръ имѣлъ случай узнать Морица въ послѣднюю войну съ Франціею. Этотъ юный принцъ обратилъ на себя вниманіе Карла, который, про-

никнувъ въ его честолюбіе и религіозное равнодушіе и угадавъ его дарованія, чувствовалъ, что онъ можетъ вспомоществовать ему въ дѣлѣ протестантовъ, и потому вступилъ съ нимъ въ переговоры. Морицъ не былъ привязанъ ни къ роднымъ, ни къ вѣроисповѣданію; онъ давно уже добивался наслѣдства Іоанна-Фридриха, справедливо почитая себя превосходнѣе его. Въ предложеніи же Карла онъ видѣлъ
19 іюня путь къ счастію, и формальнымъ договоромъ
1549 обѣщалъ свое могучее содѣйствіе.

Опасность, угрожавшая протестантамъ, становилась болѣе и болѣе ощутительною, а для устраненія ея, Смалькальденскій союзъ долженъ былъ довольствоваться только собственными силами. Данія и Швеція, какъ увидимъ, приняли новое ученіе; но Фридрихъ I и Густавъ Ваза, занятые своими дѣлами и лишенные средствъ, не могли помочь протестантамъ, не подвергая чрезъ то опасности собственную безопасность. Францискъ I, наскучивъ войною, отягченный болѣзнію и жертвуя политическими выгодами мнимой религіозной ревности, не хотѣлъ воспользоваться симъ случаемъ для отмщенія за прежнія оскорбленія, и только послалъ Смалькальденскому союзу незначительную сумму денегъ. Отъ Генриха VIII также нельзя было ничего ожидать: государь сей разрывалъ узы зависимости, связывавшіе его съ Римскимъ дворомъ; но при всемъ томъ онъ удерживалъ

древніе догматы; и если и не соглашался съ ученіемъ католической Церкви касательно единства, то все далеко былъ отъ новаго ученія. Швейцарцы, освободившись отъ ужасовъ междоусобной войны, познали, что единственное благо ихъ заключается въ неутралитетѣ. Къ этой системѣ заставилъ ихъ пристать грозный опытъ, и они отказались отъ усильныхъ просьбъ союза. Сами протестантскіе владѣтели враждовали между собою, и не всѣ одинаково были готовы взяться за оружіе. Такъ Карлъ V склонилъ на свою сторону Морица Саксонскаго и маркграфа Альберта Бранденбургъ-Кульмбахскаго, человѣка безпокойнаго, котораго легко было совратить съ пути славою и добычею. Іоакимъ II, курфирстъ Бранденбургскій, хотя и ввелъ въ свои владѣнія лютеранизмъ, но съ измѣненіями, не показывавшими въ немъ ревностнаго лютеранина. Кроткій до слабости, онъ не рѣшился отложиться отъ императора; притомъ же, отъ излишней щедрости, никогда не имѣя денегъ, не могъ жертвовать чѣмъ либо для общаго дѣла. Маркграфъ Іоаннъ, братъ курфирста и владѣтель Новой Мархіи, отличался недостатками, противоположными братнимъ недостаткамъ; его твердость и непоколебимая правота обращались въ суровость, а бережливость граничила съ скупостію; онъ почиталъ войну несправедливою и боялся неразлучныхъ съ нею издержекъ. Эти-то госу-

дари остались нейтральными въ ожиданіи слѣдствій завязывавшейся борьбы. Они не предвидѣли, что, при перевѣсѣ какой бы то ни было партіи, самый неутралитетъ лишитъ ихъ или независимости, или значительности, и что они подвергнутся власти или императора, или начальниковъ Смалькальденскаго союза. Союзъ же католическихъ владѣній замѣчалъ только одну выгоду религіи тамъ, гдѣ Карлъ видѣлъ политику; эти владѣнія думали возстановить спокойствіе въ Германіи, а между тѣмъ приготовили ея порабощеніе. Обманутые Карломъ, они старались поставить его превыше всѣхъ, и теряя изъ виду общую выгоду, долженствовавшую соединить ихъ съ членами Смалькальденской уніи, вооружались въ пользу общаго врага.

Хотя и при однѣхъ только своихъ силахъ, союзъ былъ однако страшенъ; онъ даже могъ надѣяться восторжествовать надъ Карломъ чрезъ поспѣшное нанесеніе рѣшительнаго удара. Нужнѣе всего было, чтобы война не затянулась: армія союзниковъ теряла все потерею времени. Можно было предвидѣть, что при продолжительности кампаніи начнутся многочисленныя дезертированія, окажется недостатокъ въ деньгахъ и все рушится; но главные начальники войска: курфирстъ Саксонскій былъ медленъ и нерѣшителенъ, любилъ все откладывать, и хотѣлъ вести переговоръ въ то время, когда нужно было помышлять о битвѣ; другой, Фи-

липпъ Великодушный, подчиненный тестю, не могъ дѣйствовать свободно, и жаловался втайнѣ на свою принужденную недѣятельность; слабость характера Іоанна - Фридриха была причиною его собственнаго паденія, и едва не повлекла за собою разрушенія протестантской религіи.

Союзническія силы были значительны: восемьдесятъ тысячъ пѣхоты, девять тысячъ конницы, сто артиллерійскихъ орудій составляли армію, гораздо опаснѣйшую армій, дѣйствовавшихъ въ войнахъ Франциска I съ Карломъ V. Императоръ едва насчитывалъ у себя четыре тысячи человѣкъ въ той позиціи, которую онъ занялъ близъ Регенсбурга, въ ожиданіи подкрѣпленія изъ Италіи и Испаніи. Вопреки формамъ Германской конституціи, союзники были объявлены изгнанниками изъ имперіи, и отвѣчали на это объявленіемъ войны. Должно 1546
было поспѣшить дѣйствіемъ, и побѣда казалась несомнѣнною; Карлъ могъ быть разбитъ до прибытія подкрѣпленія. Такъ думалъ Филиппъ; но совершенно иначе курфирстъ, который и увлекся своимъ собственнымъ мнѣніемъ. Карлъ, воспользовавшись такою оплошностію, пошелъ на Ингольштадтъ, куда Октавій Фарнезе, племянникъ Павла III, привелъ на помощь десятитысячную папскую армію. Теперь уже труднѣе было напасть на Карла съ успѣхомъ; но все еще минута казалась благопріят-

себя отъ обаянія успѣховъ. Такъ онъ былъ не слишкомъ великодушенъ въ отношеніи къ Франциску I, плѣннику въ Мадридѣ; еще менѣе показалъ онъ себя таковымъ въ отношеніи къ несчастному курфирсту Саксонскому. Іоаннъ-Фридрихъ, ставившій себя превыше своей фортуны, внушилъ къ себѣ нѣжное участіе и уваженіе; Карлъ, бывшій ниже своей фортуны, возбудилъ всеобщее негодованіе.

Послѣ Мюльбергской побѣды, императоръ поспѣшно отправился къ Виттембергу, и осадилъ его. Сивилла де Клевъ, супруга Іоанна-Фридриха, заключилась въ городѣ съ своими дѣтьми и сокровищами. Эта рѣдкаго достоинства женщина, хотя и оскорбленная, но неослабленная въ духѣ бѣдствіями своего супруга, предпочла выгоды государства влеченію сердца; разсудокъ ея восторжествовалъ надъ чувствительностію, правила надъ любовью. Гарнизонъ, воспламеняемый ея рѣчами и примѣромъ, оказалъ сильное сопротивленіе. Карлъ, раздраженный препятствіемъ въ исполненіи своихъ замысловъ и въ потерѣ драгоцѣннаго времени, захотѣлъ страхомъ принудить курфирста къ сдачѣ крѣпости. Вопреки законовъ имперіи и священнѣйшихъ законовъ человѣчества, онъ осудилъ на смерть несчастнаго Іоанна-Фридриха. Курфирстъ выслушалъ это извѣстіе съ геройскимъ спокойствіемъ. Когда ему

принесли смертный приговоръ, онъ игралъ въ шахматы, и не остановился. Несчастія сдѣлали его равнодушнымъ къ жизни, лишиться которой онъ нисколько не страшился. Безъ сомнѣнія, онъ чувствовалъ, что лучше погибнуть жертвою неправеднаго суда, нежели жить въ безчестіи и удержать Карла отъ несправедливости добровольнымъ согласіемъ на собственное отрѣшеніе. Но родительская нѣжность и страхъ подвергнуть Виттембергъ ужасамъ приступа, восторжествовали надъ нимъ сильнѣе всѣхъ чисто личныхъ отношеній. Любовь къ дѣтямъ и подданнымъ заставила его принять постыдную капитуляцію, въ слѣдствіе которой онъ отказался отъ престола, и согласился остаться плѣнникомъ до тѣхъ поръ, пока будетъ угодно Карлу. Виттембергъ отворилъ ворота. Морицъ получилъ награду за свою измѣну; Карлъ, отдавъ ему владѣнія его несчастнаго родственника, вмѣстѣ съ тѣмъ облекъ въ курфиршеское достоинство.

Оставалось еще покорить, или, по выраженію Карла, наказать Филиппа Великодушнаго. Государь сей не могъ сопротивляться, по своему безсилію, побѣдоносному орудію Карла; но и бѣдствія тестя не убили его. Онъ требовалъ переговоровъ, объявляя, что не подпишетъ унизительныхъ условій; императоръ съ своей стороны требовалъ, чтобы онъ сдался на волю побѣдителя. Морицъ, зять ландграфа Гес-

сенскаго, чувствовалъ, что, оставляя сего государя, навлечетъ на себя укоризны цѣлой Европы; Іоакимъ II, курфирстъ Бранденбургскій, начиналъ раскаяваться въ своемъ нейтралитетѣ, котораго пагубныя слѣдствія уже предвидѣлъ. Вотъ почему оба вмѣстѣ они стали ходатайствовать о спасеніи Филиппа. Карлъ согласился возвратить свободу ландграфу на томъ условіи, чтобы онъ на колѣняхъ испросилъ у него прощеніе, распустилъ бы свои войска, разрушилъ крѣпости и заплатилъ значительную пеню. Морицъ и Іоакимъ поручились за эти взаимныя обязательства. Основываясь на Карловыхъ обѣщаніяхъ, Филиппъ прибылъ въ лагерь; съ горестію покорился постыдному условію, долженствовавшему быть цѣною свободы его собственной и владѣній; но Карлъ, соединявшій недовѣрчивость съ высшею надменностію, нарушилъ клятву: приказалъ схватить ландграфа посреди празднества, которое давалъ ему герцогъ Альба, и притомъ въ присутствіи курфирста Бранденбургскаго. Въ первомъ порывѣ справедливаго негодованія, Іоакимъ хотѣлъ заколоть Альбу шпагою, но былъ удержанъ. Впрочемъ, вмѣстѣ съ Морицомъ, поручившись за исполненіе договора, заключеннаго съ Филиппомъ, они протестовали противъ его нарушенія. Карлъ и Гранвелла, его министръ, для прикрытія сво-

ихъ дѣйствій, прибѣгли къ софизмамъ, и къ насилію присоединили еще насмѣшки.

По видимому, успѣхъ увѣнчалъ вѣроломство Карла. Всѣ умы были взволнованы его поступкомъ; но видя притомъ его непреоборимое могущество, никто не отваживался на сопротивленіе. Приказавъ слѣдовать за собою Іоанну-Фридриху и Филиппу, Карлъ поступалъ съ ними какъ съ преступниками. Такія доказательства власти и примѣры мщенія оковали сердца всѣхъ страхомъ. Императоръ проѣхалъ чрезъ Германію, какъ полновластный государь, налагая подати и отнимая привилегіи у тѣхъ князей и у тѣхъ городовъ, которыхъ почиталъ виновными. На торжественномъ сеймѣ въ Аугсбургѣ онъ явился, окруженный всѣмъ блескомъ верховной власти, и предложилъ законы, принятые безъ противорѣчія. Нѣмецкія владѣнія обязались платить значительную сумму за издержки войны; провинціи Бургундскаго округа тѣснѣе были соединены съ имперіею, чтобы, въ случаѣ нужды, она могла защищать ихъ; протестанты были исключены изъ императорской камеры; подъ названіемъ Interim, 1548
Карлъ издалъ постановленіе, долженствовавшее служить руководствомъ для обѣихъ партій до окончательнаго рѣшенія Тридентскаго собора. Интеримъ дозволялъ протестантамъ только исповѣданіе вѣры, и право священникамъ вступать въ бракъ. Впрочемъ, онъ совершенно

былъ направленъ противъ лютеранской религiи, и, подъ ложнымъ видомъ безпристрастiя, окончательно осуждалъ великiй процессъ не въ пользу протестантовъ. Постановленiе сiе, написанное Пфлугомъ, Гельдингомъ и Агриколою, теологами болѣе угодливыми, нежели добросовѣстными, должны были принять и подписать всѣ диссиденты, а непокорныхъ ожидало наказанiе оружiемъ.

Германiя была порабощена, и какъ будто невозвратно лишилась своей независимости. Карлъ восторжествовалъ надъ Смалькальденскимъ союзомъ, благодаря помощи одной партiи государствъ имперiи и бездѣйствiю другихъ. Равнодушный къ религiи, и не высоко цѣня какiе бы то ни было догматы, слишкомъ искусный для того, чтобы объявить, что ведетъ войну съ мнѣнiями, онъ говорилъ только объ уваженiи своемъ къ законамъ и о ревности къ поддержанiю конституцiи. Какъ побѣдитель союза, который, сражаясь за религiозную свободу, въ то же время сражался и за политическую независимость Нѣмецкихъ государствъ, онъ уничтожалъ мнѣнiя, казавшiяся ему несообразными съ его видами, и одинаково налагалъ свою власть и на католиковъ и на протестантовъ. Желая царствовать въ имперiи по примѣру Оттоновъ и сдѣлать Германскихъ государей простыми испотнителями своихъ приказанiй, онъ напалъ на ту партiю, которой

основныя правила наиболѣе противорѣчили его цѣли, и восторжествовалъ надъ сопротивленіемъ. Тогда, не скрывая своихъ намѣреній, онъ заговорилъ тономъ побѣдителя съ устрашенными государствами; и католики слишкомъ поздно узнали, что, содѣйствуя паденію протестантовъ, они приготовили свое собственное паденіе. Равновѣсіе между императоромъ и государствами имперіи исчезло; нѣсколькихъ мѣсяцевъ довольно было, чтобы разрушить твореніе, которое было произведено обстоятельствами, которое политика папъ совершенствовала съ такимъ постоянствомъ, и которое было упрочено вѣками.

Власть одного человѣка замѣнила прежнюю систему. Независимость всей Европы подвергалась величайшей опасности. Карлъ, перемѣнившій простой титулъ на достоинство истиннаго монарха Германской имперіи, присоединивши новыя средства владычества ко всѣмъ прочимъ, пріобрѣталъ преобладающее могущество надъ другими государствами, угрожалъ ихъ независимости, и всегда бывши въ состояніи напасть на нихъ, дѣлалъ ихъ существованіе сомнительнымъ.

Германія была унижена; Европа находилась въ какомъ-то безпокойномъ вниманіи; но въ минуту своей погибели, и Германія и вся Европа были спасены тѣмъ самымъ Морицомъ, который способствовалъ бѣдствіямъ своего оте-

чества и паденію исповѣдуемой имъ вѣры. Этотъ необыкновенный человѣкъ стремился только къ одной цѣли — могуществу, и никогда не терялъ ее изъ виду; но онъ умѣлъ разнообразить свои средства и измѣнять ходъ, по обстоятельствамъ. Достигнувъ курфиршескаго достоинства, онъ чувствовалъ, что орудіе, употребленное имъ для доставленія себѣ престола, было орудіемъ опаснымъ, которое можно было употребить съ одинаковымъ успѣхомъ и на лишеніе его престола, и что скоро власть Карла, не встрѣчая болѣе препятствій, ни чѣмъ не уважая, не пощадитъ и его, точно такъ какъ другихъ. Признательность не существовала для удержанія человѣка съ такимъ характеромъ, какимъ отличался Морицъ; къ тому же, полученныя имъ благодѣянія не могли остановить его отъ выгодъ личной безопасности. Онъ содѣйствовалъ императору для того только, чтобы возвыситься; а теперь полагалъ, что необходимо воспротивиться ему, чтобы сохранить свой санъ. Не сожалѣніе, не возвращеніе привязанности къ религіи, которой онъ измѣнилъ, заставили Морица принять совершенно другія правила: онъ единственно желалъ спасти свою независимость, неразлучную съ независимостію протестантовъ и всей Германіи.

Морицъ рѣшился; но минута исполненія задуманнаго плана была еще далека. Рано за-

мѣтилъ онъ опасность и принялъ намѣреніе уничтожить ее; но для успѣха потребны были продолжительныя приготовленія, искусство, время и особенно глубокая тайна. На успѣхъ можно было надѣяться только тогда, когда Карлъ будетъ совершенно увѣренъ въ безопасности, когда къ вещественнымъ силамъ присоединится сила мнѣнія, удивленіе и наконецъ, когда посредствомъ искусныхъ переговоровъ будутъ пріобрѣтены союзники, ожидавшіе только сигнала къ начатію дѣйствій. Морицъ, чрезвычайно искусный въ притворствѣ, по видимому занимался однѣми выгодами императора. Продолжая ласкать его страсти и оказывая къ нему совершенное уваженіе, онъ тѣмъ сохранилъ всю его довѣренность: Карлъ тѣмъ болѣе былъ увѣренъ въ Германіи, что Морицъ былъ Саксонскимъ курфирстомъ, и обманутый его наружною привязанностію, видѣлъ только его глазами. Прошли годы, а проекты Морица болѣе и болѣе упрочивались; онъ обращалъ вниманіе на одинъ предметъ даже тогда, когда, по видимому, слѣдилъ за предметами различными; онъ дѣйствовалъ неутомимо; и смотря на него, всякой сказалъ бы, что, довольный своею фортуною, онъ ищетъ спокойствія въ равнодушіи. Тайные агенты, жившіе при всѣхъ дворахъ, которые Морицъ хотѣлъ привлечь на свою сторону, трудились въ доставленіи ему друзей. Франція сдѣлалась глав-

Карлъ тщетно упорствовалъ въ осадѣ; войско его ежедневно уменьшалось; стужа, недостатокъ жизненныхъ припасовъ, болѣзни, труды истребили отборные ряды его арміи: онъ при-
1 января 1553 нужденъ былъ уступить неудачѣ, и возвратился въ Нидерланды.

Между тѣмъ Альбертъ Бранденбургскій продолжалъ опустошать Германію, и не хотѣлъ подписывать Пассаускаго договора. Любя войну для войны, и желая пріобрѣсти средства для поддержанія своей арміи и уплаты ей жалованья, онъ отказывался отъ всякой мѣры, которая осуждала его на бездѣйствіе, и притомъ лишала добычи. Карлъ, уважавшій его храбрость, имѣлъ намѣреніе употребить его дарованія и силы противъ Франціи. Альбертъ, искавшій только случая дѣйствовать и быть необходимымъ, не отвергъ предложеній императора; воспользовался симъ обстоятельствомъ, чтобы получить отъ него приговоръ противъ епископовъ Бамбергскаго и Вирцбургскаго, старинныхъ своихъ враговъ, и потому переговоры продолжались, а опустошенія не прекращались. Съ мечемъ и пламенемъ въ рукѣ, онъ распространялъ ужасъ и разореніе по Вестфаліи, по Франконіи и по берегамъ Рейна. Нужно было наконецъ освободить Германію отъ такого бича. Императорская камера; вооружившись противъ него съ справедливою строгостію, объявила его изгнаннымъ изъ им-

періи, поручивъ исполненіе сего приговора курфирсту Морицу Саксонскому, къ которому присоединились еще курфирсты Майнцскій и Трирскій, и герцогъ Брауншвейгскій, Генрихъ, государь дѣятельный и храбрый: Всѣ соединенныя войска отправились подъ предводительствомъ Морица къ Везеру, гдѣ свирѣпствовалъ 9 іюля
тогда Альбертъ. Непріятели сошлись близъ 1553
Сивертсгаузена, въ герцогствѣ Люнебургскомъ. битва была кровавая. Альбертъ дрался за свою самобытность, Морицъ за свою славу, прочіе князья за свою безопасность. Побѣжденный Альбертъ принужденъ былъ обратиться въ бѣгство; но въ то же время имѣлъ утѣшеніе узнать, что Морицъ дорого заплатилъ за побѣду. Смертельно раненный въ сраженіи, этотъ принцъ умеръ чрезъ два дня, тридцати двухъ лѣтъ. Фортуна, играющая надеждами людей, допустила его достигнуть власти и славы, но не дозволила насладиться ими. Морицъ погибъ въ цвѣтѣ лѣтъ и въ ту минуту, когда возвышеніе свое загладилъ услугами, оказанными общему дѣлу; съ нимъ, вѣроятно, погибли и обширныя предначертанія. Германія, недвольная его измѣною, изумлявшаяся его успѣхамъ и смѣлости, теперь начала воздавать ему свое уваженіе. Она ожидала отъ него великихъ дѣлъ, и оплакивала его смерть. При всемъ томъ плачевная кончина Морица не улучшила положенія Альберта: нѣсколько времени

спустя, онъ вторично былъ разбитъ въ окрестностяхъ Швейнфурта, герцогомъ Генрихомъ Брауншвейгскимъ. Изгнанный изъ своихъ владѣній, лишенный всѣхъ средствъ и силъ, онъ искалъ убѣжища во Франціи, и умеръ чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ своего паденія, заслуживъ названіе удальца, который надѣлалъ много зла и шуму въ мірѣ, и оставилъ по себѣ слѣды кровавые.

Война противъ Альберта, смерть Морица и слѣдовавшія за тѣмъ событія, воспрепятствовали созванію сейма, долженствовавшаго, на основаніи Пассаускаго договора, положить конецъ безпокойствамъ Германіи. Сеймъ открылся въ Аугсбургѣ, стараніями и дѣятельностію Фердинанда. Государь сей, кроткаго характера и ума размышляющаго, созданъ былъ для усыпленія ненависти, для успокоенія недовѣрчивости и для сближенія раздѣленныхъ партій. Своею снисходительностію онъ привлекъ на свою сторону тѣхъ, которыхъ братъ его, Карлъ, отдалилъ отъ себя высокомѣріемъ. Наименованный королемъ Римскимъ, онъ лично интересовался возстановленіемъ согласія и порядка въ имперіи; но чтобы заставить себя страшиться, онъ не имѣлъ тѣхъ средствъ, какія были въ рукахъ императора, и потому старался только заставить любить себя. Зная тайныя намѣренія Карла, желавшаго возложить императорскую корону на главу сына

своего Филиппа, Фердинандъ конечно нуждался въ общественномъ мнѣніи въ Германіи, для привлеченія ея на свою сторону. Кромѣ того наслѣдственныя его владѣнія, всегда угрожаемыя Турками, дѣлали для него необходимымъ благорасположеніе имперскихъ князей; ихъ привязанность, ихъ помощь были главнымъ предметомъ его желаній.

И такъ, единственно ему Германія обязана была успокоеніемъ. Безъ ревности Фердинанда, Аугсбургскій сеймъ, подобно многимъ другимъ, не имѣлъ бы рѣшительно никакихъ слѣдствій. Съ обѣихъ сторонъ умы были раздражены; притязанія простирались слишкомъ далеко; надежды и опасенія также были чрезмѣрны; ничего не было труднѣе для католическаго государя, какъ внушить протестантамъ довѣренность, не давая подозрѣнія въ чистотѣ своихъ видовъ, и принять всѣ предосторожности, необходимыя для поддержанія своей религіи, не подвергаясь упрекамъ въ пристрастіи. Фердинандъ старался избѣгнуть сихъ крайностей; и если не совершенно успѣлъ въ томъ, то все это зависѣло отъ обстоятельствъ. Представляя себѣ новыя препятствія, онъ изобрѣталъ новыя средства, чтобы восторжествовать надъ ними; терпѣніе противопоставлялъ разнообразнымъ отсрочкамъ, кротость стремительности, твердость насилію страстей, и постоянство препятствіямъ. Ничто не измѣняло его

спокойствія, ничто не утомляло его дѣятельности. Наконецъ онъ увидѣлъ результатъ своихъ трудовъ — результатъ, который еще былъ бы удовлетворительнѣе, если бы просвѣщеніе Фердинанда равнялось его ревности, или, лучше сказать, если бы человѣческому благоразумію предоставлено было измѣрить глубину страстей, предвидѣть и предупредить всѣ па-
1555 губныя ихъ слѣдствія. Религіозный миръ, заключенный въ Аугсбургѣ, только усыпилъ внутренніе раздоры Германіи, а не истребилъ ихъ совершенно; напротивъ, онъ самъ заключалъ съ себѣ сѣмена новыхъ безпокойствъ. Въ эту эпоху однако никто не думалъ о ихъ существованіи; уже въ послѣдствіи самыя событія показали ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда сеймъ обнародовалъ свое рѣшеніе, обѣ партіи стали жаловаться; но люди умные думали, даже въ этомъ неудовольствіи, видѣть доказательство, что ни одна партія не была принесена въ жертву и не имѣла причины жаловаться. На Аугсбургскомъ сеймѣ постановлено было, что протестанты будутъ свободно исповѣдывать свою вѣру и отправлять богослуженіе; что они удержатъ за собою тѣ духовныя имѣнія, которыми владѣли до Пассаускаго договора, что епископы не могутъ имѣть надъ ними никакого права суда. Также рѣшено было допустить ихъ въ имераторскую камеру; но при всемъ томъ они не были приглашаемы, а еще менѣе

пользовались правомъ засѣдать въ равномъ числѣ съ католиками. Между тѣмъ это было единственнымъ средствомъ доставить имъ политическій залогъ ихъ гражданской и религіозной независимости. Реформаты не получили тѣхъ выгодъ, которыя предоставлены были лютеранамъ по Пассаускому миру. Враждебное отношеніе сихъ послѣднихъ къ обществу, отличавшемуся отъ нихъ только нѣкоторыми оттѣнками, было главною причиною такой мѣры, противной и правиламъ справедливости и правиламъ политики. Это значило сдѣлать добро въ половину, оставить въ Германіи зародышъ раздора и подвергнуть себя печальной необходимости начать снова войну. Статья о сохраненіи духовныхъ имуществъ, включенная Фердинандомъ въ религіозный миръ, препятствовала прочности и продолжительности мира; онъ написалъ ее для католиковъ, дабы уничтожить ихъ безпокойства на счетъ успѣховъ протестантской религіи. Въ силу этой статьи, духовные владѣтели, принявшіе реформу, должны были отказаться отъ своихъ имѣній.

Такъ кончилась первая часть великой драмы реформаціи. Событія, произведенныя симъ религіознымъ переворотомъ, повлекли за собою значительныя измѣненія въ политической системѣ Европы. Раздѣливъ Германію на двѣ части, онъ противопоставилъ противодѣйствующую

силу Австрійскому могуществу. Протестантскія государства нашли союзниковъ въ тѣхъ странахъ, которыя страшились за свою политическую независимость, а сіи послѣднія прибѣгали часто къ помощи другихъ, ревностно дѣйствовавшихъ даже тогда, когда имъ лично не угрожала никакая опасность. Религія сдѣлалась точкою соединенія для всѣхъ враговъ Австріи. Поборники системы равновѣсія видѣли, что не только Германія, но и цѣлая Европа раздѣлена на двѣ могущественныя массы, наблюдавшія и противодѣйствовавшія другъ другу. Съ этого времени, до исхода XVII вѣка, судьба религіи занимала важное мѣсто въ политикѣ; въ продолженіе всего періода, свобода всѣхъ вѣроисповѣданій, или владычество какого нибудь одного, была тайною цѣлію или явнымъ предлогомъ переговоровъ, войнъ и трактатовъ, почти также, какъ въ прошедшемъ вѣкѣ вопросъ о самостоятельности или объ исключительномъ преобладаніи торговли смѣшался, прямо или косвенно, со всѣми политическими дѣйствіями. Теперь былъ заключенъ тѣсный союзъ въ Европѣ между выгодами политики и религіи. Но мы не будемъ еще говорить о слѣдствіяхъ этого союза; мы только укажемъ на его происхожденіе, и увидимъ, что онъ далъ новое направленіе идеямъ, измѣнилъ отношенія государствъ, и имѣлъ вліяніе на дѣйствія и событія.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Перемѣна на Сѣверѣ. Швеція отдѣляется отъ Даніи. Реформація утверждается въ сихъ государствахъ.

Въ то время, когда Испанія и Франція занимали Югъ Европы своими кровавыми раздорами, Сѣверъ, совершенно чуждый сихъ событій, былъ театромъ движеній другаго рода, измѣнившихъ его бытъ политическій и религіозный. Швеція и Данія, отдѣлившись другъ отъ друга, сдѣлались независимыми государствами, призванными въ послѣдствіи къ участію въ политическомъ балансѣ. Въ Германіи реформація имѣла слѣдствіемъ измѣненія въ конституціи имперіи; здѣсь измѣненія, происшедшія въ политическомъ порядкѣ, ввели реформацію, и потому любопытно видѣть, какія формы и какія измѣненія получили новыя идеи отъ обстоятельствъ.

Швеція, Данія и Норвегія долго боролись въ узахъ Кальмарскаго союза; эти узы частію были уничтожены, но все еще стѣсняли независимость Шведовъ, а разнообразныя покушенія Датчанъ, для удержанія ихъ въ своей зависимости, внушили имъ справедливое опасеніе. Существованіе Кальмарскаго союза было непрочно: онъ слишкомъ противорѣчилъ често-

любію высшаго дворянства и народной гордости Шведовъ. Стуры, назначенные, по опредѣленію государственныхъ Штатовъ, правителями Швеціи, всѣ трое явили себя достойными довѣренности своихъ соотечественниковъ. Одушевляемые однимъ и тѣмъ же духомъ и трудясь по одному и тому же плану, они имѣли въ виду возвратить Швеціи ея независимость. Духовенство, подкупленное Датчанами и обольщенное надеждою царствовать именемъ Датскихъ королей, если они останутся властителями Швеціи, всею силою своей власти противилось патріотическимъ видамъ Стуровъ. Исключая тѣхъ, которые завидовали довѣренности къ нимъ и ихъ дарованіямъ, дворянство было на ихъ сторонѣ. Народъ ненавидѣлъ Датчанъ, боялся притѣсненій правителей, соединялъ счастіе съ мыслію о національной самобытности, и благословлялъ усилія и труды Стуровъ, которыхъ кроткое и попечительное правленіе еще болѣе заставляло опасаться ига чуждаго. Стенонъ Стуръ предоставилъ низшимъ классамъ политическія права; онъ ввелъ поселянъ и гражданъ въ государственныя собранія, чтобы противопоставить ихъ силѣ дворянства и духовенства. Этотъ великій человѣкъ чувствовалъ, что единственное средство искоренить злоупотребленія духовнаго могущества состояло въ распространеніи просвѣщенія во всѣхъ классахъ общества. Съ сею цѣлію онъ основалъ Упсаль-

скій университетъ и утвердилъ пребываніе въ городахъ типографщиковъ, бродившихъ доселѣ изъ одного мѣста въ другое. Стуръ былъ честолюбивъ; но, по крайней мѣрѣ честолюбіе онъ поставлялъ въ славѣ отечества, и свои выгоды видѣлъ только въ общихъ. На время онъ былъ смѣненъ своими завистниками, призывавшими въ Швецію Іоанна, короля Датскаго, изъ 1497
дома Ольденбургскаго; но когда государь сей былъ низложенъ Дитмарсами, то Шведы из- 1501
гнали его, и общій голосъ, превосходство генія, необходимость обстоятельствъ, опять поручили управленіе дѣлъ Стуру. Преемники его Суантъ Никольсонъ Стуръ и Стенонъ Стуръ, второй по имени, сынъ послѣдняго, не только наслѣдовали его имя и власть, но даже его виды, дарованія и патріотизмъ. Въ то время, когда Христіернъ II вступилъ на Датскій престолъ, Стенонъ Стуръ управлялъ Швеціею твер- 1513
до и мудро.

Христіернъ II, сынъ короля Іоанна, родившійся въ 1481 году, не получилъ отъ природы той великой и сильной души, которая замѣняетъ недостатокъ образованія, да и отецъ не далъ ему тщательнаго воспитанія, столь необходимаго для обыкновенныхъ умовъ. Кромѣ того, Христіернъ рано обнаружилъ склонность къ грубымъ и низкимъ удовольствіямъ, зародышъ которыхъ не хотѣли предупредить, а истребить его уже было поздно. Какое-то

сознаніе въ своей неспособности и желаніе вести жизнь привольную заставляли его избирать такія общества, которыя наименѣе могли подѣйствовать на его образованіе и нравственность. Безъ обдуманныхъ правилъ, безъ природнаго возвышеннаго духа, со страстями пламенными и съ чувствами надменными, онъ, какъ всѣ легко предвидѣли, долженъ былъ употребить во зло свою власть. Его дѣйствія долженствовали породить сопротивленіе, которому онъ, съ своей стороны, противопоставитъ жестокость. Всѣ также могли предугадывать, что онъ будетъ способенъ на всѣ великія преступленія, потому что ни размышленіе, ни внушеніе великодушнаго сердца не отвлекали его отъ зла. Два года спустя послѣ вступленія
1515 своего на престолъ, онъ вступилъ въ блестящій бракъ съ Изабеллою, сестрою Карла V, принцессою милою, достойною лучшей участи.

При такомъ характерѣ и при такой нравственности нельзя было ожидать благополучнаго царствованія. Датскій сенатъ только тогда увидѣлъ все зло, когда Христіернъ уже принялъ скипетръ, и опасенія его вскорѣ оправдались. Юный король установилъ въ королевствѣ новые налоги, для содержанія войскъ на жалованьѣ и для того еще, чтобы эти самыя войска употреблять на отнятіе денегъ у народа. Датское дворянство справедливо воз-

негодовало на беззаконную казнь Торбена-Окса, губернатора Копенгагенскаго замка, котораго Христіернъ принесъ въ жертву своимъ подозрѣніямъ. Шведы, находясь подъ отеческимъ правленіемъ Стура, конечно, послѣ такого поступка, не желали перемѣнъ въ своей судьбѣ; но Христіернъ, жаждавшій власти и денегъ, какъ то дѣлаютъ всѣ слабыя и расточительныя люди, надѣялся получить въ Швеціи то и другое, и потому составлялъ себѣ тамъ партію. Безпокойное честолюбіе Густава Тролля, архіепископа Упсальскаго, доставило ему средства къ исполненію желанія. Архіепископъ, котораго Стуръ возвелъ въ это высшее духовное достоинство, въ надеждѣ привязать его къ себѣ своими милостями, искалъ только случая погубить своего благодѣтеля. Завидуя дарованіямъ и доброму имени правителя, онъ видѣлъ въ переворотѣ, долженствовавшемъ подчинить Швецію подъ иго Даніи, источникъ власти для духовенства, а во власти своего сословія собственное возвышеніе. Одинаково равнодушный къ обязанностямъ своего званія, какъ духовной особы и какъ гражданина, интригантъ по нуждѣ, мятежный изъ тщеславія, онъ весьма скоро склонился на предложенія Христіерна, обѣщавшаго отдать ему въ управленіе Швецію. Густавъ Тролле дѣйствительно употребилъ всѣ средства, которыя могъ имѣть по своему кредиту, сану и природному

краснорѣчію, для умноженія числа враговъ Стенона Стура. Когда тайные замыслы его были открыты, и когда онъ самъ нѣкоторымъ образомъ обнаружилъ свои честолюбивыя намѣренія, отказавшись отъ присяги, тогда правитель осадилъ его въ замкѣ Стеке, въ которомъ онъ имѣлъ пребываніе.
1517 Христіернъ обвинилъ Стенона предъ Римомъ въ несправедливой войнѣ противъ духовной особы.

Левъ X хотѣлъ привлечь на свою сторону Датскаго короля, для успѣшнѣйшей продажи индульгенцій на Сѣверѣ. Биргеру, архіепископу Лундскому, порученъ былъ судъ надъ правителемъ и его приверженцами: всѣ они были отлучены отъ Церкви. Стенонъ, нисколько не страшась проклятія папы, рѣшился употребить силу, чтобы покорить и наказать архіепископа. Тогда архіепископъ воззвалъ о помощи къ Христіерну. Штаты, собравшіеся въ Стокгольмѣ, видя въ Тролле измѣнника, призывавшаго чужеземцевъ, торжественно низложили его. Большая часть членовъ сейма, полагая, что духовное достоинство не можетъ подвергнуть виновнаго строгости законовъ, воспротивилась такому рѣшенію. Брашъ, епископъ Линкепингскій, боялся особенно пагубныхъ слѣдствій рѣшенія сейма, и чтобы поставить себя въ безопасное положеніе, составилъ протестъ противъ приговора, низлагавшаго архіепископа. Датскій король съ своей строны, узнавъ о низложеніи Тролле, и почитая себя защитникомъ духовнаго званія,

съ радостію ухватился за этотъ случай для порабощенія Швеціи, и предводительствуя арміею и многочисленнымъ флотомъ, явился предъ Стокгольмомъ. Датчане потерпѣли пораженіе близъ Бренкирки. Христіернъ пожелалъ вступить въ переговоры; но нарушивъ клятву, увезъ съ собою въ Данію Шведскихъ вельможъ, бывшихъ у него заложниками. Швеція вознегодовала на такое вѣроломство; но внутреннія безпокойства, произведенныя Тролле, заставили ее отложить праведное мщеніе.

Вскорѣ Христіернъ занялся новыми приготовленіями, и началъ опять угрожать Швеціи. Полководецъ его, Крумпенъ, проникнулъ чрезъ Галландъ въ Вестроготію. Обѣ арміи сошлись близъ Богезунда. Стуръ явилъ чудеса храбро- 1520
сти, но былъ смертельно раненъ; съ его смертію кончилось сопротивленіе Шведовъ. Разъединенные безъ предводителя, они потерпѣли совершенное пораженіе, и всѣ области покорились Датчанамъ. Только одинъ Стокгольмъ защищался упорно и съ успѣхомъ. Женщина-героиня, достойная супруга Стура, одушевляемая мщеніемъ и ничего не ожидая отъ Христіерна, сообщала свою неустрашимость жителямъ города. Штаты, собравшіеся въ Упсалѣ, желая прекратить бѣдствія отечества, не отчаявались склонить Христіерна въ пользу Швеціи. Подъ предсѣдательствомъ того самаго Густава Тролле, который пожертвовалъ общею

независимостію своему честолюбію, они вступили въ переговоры съ Датскимъ королемъ, обязались вручить ему скипетръ и такимъ образомъ возобновили Кальмарскій союзъ. Христіернъ, съ своей стороны, обѣщалъ совершенное забвеніе прошедшаго; обѣщалъ не трогать имуществъ, возвратить свободу плѣннымъ и не опредѣлять налога безъ согласія Штатовъ. Договоръ сей, доставившій Христіерну всѣ выгоды, которыя онъ желалъ получить, и вынудившій Штаты уступить то, чего въ счастливое время они никогда бы не уступили, былъ результатомъ обстоятельствъ, дѣломъ благоразумія, сообразовавшагося съ силою. При всемъ томъ договоръ сей былъ заключенъ торжественно; можно было надѣяться, что его поддержатъ и что онъ успокоитъ Швецію. Стокгольмъ, угрожаемый голодомъ, и частію склоненный на сторону Христіерна его посланцами, сдался.
15 ноябр. Тогда король Датскій, побѣдитель Швеціи,
1520 былъ призванъ на престолъ и совершилъ обрядъ коронованія съ величайшимъ великолѣпіемъ; но при семъ торжествѣ только одни Датчане играли важную роль, а Шведы оставались простыми зрителями; ихъ уже болѣе не опасались, а потому и не обращали на нихъ вниманія. Естественно, что все это воспламенило ихъ гордость; оказанное равнодушіе ясно опредѣляло духъ двора, и заставляло ожидать новыхъ бѣдствій.

Дѣйствительно: во время обряда коронованія, Христіернъ уже обдумывалъ свои преступленія. Власть, добровольно уступленная, казалась ему непрочною; ограниченіе этой власти было въ его глазахъ бременемъ. Связанный статьями договора, онъ рѣшился нарушить ихъ; но чтобы все это совершить безнаказанно и поработить себѣ Швецію, не опасаясь мщенія, онъ хотѣлъ оледенить умы страхомъ, показавъ кровавое зрѣлище, которое бы лишило всѣхъ даже идеи сопротивленія. Одинъ брадобрѣй, совѣтникъ и повѣренный въ этомъ адскомъ замыслѣ, вспомоществовалъ Христіерну въ погибели всѣхъ, осмѣлившихся содѣйствовать къ низложенію епископа Тролле. Онъ говорилъ, что такой примѣръ уничтожитъ зародышъ всѣхъ безпокойствъ, освободитъ Христіерна отъ всякаго ограниченія, доставитъ ему желаемыя деньги. Удовлетворяя симъ корыстолюбію и мести короля, онъ прибавлялъ еще, что тогда Христіернъ явится защитникомъ Церкви, и только исполнитъ приговоръ папы, еще неуничтожившаго проклятія надъ судьями Тролле. Разумѣется, что такой планъ, льстившій непомѣрному властолюбію и ненасытимой жаждѣ мщенія, былъ принятъ и приведенъ въ исполненіе. Король отыскалъ столь низкихъ людей, которые захотѣли быть орудіями его варварства, и которые, въ одно и тоже время обвинители и судьи сенаторовъ, все дѣло облекли

въ законныя формы. Шведы не устыдились служить палачами у тирана своей отчизны. Жертвы, уже обреченныя смерти, были обвинены въ ереси за то, что произнесли приговоръ надъ архіепископомъ, и наказаніе было имъ опредѣлено какъ еретикамъ. Девяносто четыре уважаемыя особы подверглись осужденію, и знаменитѣйшія головы пали на эшафотѣ. Празднества коронованія были прерваны ужасною сценою, или, лучше сказать, самая сцена сія была празднествомъ, достойнымъ Христіерна. Безпорочные епископы, своими добродѣтелями доказывавшіе религію; дворяне, прославившіе себя болѣе своими дарованіями и заслугами, нежели происхожденіемъ; сенаторы, посѣдѣвшіе въ почетныхъ трудахъ, всегда повиновавшіеся только голосу отечества и обязанности, — были обезглавлены въ глазахъ несмѣтнаго множества народа, котораго праведное негодованіе удерживалось многочисленною стражею, который всего боялся, ничего болѣе не надѣялся, и въ крови своихъ великодушныхъ защитниковъ читалъ приговоръ собственной своей гибели. Зрители не смѣли даже оказать сожалѣнія къ симъ несчастнымъ жертвамъ. Слезы ихъ почли бы за преступленіе; онѣ были запрещены; лазутчики Христіерна, разсѣянные посреди толпы народной, съ жадностію ловили всѣ слова, движенія, взоры, о которыхъ доносили королю, чтобы подвигнуть его къ но-

вымъ жестокостямъ. Глубокое молчаніе выражало одно негодованіе и отчаяніе, овладѣвшія всѣми сердцами. Свирѣпый Христіернъ не остановился на этомъ; онъ какъ будто хотѣлъ упиться кровію. Осужденія въ Стокгольмѣ быстро слѣдовали одно за другимъ, и отсюда перешли въ провинціи государства. Возвышавшіяся повсюду висѣлицы возвѣщали народу о прибытіи короля, который всеобщею казнію думалъ исполнить обѣщанное торжественно прощеніе даже и дѣйствительно виновнымъ. Болѣе шести сотъ жертвъ погибло такимъ образомъ. Наконецъ, утомленный жестокостями, Христіернъ оставилъ Швецію, и поспѣшилъ заключить въ Копенгагенскомъ дворцѣ свои ужасныя наслажденія и кровавыя воспоминанія.

Христіернъ думалъ потушить въ Шведахъ тотъ духъ независимости и ту національную гордость, которые въ продолженіе цѣлаго столѣтія, сопротивлялись Кальмарскому союзу; но кровію онъ только навсегда уничтожилъ этотъ самый союзъ. Своими преступленіями онъ возмутилъ всѣ партіи, внушивъ противъ себя непреодолимую ненависть, и въ каждомъ Шведѣ долженъ былъ видѣть своего врага. Правленіе въ Швеціи было раздѣлено между государемъ и королевскими Штатами. Христіернъ, измѣнивъ клятвѣ, нарушилъ коренные законы, и произведя кровавый переворотъ, довелъ Шведовъ своею жестокостію до совершеннаго отчая-

нiя. Этотъ гордый, великодушный и храбрый народъ умѣлъ равно любить и ненавидѣть; способный принимать живѣйшiя впечатлѣнiя, страстно любящiй свое отечество, хотя природа надѣлила его болѣе живописными и величественными видами, нежели плодородiемъ, онъ въ самой бѣдности почерпалъ любовь къ своимъ законамъ и мужество къ самопожертвованiю; слава и патрiотизмъ могли его побудить ко всякому предпрiятiю, а вмѣстѣ съ тѣмъ во всемъ могли утѣшить его. Энергическая душа, мощное и красивое тѣло составляли нацiональный отпечатокъ. Такой народъ много прощаетъ тому, кто возбуждаетъ его удивленiе, и ничего не извиняетъ тому, кто возбуждаетъ къ себѣ его презрѣнiе. Вотъ почему преступленiя Христiерна привели всѣхъ Шведовъ къ одному и тому же чувству. Общiй интересъ заглушилъ всѣ частныя выгоды: семейныя распри прекратились; партiи забыли свои прежнiе раздоры; волненiе было всеобще, но еще тайное; никто не смѣлъ ни говорить, ни совѣтоваться свободно; ожидали только явленiя человѣка, который бы былъ способенъ произвести великое движенiе и умѣть управлять имъ.

Освободитель, посланный Швецiи Небомъ,
1490 избѣгнулъ цѣпей и уже былъ на родинѣ: это Густавъ Ваза. Онъ родился въ Линдгольмѣ, въ Упландiи; какъ сынъ Ерика Iогансона и правнукъ великаго Стура, онъ принадлежалъ къ

дому Фолькунгеновъ, древнихъ Шведскихъ королей. Воспитанный при дворѣ правителя и окруженный великими примѣрами, Густавъ получилъ простое, но мужественное воспитаніе, а геній Стура разгадалъ его характеръ. Юноша отъ природы былъ крѣпкаго сложенія, отличался благородною наружностію, выразительною и характеристическою физіогноміею. Особенно отличался онъ во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, и рано показывалъ умъ живой, проницательный, душу возвышенную и энергическую. Какое-то неопредѣленное сознаніе во всѣхъ этихъ преимуществахъ поставило его выше всѣхъ его товарищей юности, и въ играхъ онъ уже прелюдировалъ нѣкоторымъ образомъ въ той великой роли, которую долженъ былъ играть въ послѣдствіи. Двадцати четырехъ лѣтъ явился Густавъ при дворѣ Стенона Стура младшаго, и своими достоинствами пріобрѣлъ сердца всѣхъ. Чтеніе отечественной исторіи, бывшее его любимымъ занятіемъ, питало въ его душѣ патріотизмъ, любовь къ самобытности Швеціи и презрѣніе къ чужеземцамъ. Бесѣда съ умнымъ Линкепингскимъ епископомъ, Геммингомъ Гадекомъ, занимала его гораздо болѣе всѣхъ удовольствій и разсѣяній, столь свойственныхъ его лѣтамъ. Во время войны съ Христіерномъ, онъ сражался вмѣстѣ съ правителемъ и отличился храбростію, но попалъ въ число тѣхъ заложниковъ, которыхъ Христіернъ,

вопреки данной клятвы, удержалъ въ темницѣ. Христіернъ какъ будто предчувствовалъ всю важность того, чтобы этотъ молодой человѣкъ не возвращался въ Швецію, и потому отдалъ его подъ присмотръ Эриха Банера, Ютландскаго дворянина, обязавшагося, вмѣсто поруки, выдать шесть тысячъ червонныхъ. Густавъ, получивъ отъ Банера позволеніе прогуливаться въ окрестностяхъ замка Калло, гдѣ онъ былъ содержимъ, воспользовался этимъ и бѣжалъ въ Любекъ: Банеръ требовалъ его выдачи. Любскій сенатъ, уважая права гостепріимства, тронутый краснорѣчіемъ Густава и видя въ немъ человѣка, способнаго смирить Христіерна, котораго могущество начинало уже бросать тѣнь на Ганзейскіе города, не только отказался его выдать Датскому королю, но даже способствовалъ ему къ возвращенію въ Швецію. Густавъ для того только и желалъ своего собственнаго освобожденія, чтобы возвратить его отечеству. Преисполненный сихъ великихъ мыслей, онъ отправился въ Кальмаръ, съ горестнымъ восторгомъ привѣтствуя эту окровавленную и порабощенную землю, которую рѣшился освободить отъ ненавистнаго ига. Не имѣя другихъ средствъ, кромѣ личныхъ качествъ и мужества души сильной, онъ надѣялся передать свою великодушную пылкость соотечественникамъ и вооружить ихъ противъ Христіерна.

Густавъ въ высшей степени вмѣщалъ въ себѣ все необходимое для полнаго успѣха въ подобномъ предпріятіи, и притомъ у такого народа, какъ Шведы. Съ величественною наружностію, истиннымъ отпечаткомъ любимцевъ природы, онъ соединялъ увлекательное краснорѣчіе, объясняясь народномъ языкѣ легко и сильно. Онъ былъ въ счастливомъ возрастѣ энтузіасма, когда геній вполнѣ разцвѣтаетъ — энтузіасма, который необходимъ для внушенія его другимъ, и безъ котораго никогда не бываетъ смѣлости въ дѣйствіи; онъ уже пріобрѣлъ эту мощность разсудка, которая съ мудростію совокупляетъ всѣ внушенія и исполненія энтузіасма, и которая одна приводитъ въ движеніе этотъ нравственный рычагъ. Отличаясь вѣрнымъ, размышляющимъ умомъ, не имѣя только богатаго запаса идей, Густавъ имѣлъ одну господствующую, а это, можетъ быть, всего лучше для дѣйствія; и подобно всѣмъ людямъ, рѣшавшимъ судьбу народовъ, онъ обладалъ болѣе великимъ характеромъ, нежели обширнымъ и глубокимъ умомъ. Терзаемый бѣдствіями отечества, которыя хотѣлъ прекратить, онъ узнаетъ о плачевной смерти своего отца, погибшаго во время убійствъ Стокгольмскихъ Эта ужасная вѣсть не только не лишила его бодрости, но еще болѣе усилила его пылкость: тогда онъ приступилъ къ исполненію своего плана, окружаемый грустною картиною родины и тѣнію отца, одушевлявшими его къ от-

мщенію. Нарушеніе торжественнаго условія, соединявшаго Швецію съ Даніею, безчисленныя злоупотребленія и жестокіе поступки Христіерна — вотъ что побудило Густава къ сему великому предпріятію; его влекли къ тому: патріотисмъ, сыновняя любовь и слава, но не честолюбіе; виды клонились только къ изгнанію Датчанъ и къ доставленію Шведскимъ штатамъ возможности собранія для устройства правительственныхъ дѣлъ, а всѣ средства заключались въ чувствованіи собственныхъ силъ и дарованій, въ презрѣніи къ жизни, и въ точномъ знаніи характера и бѣдствія своихъ соотечественниковъ. Изъ Кальмара онъ отправился для развѣдыванія народнаго расположенія; но въ этой части Швеціи страхъ оледенилъ всѣ умы; зять его, Іоакимъ Браге, съ которымъ онъ видѣлся въ замкѣ, въ Зюдерманландіи, и которому открылъ свои намѣренія, отказался принять его сторону; сестра также употребила всѣ усильныя просьбы, чтобы отклонить брата отъ задуманнаго предпріятія: онъ ее оставляетъ и направляетъ путь къ Далекарліи. Эта область, лежащая на сѣверо-западѣ Швеціи, обитаема народомъ простымъ, бѣднымъ, но храбрымъ, пылкимъ, сохранившимъ въ уединенной жизни первобытныя черты національной физіогноміи. Далекарлійцы тѣмъ сильнѣе были привязаны къ своей странѣ, что не знали другой; необразованные, но энергическіе, они были

способны на все. Пища ихъ простая и умѣренная; кромѣ воды они ничего не пьютъ, и если имъ нечего терять, то тѣмъ болѣе они равнодушны къ жизни, и готовы жертвовать ею. Къ нимъ-то направилъ Густавъ путь свой, 1520
и чтобы лучше понравиться, принялъ ихъ одежду; остригъ волосы по ихъ обычаю, украсилъ себя круглою шляпою, одѣлся въ грубое платье, вооружился топоромъ; и въ этомъ видѣ, блуждая долго по лѣсамъ, опредѣлился наконецъ въ услуженіе къ одному крестьянину. Благородная наружность не могла однако жъ укрыться и подъ этою маскою: онъ былъ узнанъ и едва не попался въ руки лазутчиковъ Христіерна. Преслѣдуемый врагами, обманутый вѣроломными друзьями, укрываясь то въ овинахъ *), то въ телѣгахъ, онъ подвергался всѣмъ возможнымъ опасностямъ, безпрерывно увеличивавшимся; сей

---

*) Всѣ мѣста, въ которыхъ Густавъ имѣлъ пребываніе, и гдѣ его принимали во время его странствованія, или лучше сказать, во время его достославнаго шествія, были сохраняемы Шведами съ какимъ-то религіознымъ почтеніемъ, какъ народные памятники: отцы съ благоговѣніемъ показывали ихъ дѣтямъ. Правительство опредѣлило даже ежегодную сумму на содержаніе ихъ. Карлъ X, во время путешествія своего въ Фалунъ, также ассигновалъ сумму на поддержку того овина, въ которомъ работалъ Густавъ. Государственная казна ежегодно на свой счетъ сохраняетъ его домъ въ Орнаѣ.

эпизодъ его жизни имѣетъ весь интересъ романа. Въ праздникъ Рождества Христова онъ прибылъ въ Мору, главное мѣсто Далекарліи, вмѣшался въ толпу собравшагося народа; открылся всѣмъ присутствовавшимъ, и своимъ простымъ, какъ окружающая природа, краснорѣчіемъ воспламенилъ ихъ. Двѣсти Делакарлійцевъ взялись за оружіе и послѣдовали за нимъ.

Разнесшійся объ этомъ слухъ привелъ всѣхъ Шведовъ въ движеніе. Армія Густава быстро стала умножаться: достаточно было для Шведовъ одного знака ко всеобщему возстанію, потому что огнь мести давно уже скрывался въ ихъ сердцахъ. Тролле вооружился противъ Густава, но былъ разбитъ при помощи Олофа Бонде, товарища всѣхъ трудовъ Вазы. Побѣда была одержана надъ шестью тысячами человѣкъ, число приверженцевъ еще болѣе увеличилось, и тогда Густавъ издалъ противъ Христіерна манифестъ, въ которомъ, упрекнувъ его въ нарушеніи договора и убійствахъ въ Стокгольмѣ, далъ замѣтить, что, никогда не приносивъ ему присяги въ вѣрности, онъ можетъ и долженъ быть органомъ общаго негодованія и желанія народа. Вестерасская битва сообщила сему манифесту увлекательную силу и произвела быстрые успѣхи. Но Густавъ, питая полное уваженіе къ отечественнымъ законамъ, не искалъ тѣхъ титуловъ, которые ему могли доставить его дарованіе и ревность; онъ зналъ, что

только Шведскіе чины могутъ доставить ему законную власть, дать законный видъ его предпріятію. Чины собрались въ Вадстенѣ: здѣсь 1521
съ жаромъ изобразилъ онъ бѣдствія отечества, опасности, ему угрожающія, средства, которыя оно можетъ имѣть; скромно говорилъ онъ о томъ, что самъ сдѣлалъ, совѣтывалъ принять необходимыя мѣры и въ перспективѣ показывалъ Швеціи ея благоденствіе и славу. Въ молчаніи выслушали его государственные чины и потомъ единодушно благодарили за всѣ оказанныя услуги. Признательность и удивленіе заставили замолчать мелкія страсти тщеславія и зависти; онѣ сами уступили общему движенію, и единодушный голосъ наименовалъ Густава правителемъ королевства. Такую довѣренность онъ вскорѣ оправдалъ новыми подвигами, начавъ осаду Стокгольма. Любекъ вспомоществовалъ ему въ этомъ дѣлѣ, хотя политика сего могущественнаго города и не вполнѣ благопріятствовала предпріятію Густава: Любекъ хотѣлъ только продлить безпокойства въ Швеціи, удерживая въ своихъ рукахъ всю Балтійскую торговлю. Но доброе дѣло всегда торжествуетъ: всѣ укрѣпленныя мѣста постепенно сдавались Густаву. Датчане, по малочисленности своей, не могли удержаться въ такой странѣ, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчали непріятеля; вся Швеція признала надъ собою власть правителя, который напалъ уже на Датскаго короля въ его собст-

венныхъ владѣніяхъ. Одинъ Стокгольмъ сопротивлялся еще.

Можетъ быть, Христіернъ и остановилъ бы возраставшіе успѣхи Густава, если бы въ самой Даніи все было спокойно; но и тамъ корыстолюбіе и жестокость короля произвели всеобщее негодованіе. Кромѣ Христіерновыхъ единомышленниковъ весь народъ, узнавъ объ убійствахъ Стокгольмскихъ, раздѣлялъ негодованіе Шведовъ, не желая, чтобы этотъ гнусный поступокъ очернилъ Датское имя. Датчане, отъ природы тихіе, но раздраженные такими жестокостями, едва выносили тиранію Христіерна, который и у нихъ нарушилъ многія поста-
1523 новленія. Сенатъ, ободренный примѣромъ Шведовъ, собрался въ Выборгѣ, въ Ютландіи; торжественно низложилъ Христіерна; на престолѣ же возведенъ былъ Фридрихъ, герцогъ Голштинскій. Въ эту ужасную минуту, когда Христіернъ былъ лишенъ короны и долженъ былъ покинуть Данію, онъ показалъ себя столь же малодушнымъ, сколько прежде былъ жестокъ. Онъ поспѣшилъ перевезти на корабль свои сокровища, и бѣжалъ въ Нидерланды, льстя себя ложною надеждою вооружить въ свою пользу зятя своего, Карла V.

Столь важное событіе довершило великое дѣло, начатое Густавомъ. Стокгольмъ сдался; Швеція была очищена отъ чужеземцевъ-притѣснителей. Отнынѣ она не боится Даніи. Фридрихъ,

нетвердый на престолѣ, думалъ только о себѣ. Шведскіе чины, собравшись въ Стренгнессѣ, 1523 торжественно поднесли корону освободителю отечества. Имѣя въ виду общую выгоду и утверждение общественнаго порядка, Шведы желали, чтобы власть была сильна и сосредоточена въ одномъ лицѣ, и вотъ почему они совершенно предали себя монархіи. Но Густавъ, довольный освобожденіемъ родины, отказался отъ предложенной ему почести. Отказъ Густава отъ престола былъ внушенъ опасеніемъ заговоровъ, зависти, которыя могли быть слѣдствіемъ его возвышенія, или, можетъ быть, отказъ сей былъ невольною данью чистой и благородной души труднымъ обязанностямъ государя. Побужденный слезами и усильными просьбами согражданъ, онъ согласился на ихъ желаніе, и принялъ скипетръ. Онъ одинъ могъ удержать Швецію отъ переворотовъ и порабощенія; онъ одинъ былъ въ состояніи упрочить свое прекрасное твореніе. Въ тридцатисемилѣтнее царствованіе Густавъ оправдалъ надежды Шведовъ, и по счастливому сочетанію дѣятельности и благоразумія, кротости и строгости, онъ всегда дѣйствовалъ сообразно съ обстоятельствами. Эти обстоятельства сіи часто были критическія: интриги духовенства, происки низложеннаго Христіерна, зависть нѣкоторыхъ дворянъ, пылкій характеръ Далекарлійцевъ, которыхъ легко было совратить съ истиннаго пути, долго под-

му, да и папы никогда не владычествовали такъ сильно надъ Швеціею, какъ въ прочей Европѣ: разстояніе дѣлало всякія сношенія слишкомъ трудными; бѣдность страны не могла возбудить ни корыстолюбія, ни вниманія Римскаго двора, остававшагося равнодушнымъ. Всѣ сіи обстоятельства обегчили исполненіе плана Густава. Въ ожиданіи минуты для нанесенія рѣшительнаго удара, онъ обязалъ духовенство содѣйствовать къ уплатѣ государственныхъ долговъ. Ежегодные расходы (*) значительно превосходили доходы. Любеку должны были огромныя суммы. Духовенство, предвидя угрожающую опасность, надѣялось отдалить ее пожертвованіями, стараясь покрыть общественныя нужды. На сеймѣ въ Вестерасѣ, Густавъ сдѣлалъ уже одинъ
1527 шагъ впередъ. Дворянство также искало униженія духовенства, потому что думало обогатиться на его счетъ, и тѣмъ усилить свое собственное политическое вліяніе. Поселяне и граждане совершенно были преданы Густаву. Церковныя и монастырскія земли причислили къ короннымъ имѣніямъ. Лютеранская религія торжественно была объявлена господствующею; но Густавъ сохранилъ іерархію изъ уваженія къ древнимъ обычаямъ, а болѣе для того, чтобы дать религіи почетнѣйшія и уважительнѣйшія формы. Лаврентій Петри, ученикъ Люте-

*) Расходы простирались до 77000 марокъ; доходы до 24000. Любеку должны были 77000.

ра, получилъ достоинство Упсальскаго епископа и примаса королевства. 1513

По совершеніи сего важнаго дѣла, Густавъ все свое вниманіе обратилъ на увеличеніе въ Швеціи національнаго богатства. Рудники стали разработывать съ бо́льшею дѣятельностію и успѣхомъ. Просвѣщенное управленіе, ободренія, мудро раздѣляемыя, развили сѣмена промышлености. Прочность общественнаго порядка побуждала къ полезнымъ предпріятіямъ. Всякій былъ увѣренъ въ пользованіи плодами своего труда, и потому работалъ съ ревностію. Шведская торговля обогащала только Ганзейскіе города. Любекъ особенно владычествовалъ на Балтійскомъ морѣ, предписывая Шведамъ законы. Они продавали ему произведенія своего отечества, получая въ замѣнъ необходимые для жизни предметы; разумѣется, что при недостаткѣ соперничества, все было продаваемо и покупаемо съ убыткомъ. Густавъ все это уничтожилъ; онъ создалъ морскую силу, и научилъ Шведовъ самимъ получать то, что доселѣ они пріобрѣтали отъ своихъ корыстолюбивыхъ сосѣдей. Обложивъ пошлиною Любскія спекуляціи, онъ доставилъ тѣмъ своимъ подданнымъ средства къ начатію выгодныхъ и блистательныхъ предпріятій. Вскорѣ Шведскій флагъ стали уважать не только на Балтійскомъ, но и въ другихъ моряхъ. Швеція возвысилась до степени сильной державы; другія государства

обратили на нее вниманіе; искали ея союза. Такъ Франція соединилась съ нею. Этотъ союзъ дѣлаетъ честь политической прозорливости Франциска I. Швеція представляла собою драгоцѣнный рынокъ для промышлености и торговли Французовъ: она же могла въ послѣдствіи безпокоить Австрійскій домъ въ Германіи. Притомъ союзъ сей долженствовалъ быть продолжителенъ, потому что основывался на истинныхъ выгодахъ обѣихъ державъ и на отношеніяхъ прочныхъ. Швеціи нечего было опасаться Франціи, которая, по географическому положенію, не только не могла вредить ей, но, въ случаѣ нужды, могла даже вспомоществовать. Густавъ оправдалъ надежды Шведовъ: подъ его скипетромъ они наслаждались всѣми выгодами общественнаго порядка, безопасностію и покровительствомъ внутри, уваженіемъ извнѣ.
1544 Государственные чины, собравшіеся въ Вестерасѣ, заплатили долгъ національной признательности, и воздавая новую дань Густаву, объявили корону наслѣдственною въ его домѣ. Это значило дать прочный залогъ общей независимости, утвердить самостоятельность Швеціи, потушить всѣ прежнія распри, предупредить новыя, и возложить на фамилію Вазы священную обязанность не изсякнуть въ своемъ родѣ, сохраняя съ высшею властію и врожденныя свои достоинства.

Такъ была счастлива и спокойна Швеція

подъ управленіемъ Густава, исключая незначительныя безпокойства, впрочемъ тотчасъ же и прекращенныя. Данія не наслаждалась такимъ благосостояніемъ. Фридрихъ I, герцогъ Голштинскій, дядя Христіерна, принялъ корону, поднесенную ему чинами, послѣ бѣгства недостойнаго его племянника. 1523
Дворянство воспользовалось обстоятельствами для усиленія своей власти. Прочіе классы были забыты при заключеніи договора между Фридрихомъ и вельможами: вотъ почему выгоды, пріобрѣтенныя дворянствомъ, были источникомъ бѣдствій для него самого, для короля, для прочихъ сословій, для всего государства. Друзья Христіерна также воспользовались случаемъ, чтобы возбудить умы въ его пользу и доставить ему приверженцевъ. Бѣдствіе тяготѣло надъ всѣми, или, по крайней мѣрѣ, угрожало всѣмъ; но легко было увѣрить народъ, всегда недовѣрчивый и легковѣрный, что Христіернъ желаетъ улучшить его судьбу, вооружившись противъ дворянства. Такія идеи, распространяясь болѣе и болѣе по Норвегіи и Даніи, справедливо безпокоили Фридриха, а Христіерну доставляли средства сдѣлать его царствованіе мятежнымъ. Христіерна никогда не оставляла надежда вступить на престолъ Датскій или Норвежскій; о Швеціи онъ не думалъ, потому что почиталъ себя не въ силахъ восторжествовать надъ геніемъ Густава, или, можетъ быть, справедливо полагалъ, что

ему не ужиться съ такимъ народомъ, каковы были Шведы. Сдѣлавъ первое покушеніе на Данію, онъ вступилъ въ Ютландію; но недостатокъ въ деньгахъ и дѣятельность Фридриха заставили его отказаться отъ этого предпріятія. Удалившись въ Нидерланды, Христіернъ сносился съ прежними своими подданными, ожидалъ помощи отъ Карла V и дѣлалъ между тѣмъ такія приготовленія, какія позволяли бывшія у него подъ рукою средства. Фридрихъ съ своей стороны показывалъ склонность къ ученію реформаторовъ. Всѣ монархи этого времени болѣе или менѣе открыто стремились къ усиленію своей власти, къ смиренію духовен-
1527 ства и къ конфискаціи духовныхъ имѣній. Впрочемъ Фридрихъ не рѣшался на внезапный и совершенный переворотъ; онъ только позволилъ протестантамъ свободное отправленіе ихъ богослуженія, и это уже было вѣрнымъ, хотя и скромнымъ средствомъ къ распространенію новаго ученія. Какъ ни осторожны были его поступки, но они могли бы содѣйствовать намѣреніямъ Христіерна, если бы только онъ самъ не объявилъ себя за реформацію, способствуя ей во время своего царствованія. Между тѣмъ, не смотря на извѣстный уже образъ мыслей Христіерна, Норвежцы, полагая, что онъ болѣе Фридриха привязанъ къ древней религіи, стали посылкою денегъ благопріятствовать его видамъ. Эта помощь и полу-

ченная еще отъ Карла V, поставили его въ возможность вооружить десятитысячную армію, съ которою онъ и отправился въ Ютландію. Буря большею частію разсѣяла и уничтожила его корабли близъ Норвежскихъ береговъ: Христіернъ съ остаткомъ флота прибылъ въ Ольпело. Первыя минуты, послѣдовавшія за такимъ несчастіемъ, были столь блестящи, что могли очаровать Христіерна самыми лестными надеждами: Норвежцы толпами стекались подъ его знамена; дворянство и духовенство признали его законнымъ государемъ. Тогда началась осада Аггергуса. Гилленстирна успѣшною защитою сей важной крѣпости далъ время прибыть Фридриху съ воспомогательнымъ войскомъ. Христіернъ отступилъ; покусился на завоеваніе Швеціи, но, отраженный, принужденъ былъ заключиться въ Ольпело; здѣсь также его довели до того, что онъ не могъ ни защищаться, ни удалиться: открылись переговоры. Гилленстирна и другіе Датскіе генералы обѣщали ему доставить свиданіе съ Фридрихомъ, увѣривъ, кромѣ того, въ свободномъ пропускѣ въ Норвегію. Христіернъ, такъ часто измѣнявшій данному слову, не подозрѣвалъ этой измѣны въ другихъ: почитая себя въ совершенной безопасности, онъ отправился на Датскомъ флотѣ къ Копенгагену. Тогда Фридрихъ, осудивъ своихъ генераловъ въ поспѣшности, отказался подписать заключенное ими

условіе и приказалъ заключить Христіерна въ Зондербургскій замокъ, на берегахъ Шлезвигскихъ. Въ угрызеніяхъ совѣсти влачилъ дни свои заключенный король: онъ тамъ прожилъ двадцать семь лѣтъ. Глубокое презрѣніе къ Христіерну оправдывало Фридриха и Гилленстирну въ общественномъ мнѣніи. Христіернъ такъ много сдѣлалъ зла человѣчеству, что не заслужилъ даже ни малѣйшаго сожалѣнія, и самыя несчастія его казались ниже его преступленій.

1533 Фридрихъ умеръ въ годъ задержанія Христіерна. Онъ не имѣлъ ни великихъ пороковъ, ни великихъ добродѣтелей. Кротость и умѣренность его происходили болѣе отъ качествъ темперамента, нежели отъ обдуманныхъ свойствъ. Вельможи польстили ему надеждою въ возведеніи на престолъ сына его Христіана; но дворянство хотѣло лучше избрать такого государя, который бы не имѣлъ никакого права на престолъ, и которому бы оно могло предписывать законы. Духовенство, боявшись за себя, желало государя католическаго. Избирательное правленіе есть величайшее зло: Данія испытала это. Какъ скоро престолъ остался праздным, всѣ честолюбія пробудились, государство волновали интриги, раздирали партіи, поддерживаемыя чужеземцами, и посреди сихъ-то бѣдствій, оно подвергалось еще, можетъ быть, дурному выбору. Городъ, маловажный въ Ев-

ропѣ, игралъ первую роль въ безпорядкахъ Даніи. Любекъ, могущественнѣйшій изъ Ганзейскихъ городовъ, съ горестію смотрѣлъ на препятствія, представляемыя Швеціею его торговлѣ; онъ боялся перевѣса, который начинали имѣть Фламандцы на Балтикѣ. Опасаясь новыхъ лишеній, если въ Даніи утвердится правленіе прочное, онъ рѣшился продолжить въ ней раздоры и стараться раздробить королевство. Проектъ сей родился въ дѣятельной и безпокойной головѣ Георга Вулленвефера, бургомистра республики. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ дерзко-безнравственныхъ людей, которые играютъ существованіемъ и благомъ народовъ, воображая себѣ, что превосходство ума даетъ имъ право видѣть въ людяхъ простыя стихіи соображеній и расчетовъ. Этотъ честолюбивый демагогъ замѣнилъ древнюю Любекскую аристократію демократическими формами, чтобы самому удобнѣе было управлять республикою. И дѣйствительно: онъ пріобрѣлъ безпредѣльную довѣренность у своихъ гражданъ, слѣпо слѣдовавшихъ его совѣтамъ. Одинъ чужеземецъ, принявшій подданство Любека, Маркъ-Мейеръ, человѣкъ предпріимчивый, смѣлый, съ большими дарованіями, сдѣлался повѣреннымъ и вмѣстѣ орудіемъ проектовъ Вулленвефера. Оба замыслили нарушить спокойствіе на сѣверѣ и погубить Данію.

Даніею управлялъ сенатъ во время между-

царствія, послѣ смерти Фридриха, и по видимому хотѣлъ продолжить свою власть. Христіанъ, герцогъ Голштинскій, сынъ Фридриха, сильно домогался престола; но ему льстили пустыми надеждами. Вулленвеферъ, по своимъ пронскамъ, былъ отправленъ въ Копенгагенъ для утвержденія, посредствомъ переговоровъ торговли Любекцевъ на Балтійскомъ морѣ, или, скорѣе, для ближайшаго наблюденія за расположеніемъ умовъ и для составленія себѣ партіи въ самой Даніи. Онъ видѣлъ разномысліе народа. Дворянство, уже возвысившее свою власть, хотѣло еще болѣе увеличить ее. Поселяне и граждане, завидуя этой власти, взволнованные притѣсненіями, не имѣя притомъ понятія объ истинныхъ своихъ выгодахъ, готовы были послѣдовать всѣмъ тѣмъ идеямъ свободы и равенства, которыя такъ обольстительны для недовольнаго народа, и которыя всегда губятъ народъ, живущій подъ благодѣтельнымъ скипетромъ. Планы Вулленвефера распространялись вмѣстѣ съ надеждами. Онъ замыслилъ уже раздробить Данію на нѣсколько мелкихъ государствъ, и, льстя городамъ самовластіемъ, хотѣлъ заставить ихъ вступить въ Ганзейскій союзъ, въ которомъ Любекъ будетъ надъ ними владычествовать. Георгъ Минтеръ, бургомистръ Мальмьё, и Амвросій Богбиндеръ, бургомистръ Копенгагена, приняли его сторону: Вулленвеферъ блестящею перспективою по-

льстилъ ихъ честолюбію. Эти враги отечества дѣйствительно имѣли болѣе честолюбія, нежели дарованій и способностей, а еще менѣе могущественныхъ средствъ; но они предположили себѣ умножить сіи средства ниспроверженіемъ всѣхъ отношеній общественнаго порядка, и успѣли въ томъ.

Любекъ послѣдовалъ предложенію своего перваго сановника, который, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта отъ Датскаго сената, возжегъ войну. Республики любятъ войну, коль скоро чувствуютъ себя сильными. Торговля такъ обогатила Любекъ, сосѣдственныя земли такъ были слабы, что республика могла надѣяться на великіе успѣхи. Сдѣланныя ею въ своей гавани вооруженія, задуманныя предпріятія, нанятыя войска доказали, какими она обладала средствами и какой источникъ богатства заключается въ трудѣ. Предводителемъ войскъ республика назначила Христофора, графа Ольденбургскаго, родственника герцога Христіана. Храбрый, но безъ состоянія, онъ и могъ только пріобрѣтать свои выгоды въ случайныхъ предпріятіяхъ. Любекцы съ своей стороны надѣялись, что онъ будетъ въ ихъ рукахъ полезнымъ орудіемъ; но Христофоръ простиралъ свои виды гораздо далѣе: онъ хотѣлъ своими заслугами возвыситься до такой степени, чтобы привести сенатъ въ свою зависимость. Вулленвеферъ, для прикрытія своихъ честолюби-

выхъ замысловъ и для усиленія своей партіи, объявилъ, что Любекъ намѣревается снова возвести на престолъ Христіерна II. Въ то же время онъ возмутилъ народъ противъ дворянства, допустивъ его до буйства и грабежа, какъ до доказательства свободы. Власть сената была уничтожена. Норвегія, Датскіе острова и Сканія покорились Христофору и провозгласили королемъ Христіерна II. Поселяне неистовствовали повсюду. Увлекаемые честолюбцами, возжигавшими всѣ страсти ихъ въ свою выгоду, они видѣли въ большихъ имѣніяхъ только одно несправедливое и тяжкое неравенство, и эта мысль узаконила въ ихъ глазахъ всѣ преступленія: они начали вести жестокую войну съ владѣльцами имѣній. Данія, сама себя раздиравшая, сдѣлалась легкою добычею Христофора. Копенгагенъ отворилъ ему ворота; оставалось покорить одну Ютландію.

Сенатъ, удалившійся сюда, справедливо полагалъ, что спасти Данію единственно можно только выборомъ короля, котораго законная власть могла бы защитить трепещущихъ помѣщиковъ, успокоить народъ, подчинить своей защитѣ всѣ сословія и предупредить раздробленіе королевства созданіемъ центра дѣйствія. Корону предложили Христіану, сыну короля
1534 Фридриха, который и вступилъ на престолъ подъ именемъ Христіана III. Государь сей внушалъ къ себѣ довѣренность своими добродѣ-

телями и дарованіями. Его дѣятельность и умѣренность оправдали выборъ сената. Законный монархъ отнынѣ сталъ точкою соединенія для враждующихъ силъ, для всѣхъ друзей порядка и законовъ. Христіанъ III обратился къ возращенію своихъ владѣній, вспомоществуемый въ этомъ дѣлѣ Густавомъ, который также опасался Христіерна II, честолюбивыхъ замысловъ Ганзейскихъ городовъ и язвы возмущеній. Любекскій флотъ потерпѣлъ многія поражения. Шведы одержали надъ частію вой- 1535
ска Христофора рѣшительную побѣду при Гельзингбургѣ. Сами Датчане совершенно его разбили близъ Ассекса, въ Фіоніи, и эта побѣда позволила Христіерну III осадить Копенгагенъ, долго сопротивлявшійся. Одушевляемые краснорѣчіемъ и примѣромъ виновниковъ мятежа, увѣрявшихъ о мщеніи короля, граждане подвергались всѣмъ возможнымъ бѣдствіямъ, но не хотѣли сдаться. Между тѣмъ Любекъ, увѣрившись по ходу самыхъ событій въ намѣреніяхъ Вулленвефера, лишилъ его своей довѣренности, не сталъ давать ему вспомоществованія, но вступилъ въ переговоры съ Христіаномъ. Миръ былъ заключенъ въ продолженіе осады Копенгагена — миръ, выгодный для Датскаго короля, поставившій его непріятелей именно въ то положеніе, въ которомъ они были до начатія войны. Наконецъ голодъ, ежедневно увеличивавшійся, принудилъ Копенгагенъ покорить-

ся своему монарху. Милосердіе Христіана расположило всѣхъ въ его пользу: онъ умѣлъ прощать заблудшихся подданныхъ, забылъ всѣ ихъ проступки. Христофоръ и Албертъ Мекленбургскій, раздѣлявшій съ нимъ начальство надъ арміею, удалились въ Германію, преслѣдуемые стыдомъ и проклятіемъ народовъ. Виновники сего переворота, грозившаго ниспроверженіемъ всего сѣвера, всѣ погибли позорною смертію: слабое удовлетвореніе за слезы и кровь, ими проліянныя! Маркъ Мейеръ былъ колесованъ въ Ельзенерѣ. Вулленвеферъ бѣжалъ; но сенатъ Любекскій осудилъ его на смерть, а Бременскій архіепископъ исполнилъ приговоръ. Богбиндеръ, предвидя свою участь, отравился. Одинъ Минтеръ раскаяніемъ не только избѣгнулъ наказанія, но и удержалъ даже бургомистерское мѣсто. Еще до окончанія войны, онъ перешелъ на сторону Христіана III, и оказалъ ему нѣкоторыя услуги при осадѣ Мальмьё и Копенгагена.

Такъ кончилась кровавая война, которая, безъ мудрой твердости Христіана III и дѣятельной предусмотрительности Густава Вазы, могла бы совершенно измѣнить политическія отношенія сѣвера, и создать множество мелкихъ республикъ, слабыхъ и зависящихъ отъ другихъ, вмѣсто королевствъ свободныхъ и могущественныхъ, способныхъ защищать самихъ себя и покровительствовать другія государства.

Нѣтъ даже сомнѣнія, что правила, клонившіяся къ разрушенію законнаго порядка, которыми Вулленвеферъ съ своими сообщниками ласкалъ крестьянъ, могли бы повлечь за собою вѣка преступленій и безначалія, потому что тогда ослабѣли бы всѣ узы общества, рушились всѣ обычаи, и низшіе классы вооружились бы противъ другихъ. Проекты Вулленвефера не были проектами ума обыкновеннаго; можетъ быть, ему недоставало только успѣха, чтобы получить привилегію на геній, и величайшую безнравственность своихъ видовъ и средствъ извинить въ глазахъ тѣхъ, которые судятъ только по успѣху, и въ великомъ движеніи всегда видятъ великое благо.

Когда Данія успокоилась, Христіанъ III обратилъ вниманіе на утвержденіе своей власти и на введеніе общественнаго спокойствія. Епископы, забывъ свои обязанности, совѣтуясь только съ страстями, возжгли-было пламя несогласія, вмѣсто того, чтобы стараться потушить его. Христіанъ полагалъ, что власть его не будетъ прочна до тѣхъ поръ, пока, къ счастію Даніи, не будетъ ограничено духовное сословіе, опасное по своему могуществу, богатствамъ, кредиту и злоупотребленію своего вліянія. Ученіе реформаторовъ, уже исповѣдуемое втайнѣ бо́льшею частію подданныхъ, представляло ему драгоцѣнныя средства для осуществленія своихъ видовъ. Онъ созвалъ въ Копенгагенѣ штаты, 1536

на которыхъ католическое духовенство мало имѣло приверженцевъ; слѣдственно противъ него можно было принять рѣшительныя мѣры. Въ силу изданнаго штатами постановленія, у епископовъ отобрали всѣ помѣстья; церковные доходы были употреблены на предметы общеполезные; въ устройствѣ Церкви взяли за образецъ Швецію, и съ этой эпохи можно считать утвержденіе въ Даніи протестантской религіи.

Изложенныя нами событія упрочили за Даніею и Швеціею ихъ народную независимость: оба государства вошли въ составъ политической системы Европы. Сходство религіи и богослуженія рано соединило ихъ съ Нѣмецкими протестантами; мы увидимъ, что Данія и Швеція положатъ новую тяжесть въ балансѣ дѣлъ политическихъ и религіозныхъ. Сосѣдство и почти одинаковая мѣра силъ должны внушить обѣимъ державамъ взаимныя опасенія, заставить ихъ подумать о такихъ мѣрахъ предосторожности, которыя легко могли обратиться въ мѣры враждебныя. Дѣйствительно, нѣсколько разъ соединенныя общею опасностію или важнѣйшими государственными причинами, Данія и Швеція всегда почти оставались естественными врагами.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Религіозныя смуты въ Англіи. Англія отдѣляется отъ Рима. Смерть Генриха VIII; сынъ его Едуардъ VI приготовляетъ введеніе реформаціи. Марія возстановляетъ католическую религію.

Римскій дворъ, лишившись Даніи и Швеціи, потерялъ еще Англію. Страна сія разорвала узы зависимости, связывавшія ее съ папою; уничтожила его власть, не отвергая впрочемъ ученія Церкви; потомъ отвергла это ученіе, снова приняла его, и опять оставила. Такія безпрерывныя измѣненія въ религіозной системѣ были причиною частыхъ волненій и въ самой политической системѣ Англіи. По мѣрѣ своего удаленія или сближенія съ папою и слѣдовательно съ прежнимъ ученіемъ, Англія то приставала къ протестантскимъ государствамъ, то разрывала съ ними всякую связь. Точно такимъ образомъ, находясь или въ дружбѣ, или во враждѣ съ Австріею, первою католическою державою, она то помогала, то противилась ея намѣреніямъ.

Въ Англіи былъ государь, который всегда объявлялъ себя поборникомъ и защитникомъ Римскаго двора, который пользовался его оружіемъ, который приготовилъ религіозные перевороты въ Англіи — перевороты гораздо болѣе важные по своимъ слѣдствіямъ, нежели по началу,

и притомъ проложившіе дорогу ко многимъ политическимъ нововведеніямъ.

Генрихъ VIII былъ привязанъ къ католической религіи по убѣжденію, привычкѣ и гордости. Слишкомъ углубившись въ спорные пункты религіи, онъ сталъ считать себя великимъ богословомъ, и вооружился противъ Лютера, издавъ трактатъ о таинствахъ — сочиненіе не безъ достоинства, если принять въ соображеніе время, въ которое оно явилось, и свойство самаго предмета. Лютеръ, не щадившій ни кого, отвѣчалъ Генриху съ обычнымъ своимъ упорствомъ. Это обстоятельство еще болѣе отдалило Англійскаго короля отъ ученія реформаторовъ. Левъ X съ своей стороны также еще сильнѣе привязалъ его къ себѣ, провозгласивъ его, послѣ изданія въ свѣтъ сочиненія, достославнымъ защитникомъ вѣры. Генрихъ, желая заслужить сей титулъ новыми заслугами, всегда оставался вѣрнымъ союзникомъ Римскаго двора, не смотря на возраженія Вольсея. Когда достоинство первосвященника было оскорблено, въ особѣ Климента VII, императорскою арміею, Англійскій король требовалъ освобожденія папы, и даже отказался отъ политическихъ сношеній своихъ съ Карломъ V, чтобы только отмстить за честь главы Церкви. Но Генрихъ, всегда дѣйствовавшій по страсти, слѣдовавшій только своимъ наклонностямъ, послѣ такой приверженности вскорѣ разорвалъ связь съ Римскимъ дворомъ.

Причиною этого разрыва была любовь. Генрихъ вступилъ въ бракъ съ Катериною Арагонскою, теткою Карла V, бывшею уже за мужемъ за братомъ его, принцемъ Артуромъ, умершимъ въ цвѣтѣ лѣтъ. Пока Катерина была молода и прелестна, пока она восхищала супруга рожденіемъ дѣтей, онъ никогда не помышлялъ объ этомъ бракѣ, во всѣхъ отношеніяхъ противномъ церковнымъ постановленіямъ, хотя и утвержденнымъ торжественно папскою буллою. Но когда Катерина стала терять свою красоту, въ сердцѣ Генриха зародилось сомнѣніе: онъ, какъ будто для успокоенія своей боязливой совѣсти, началъ уже давно думать о разводѣ. Страсть, внушенная ему блистательною и умною Анною Боленъ, наконецъ заставила его рѣшиться на этотъ поступокъ. Анна была слишкомъ умна, или слишкомъ честолюбива, чтобы не согласиться на желанія Генриха; она хотѣла быть королевою, и сдѣлалась ею. Англійскій король обратился къ папѣ съ просьбою о разводѣ. Климентъ VII боялся разрѣшеніемъ 1524
развода навлечь на себя гнѣвъ Карла V, и равномѣрно опасался отказомъ вооружить противъ себя Генриха. Выигравъ время, онъ надѣялся все выиграть, и потому поручилъ изслѣдованіе дѣла Вольсею и кардиналу Кемпеджу. Вольсей, страшившійся возвышенія Анны Боленъ, и прикрывая опасенія своего честолюбія маскою совѣсти, не изъявилъ согласія на намѣренія своего монарха. Любовь восторжествовала въ сердцѣ Генриха надъ

силою привычки и дружбы. Вольсей попалъ въ немилость; постепенно былъ лишаемъ довѣренности короля, своихъ титуловъ, огромныхъ богатствъ, свободы и умеръ въ ту минуту, когда все было готово къ его осужденію. Низвергнутый въ бѣдствіе съ высоты величія, онъ палъ безъ достоинства; обезчестивъ слабостію свои сѣдины, онъ не унесъ съ собою въ могилу ни сожалѣнія короля, ни любви народной, ни собственнаго уваженія. Хранителемъ печати назначенъ былъ Томасъ Морусъ, а дѣло передано на разсмотрѣніе въ Римъ. Недовѣрчивый и боязливый Климентъ утомлялъ Генриха своею медлительностію и притворствомъ; Анна Боленъ, видя вѣчное препятствіе для своихъ видовъ со стороны папы, убѣждала короля принять рѣшительныя мѣры и разорвать всякую связь съ Римомъ. Докторъ Томасъ Кранмеръ, человѣкъ ума просвѣщеннаго, но низкопоклонникъ, надѣялся достигнуть высшихъ ступеней потворствомъ Генриховой страсти; онъ присовѣтовалъ королю объявить себя въ Англіи верховнымъ главою Церкви и духовенства, и, вмѣсто безполезныхъ сношеній съ Римомъ, самому рѣшить дѣло. Для окончанія всѣхъ сомнѣній Генрихъ согласился на эту мѣру и созвалъ парламентъ для присвоенія себѣ духовной власти.

И въ царствованіе Генриха, и при предшественникахъ его, парламентъ всегда былъ под-

чиненъ волѣ короля. Генрихъ, привыкнувъ къ такой подчиненности, очень хорошо былъ увѣренъ въ его согласіи: парламентъ повиновался, и Англійскій король былъ объявленъ главою Церкви. Съ сего времени жизнь Генриха представляетъ одно сцѣпленіе насилій и преступленій.

Онъ тайно былъ уже обвѣнчанъ съ Анною Боленъ. Томасъ Кранмеръ, получивъ достоинство Канторберійскаго архіепископа, произнесъ приговоръ о разводѣ, и Анна была торжественно признана и коронована королевою. Въ Римѣ извѣстіе это произвело между высшимъ духовенствомъ величайшее негодованіе. Папа и кардиналы, дѣйствуя болѣе по страсти нежели по политикѣ, отлучили Генриха отъ Церкви въ такое время, когда еще была возможность возвратить его въ ея нѣдра. Этою неблагоразумною мѣрою папа лишился Англіи. Парламентъ 1534
разорвалъ всѣ узы, связывавшія королевство съ Римскимъ дворомъ.

Здѣсь открывается длинный рядъ сценъ кровавыхъ и плачевныхъ. Теперь Генрихъ, почитая себя властителемъ мнѣній и дѣйствій, съ одинаковою жестокостію наказывалъ тѣ и другія. Онъ не признавалъ болѣе власти Римскаго двора; но чтобы нѣкоторымъ образомъ загладить такой смѣлый поступокъ, еще сильнѣе привязался къ догматамъ и обрядамъ католической религіи. Истинные католики не могли и не желали согласиться на

его верховную власть; они боялись, что съ уничтоженіемъ папской власти, Англія обратится къ ученію реформаторовъ. Протестанты надѣялись на то, чего опасались католики, и полагали возможнымъ явно обнаружить чувства и мнѣнія, которыхъ они долгое время придерживались тайно. Обѣ партіи равно обманулись. Противъ первыхъ Генрихъ вооружился какъ противъ ослушниковъ; вторыхъ наказывалъ какъ еретиковъ. Темницы наполнились людьми, осужденными совершенно противуположными доводами; въ одно и то же время на эшафотъ возводили приверженцевъ папы и его противниковъ. Томасъ Морусъ, принявшій званіе канцлера по обязанности, и потомъ отказавшійся отъ него, опытный правовѣдецъ, глубокомысленный ученый, неподкупный судья, но чувствительный и твердый, бѣдный, безкорыстный великій въ дѣлахъ общественныхъ и въ подробностяхъ семейственныхъ занятій, положилъ свою почтенную голову подъ сѣкиру палача; радость души сильной и непорочной сопровождала его послѣднія минуты. Фишеръ, епископъ Рочестерскій, только въ томъ и виновный, что предпочиталъ истину интересу, совѣсть жизни, погибъ такою же плачевною смертію. Одинъ погибъ потому, что слишкомъ былъ привязанъ къ прежнимъ идеямъ; другой за приверженность къ новому ученію.

Генрихъ и въ семейной жизни сталъ по-

ступать такимъ же образомъ. Анна Боленъ до тѣхъ поръ была имъ любима, пока любовь его не встрѣчала препятствія; съ уничтоженіемъ ихъ и это чувство уничтожилось. Отъ сего брака родилась дочь, въ послѣдствіи знаменитая Елисавета; но любовь не возобновлялась.

Іоанна Сеймуръ, статсъ-дама королевы, овладѣла сердцемъ Генриха. Придворные стали поддерживать возрождающуюся страсть, а между тѣмъ вселили въ короля сомнѣніе о вѣрности Анна Боленъ. Ея пріятное обращеніе, природная веселость, живость ума, послужили доказательствами ея предосудительнаго поведенія. Подкуплены были свидѣтели: Анна была обвинена, осуждена на смерть, которую встрѣтила со всѣмъ спокойствіемъ невинности. Іоанна Сеймуръ, давъ жизнь принцу Едуарду, умерла также вскорѣ; природа, прервавшая нить ея дней, прежде нежели Генрихъ успѣлъ наскучить ею, освободила эту жертву отъ жестокаго непостоянства супруга. Основываясь на портретѣ Гольбейна, король женился на Аннѣ де 1534
Клевъ; но ея присутствіе уничтожило идею о прелестяхъ, изображенныхъ кистію; отъ любви дѣло перешло къ отвращенію, а отсюда къ разводу. Томасъ Кромвель, виновникъ этого брака, былъ осужденъ въ ереси, и погибъ въ Лондонской темницѣ. Прекрасная Катерина Го- 1540
вардъ замѣнила Анну де Клевъ; но вскорѣ узнали, что она любила другаго. Генрихъ, нака-

зывавшій по однимъ подозрѣніямъ, возвелъ на эшафотъ и несчастную Говардъ. Ее смѣнила Катерина Парръ, вдова лорда Летимера. Можетъ быть, и она подверглась бы этой участи, если бы не льстила богословской гордости Генриха и не увѣрила, что много пользуется его драгоцѣнными познаніями. Эта невинная хитрость, можетъ быть, и недостаточна была для спасенія жизни Катерины, но смерть довершила все: она освободила Англію отъ сладострастнаго и жестокаго государя, который, сроднившись съ пролитіемъ крови, игралъ жизнію людей, переходилъ отъ одного преступленія къ другому, безпрерывно измѣняя ихъ. Небо сжалилось
1547 надъ землею, прекративъ эти ужасные поступки.

На престолъ вступилъ Едуардъ VI, который, по малолѣтству, долженъ былъ находиться подъ опекою правительственнаго совѣта, составленнаго изъ шестнадцати особъ, назначенныхъ самимъ Генрихомъ. Сеймуръ, дядя юнаго короля, частію чрезъ довѣренность, которою пользовался, частію чрезъ интриги, одинъ захвативъ въ руки управленіе королевствомъ, принялъ титулъ герцога Соммерсетскаго. Кранмеръ давно уже придерживался ученія реформаторовъ, но не открывалъ, своихъ мыслей, опасаясь тираніи Генриха VIII. Теперь, по его мнѣнію, настало благопріятное время для окончательнаго переворота, уже приготовленнаго въ общественномъ мнѣніи, и начатаго расколомъ,

отдѣлившимъ королевство отъ Римскаго двора. Регентъ также былъ тайнымъ послѣдователемъ новыхъ правилъ. Полагая, что порядокъ вещей, неблагопріятный и для католиковъ, не соотвѣтствуетъ также и собственнымъ его выгодамъ, онъ хотѣлъ привязать къ себѣ по крайней мѣрѣ одну какую нибудь партію совершеннымъ преобразованіемъ Церкви. Архіепископъ составилъ планъ. Онъ оставилъ неприкосновенными обряды, способствующіе къ величію богослуженія, удержалъ и формы правленія, которыя, увеличивая уваженіе къ духовнымъ, содѣлывали религію болѣе важною, а дисциплину болѣе строгою: іерархія была сохранена. Но вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожили обѣдню, исповѣдь, безбрачіе духовныхъ, монашескіе обѣты и поклоненіе мощамъ. Церковныя и монастырскія имущества, ускользнувшія отъ корыстолюбія Генриха, были обращены на издержки богослужебные и на содержаніе духовенства. Всегда покорный, парламентъ утвердилъ новую литургію. Послѣ сего герцогъ Соммерсетскій обратилъ свое вниманіе на Шотландію, которая, всегда считая Англію своимъ естественнымъ врагомъ и видя во Франціи полезную союзницу, едва-было не соединилась съ Англіею чрезъ бракосочетаніе Маріи, единственной наслѣдницы дома Стуартовъ, съ юнымъ Едуардомъ. Союзъ сей, предначертанный еще Генрихомъ VIII, долженствовалъ окончить продол-

жительныя и кровавыя войны, раздиравшія оба государства. Сообразный съ истинными выгодами, онъ утверждалъ ихъ спокойствіе, усиливалъ средства ихъ могущества и предупреждалъ ужасные перевороты. Къ сожалѣнію, кардиналъ Ботунъ, Шотландскій примасъ, честолюбивый и предпріимчивый, придерживался равно и старинной конституціи королевства и прежняго вѣроисповѣданія; онъ боялся уничтоженія того и другаго, если Шотландія соединится съ Англіею. Съ этою цѣлію онъ употреблялъ все свое вліяніе, которымъ пользовался по своему сану, дарованіямъ и богатствамъ, для воспрепятствованія сему событію, и жестоко преслѣдовалъ приверженцевъ реформы, желавшихъ также и соединенія обоихъ королевствъ. Ботунъ погибъ отъ фанатизма тѣхъ, которыхъ онъ преслѣдовалъ, и которые его смертію хотѣли отмстить за смерть Вишарта, обожаемаго народомъ проповѣдника, осужденнаго кардиналомъ. Плачевный конецъ примаса не уничтожилъ однако безпокойствъ. Шотландское дворянство пользовалось еще независимостію и силою, несовмѣстными съ властію государя; оно предвидѣло, что соединеніе съ Англіею лишитъ его всѣхъ преимуществъ, и потому взялось за оружіе подъ предводительствомъ графа Аррана. Соммерсетъ, желавшій принудить Шотландцевъ къ бракосочетанію юной королевы съ Едуардомъ, вступилъ въ

Шотландію съ значительными силами, но не имѣлъ тамъ успѣха; Шотландскій парламентъ отправилъ Марію Стуартъ во Францію, чтобы 1543 тѣмъ отнять всякую надежду у друзей Англіи. Соммерсетъ, возвратившись въ Лондонъ, попалъ въ лабиринтъ опасностей и бѣдствій, тайно приготовленныхъ ему человѣкомъ, которому онъ совершенно ввѣрился. Дудлей, его любимецъ, приготовилъ паденіе своего благодѣтеля издали хитросплетенными средствами. Съ честолюбіемъ безпредѣльнымъ онъ соединялъ воображеніе разстроенное и плодовитое, которое внушило ему возможность исполненія всѣхъ задуманныхъ предпріятій и вмѣстѣ съ тѣмъ безстрашную дерзость.

Этотъ измѣнникъ поселилъ въ душѣ брата Соммерсета ненависть и зависть. Когда Сеймуръ, слѣдуя его совѣтамъ, старался о погубленіи Соммерсета, Дудлей убѣдилъ сего послѣдняго наказать виновнаго; такою строгостію онъ надѣялся погубить протектора въ общественномъ мнѣніи. Секуляризованныя церковныя имущества были причиною новыхъ безпокойствъ. Духовенство вообще обращалось человѣколюбиво съ крестьянами своихъ земель, и на мѣстѣ потребляя свои доходы, обогащало тѣмъ самую страну. Земледѣльцы, перешедшіе отъ столь кроткаго и отеческаго правленія подъ власть расточительныхъ и корыстолюбивыхъ вельможъ, конечно не могли вытерпѣть ихъ

притѣсненій, и стали явно роптать. Соммерсетъ, знавшій справедливость такихъ жалобъ, по видимому благопріятствовалъ земледѣльцамъ. Но это скрытное покровительство возбудило неудовольствіе въ дворянствѣ, а народъ подвигло къ пагубнымъ мѣрамъ. Дудлей льстилъ и той и другой партіи, и безпорядокъ еще болѣе усилился, когда высшіе классы упорно возстали противъ Соммерсета. Онъ принужденъ былъ отказаться отъ занимаемыхъ имъ мѣстъ; былъ арестованъ и получилъ самыя гнусныя предложенія. Низложенный такимъ образомъ съ высшей степени довѣренности и благорас-
1555 положенія, этотъ человѣкъ кончилъ жизнь на эшафотѣ мнимыхъ преступленій. Народъ, выведенный изъ заблужденія столь бѣдственною судьбою, сожалѣлъ объ немъ, какъ о гражданинѣ честномъ, просвѣщенномъ, не употреблявшемъ во зло своей власти. Дудлей умѣлъ вкрасться въ дружбу и довѣренность юнаго короля, показавъ притворную любовь свою къ общественному благу. Онъ получилъ титулъ и гербъ герцога Нортумберландскаго, умершаго безъ наслѣдниковъ мужескаго пола, и приступилъ къ составленію великихъ предначертаній.

Англія видѣла въ Едуардѣ прекраснѣйшія надежды, но не надѣялась на его долговременное царствованіе. Открытый и легкій умъ, кроткій и человѣколюбивый характеръ, стремленіе къ образованію — всѣ сіи качества, къ несча-

стію, были соединены въ немъ съ слабымъ сложеніемъ и сомнительнымъ здоровьемъ. Нортумберландъ предвидѣлъ время, когда престолъ останется празднымъ, и потому составилъ планъ возвести на него своего сына. Съ этимъ намѣреніемъ онъ убѣдилъ Едуарда отстранить отъ наслѣдства двухъ сестеръ: Марію, дочь Катерины Арагонской, Елисавету, дочь Анны Болèнъ, и даже Шотландскую королеву, которая, послѣ ихъ, имѣла ближайшія права на корону. Король сильно былъ привязанъ къ реформаціи; Дудлей представилъ ему неизбѣжность возстановленія прежней религіи, если одна изъ принцессъ наслѣдуетъ ему: выборъ честолюбца палъ на Іоанну Грей. Эта женщина, одна изъ занимательнѣйшихъ въ Исторіи, отличалась красотою при самой цвѣтущей юности. Съ прелестями очаровательной наружности, она соединяла увлекательность пріятныхъ дарованій, тонкій и пріятный умъ, познанія, изумительныя для ея лѣтъ и пола, и тѣ кроткія и трогательныя добродѣтели, которыя кажутся внушеніями души благородной, нравственнымъ инстинктомъ сердца любящаго и чувствительнаго. Едуардъ, взросшій вмѣстѣ съ Іоанною Грей, любилъ ее со всею нѣжностію брата, и зналъ ея привязанность къ новому вѣроученію. Вотъ почему онъ съ удовольствіемъ принялъ предложеніе своего любимца. Іоанна была внука Маріи, сестры Генриха VIII, супруги Людовика XII.

вышедшей за мужъ за частнаго человѣка, послѣ обладанія однимъ изъ первыхъ престоловъ въ мірѣ. Мать Іоанны Грей отказалась въ пользу дочери отъ своихъ правъ, и Іоанна была провозглашена наслѣдницею престола. Нортумберландъ заставилъ ее вступить въ бракъ съ своимъ сыномъ, и юный Дудлей казался достойнымъ своего счастія.

Во время сихъ событій Едуардъ былъ похищенъ у любви народа, смотрѣвшаго на него, какъ на залогъ своего благоденствія: онъ
1553 умеръ шестнадцати лѣтъ, и смерть его была причиною ужасныхъ бѣдствій для Англіи. Нортумберландъ видѣлъ теперь благопріятную минуту, чтобы собрать плоды своихъ трудовъ и преступленій. Онъ пригласилъ Марію и Елисавету для присутствованія при послѣднихъ минутахъ брата, но въ самомъ дѣлѣ только хотѣлъ овладѣть ими. Марія между тѣмъ узнала о смерти Едуарда; собрала своихъ приверженцевъ, число которыхъ безпрестанно увеличивалось отъ зависти и презрѣнія къ Дудлеямъ, и вездѣ была принимаема съ восторгомъ. Католики надѣялись на блистательное торжество. Къ партіи Маріи пристала Елисавета, вмѣстѣ съ тысячью всадниковъ. Устрашенные враги сдавались почти безъ сопротивленія. Іоанна Грей безъ сожалѣнія выпускала изъ рукъ скипетръ, который держала нѣсколько дней; она легко отказалась отъ величія, въ которомъ не

имѣла нужды ни для своего блага, ни для славы. У ней осталось ея собственное личное величіе; ея геній и любовь къ супругу удовлетворяли всѣ ея желанія. Нортумберландъ въ одно мгновеніе лишился всѣхъ своихъ надеждъ; съ изумительною быстротою онъ сошелъ съ блестящей ступени счастія на эшафотъ: Англія рукоплескала при его казни. Но Англичане узнали съ негодованіемъ и горестію, что жизнь Іоанны Грей и сына Нортумберланда находится въ опасности, и что даже неизвѣстность, въ которой они скрыли свои добродѣтели и воспоминанія, не защитила ихъ. Они были обвинены въ заговорѣ, долженствовавшемъ снова возвести ихъ на престолъ. Можетъ быть, другіе дѣйствительно имѣли это намѣреніе, но сами они были его чужды и по своимъ чувствамъ и по поступкамъ. Судьи осудили ихъ на смерть, лишивъ единственнаго утѣшенія умереть вмѣстѣ: боялись, чтобы это трогательное зрѣлище не произвело сильнаго впечатлѣнія на народъ. Іоанна была предана смерти въ тем- 1554
ницѣ, показавъ себя еще выше въ послѣднія минуты жизни. Съ героическою твердостію и вмѣстѣ съ тѣмъ съ глубокою чувствительностію она осушала слезы, проливаемыя при такой плачевной судьбѣ. Люди хотѣли сожалѣть о ней, и могли только удивляться.

Такъ начала Марія, и все царствованіе ея соотвѣтствовало этому кровавому дебюту. Дочь

Генриха VIII и Катерины Арагонской, она, со времени развода матери, проводила свою юность въ слезахъ и униженіи. Неодаренная красивою наружностію, Марія рано почувствовала, что не можетъ нравиться, и это чувство, не отнявъ впрочемъ желанія, сообщило ей грустный, строгій и мрачный характеръ. Бѣдствія матери еще болѣе усилили въ ней природную наклонность къ грусти; и чтобы утѣшить себя въ несправедливостяхъ судьбы, она привязалась къ католической религіи, которая могла бы предупредить ея бѣдствія и упрочить блистательную жизнь, если бы Генрихъ сохранилъ ее. Воспитанная фанатическими проповѣдниками въ презрѣніи къ ученію протестантовъ, и считая его единственною причиною своихъ несчастій, Марія поклялась въ вѣчной къ нему ненависти. Правила, запрещающія прощать еретикамъ и повелѣвающія преслѣдовать ихъ съ огнемъ и мечемъ, сообразныя съ ея темпераментомъ, страстями, положеніемъ и характеромъ, глубоко врѣзались въ ея сердце. Суевѣрная и недовѣрчивая, всегда мучимая страхомъ и подозрѣніями, она не владѣла тѣми возвышенными чувствами, которыя, при недостаткѣ генія, могутъ внушить великія дѣла; у ней не было той обширной смѣтливости, которая, при отсутствіи великихъ мыслей, доставляетъ по крайней мѣрѣ обширные виды и хорошо разсчитанный ходъ:

съ душею обыкновенною и малою она соединяла умъ тѣсный.

При вступленіи ея на престолъ, католики ободрились, и громко стали высказывать свои надежды; протестанты въ страхѣ замолчали. Опасенія ихъ вскорѣ оправдались: Марія тотчасъ же уничтожила зданіе, сооруженное Еду-
ардомъ. Она возстановила прежнее богослу- 1553
женіе и снова наложила на Англію оковы Рима чрезъ папскаго легата, кардинала де ла Поля. Народъ сдѣлался игрушкою и жертвою сихъ бетпрестанныхъ нововведеній. Въ продолженіе двадцати лѣтъ три короля три раза хотѣли перемѣнить богослуженіе цѣлаго народа. Органъ народный рукоплескалъ при татакихъ разнообразныхъ переворотахъ. Парламентъ отвергалъ всякое измѣненіе, имъ же самимъ одобренное, и одобрялъ все то, что осуждалъ прежде. Онъ не только утвердилъ возстановленіе католическаго вѣроисповѣданія, но позволилъ преслѣдовать какъ преступниковъ въ оскорбленіи величества тѣхъ, которые по непоколебимымъ своимъ правиламъ не хотѣли принимать участія въ сихъ безпрерывныхъ измѣненіяхъ. Кромѣ того, онъ нетолько наказывалъ проступки какъ преступленія, но и видѣлъ эти проступки въ догматахъ и основныхъ правилахъ, еще недавно признаваемыхъ имъ за вѣчныя истины. Люди съ умомъ возвышеннымъ и характеромъ энергическимъ, по

убѣжденію привязанные къ исповѣдуемой религіи, тѣмъ сильнѣе защищали ее, что видѣли колебаніе священнѣйшаго въ мірѣ предмета; но толпа, руководимая болѣе привычкою, не знала къ какой партіи пристать ей, не умѣла найти прямаго пути. Самыя простыя свѣдѣнія смѣшивались; основныя правила колебались; границы, отдѣляющія добродѣтель отъ порока, заблужденіе отъ истины, начали исчезать. Неизвѣстность опасна; нерѣшимость можетъ стоить жизни. Жестокая Марія уже воздвигала эшафоты и костры для окончательнаго торжества исповѣдуемой ею религіи. Всѣ сословія, всѣ возрасты подвергались казнямъ. Люди добродѣтельные, граждане, отличавшіеся своими заслугами, дряхлые старцы, юноши, полные силы и надеждъ, погибали: въ нѣсколько мѣсяцевъ около трехъ сотъ человѣкъ безжалостно было принесено въ жертву. Боннеръ и Гердинеръ, совѣтники и руководители Маріи, насыщали свои взоры симъ ужаснымъ зрѣлищемъ; но великія опасности возбуждаютъ мужество терпѣнія. Геройская твердость страдальцевъ произвела такое удивленіе, что всѣ желали раздѣлить съ ними эту плачевную участь. Протестанты, свыкнувшись со смертію, которую видѣли во всѣхъ образахъ, занятые одною мыслію о вѣчности, съ радостію принимали ударъ, оканчивавшій ихъ жизнь. Къ утѣшенію и славѣ человѣчества въ такія мрачныя времена все-

возможныхъ преступленій, человѣческая природа смыла это пятно и спасла свое достоинство многочисленными примѣрами душевной силы, совершеннаго отверженія и истиннаго величія.

Распространяя такимъ образомъ ужасъ по всей Англіи, Марія жертвовала выгодами государства привязанности своей къ католической религіи, и вступила въ тѣсный союзъ съ Испаніею — союзъ, внушенный ненавистію къ протестантамъ, но совершенно противный независимости Англіи и общимъ выгодамъ Европы. Религіозная ревность заставила Марію нарушить основанія здравой политики, и такъ ослѣпила се, что въ послѣдствіи, какъ мы увидимъ, она вмѣшается въ дѣла Испаніи, будетъ за нее вооружаться и содѣйствовать всею своею властію къ тому, чтобы эта держава, и безъ того сильная, была единственною распорядительницею судьбы всѣхъ государствъ. Протестантская Англія могла бы противодѣйствовать угрожающему перевѣсу Австрійскаго дома; Англія католическая, вспомоществуя честолюбію своего врага, потеряла изъ виду мысль о равновѣсіи.

Періодъ третій.

1556 — 1598.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Отреченіе Карла V. Вступленіе на престолъ сына его Филиппа. Характеръ сего государя.

Пассаускій миръ успокоилъ Германію въ то время, когда Карлъ V объявилъ давнишнее свое намѣреніе отказаться отъ всѣхъ своихъ коронъ, возложить ихъ на главу сына своего Филиппа, и кончить жизнь въ уединеніи. Здоровье, разстроенное трудами и удовольствіями, частыя и жестокія оскорбленія — вотъ что заставляло его желать спокойствія; онъ хотѣлъ лучше перестать царствовать, нежели царствовать недѣятельно и безславно. Различныя неудачи, постыдное бѣгство предъ торжествующимъ оружіемъ Морица, великія пожертвованія, къ которымъ онъ былъ принужденъ блистательными успѣхами сего принца, несчастная война съ Генрихомъ II, и въ особенности убійственная осада Меца, довершившая уничтоженіе его арміи — всѣ сіи обстоятельства горест-

но убѣдили Карла въ той мысли, что фортуна неблагопріятствуетъ старцамъ. Видя, что въ то же самое время его оставляютъ и силы, онъ пожелалъ сойти съ театра свѣта, изъ опасенія запятнать свою славу. Пылкое и мрачное честолюбіе его сына, сознаніе въ его нетерпѣливости, можетъ быть, даже мысль удержать его отъ опасныхъ замысловъ, имѣли вліяніе на это рѣшеніе; но какія бы ни были побудительныя причины, конечно наименьшее участіе имѣли здѣсь религія и философія.

Уже нѣсколько лѣтъ мысль удалиться отъ свѣта, была главнымъ предметомъ сношеній Карла съ сестрою его Маріею, наслѣдною королевою Венгріи и правительницею Нидерландовъ; она подкрѣпляла брата въ этомъ намѣреніи, и сама даже хотѣла раздѣлять съ нимъ уединенную жизнь. Карлъ избралъ и мѣсто своего удаленія; то былъ монастырь Іеронимитовъ св. Юста, лежащій въ прелестной долинѣ, на границахъ Естремадуры. Императоръ видѣлъ это восхитительное мѣсто еще въ юности и сохранилъ объ немъ такое пріятное впечатлѣніе, что приказалъ тамъ выстроить себѣ скромное жилище для мирнаго окончанія трудолюбивой и бурной жизни.

Филиппъ за нѣсколько времени предъ симъ получилъ уже королевство Неаполитанское и Медіоланъ. Въ полномъ собраніи государственныхъ чиновъ, Карлъ вручилъ ему верховную 1556

власть надъ Нидерландами, и при этомъ случаѣ съ благородною простотою изложилъ предъ подданными свои многочисленные труды, а сыну указалъ на обязанности и правила, которыми должно руководствоваться на новомъ поприщѣ. Еще привязанный къ своему дому, и желая увеличить могущество Филиппа, онъ намѣревался убѣдить брата своего Фердинанда, короля Римскаго, отказаться отъ императорскаго престола въ пользу племянника. Германія страшилась сего событія. Фердинандъ обыкновенно всегда соглашался съ волею и желаніями брата; но, не смотря на свой кроткій и нетвердый характеръ, отвергъ это предложеніе, торжественно объявивъ, что онъ не пожертвуетъ выгодами своими собственными и своего семейства для усиленія Филиппа. Отказъ сей былъ благодѣтеленъ для Германской имперіи; безъ него погибла бы ея свобода; протестантская религія подвергалась бы гоненію, а равновѣсіе Европы совершенно бы рушилось. Германскіе князья любили Фердинанда, достойнаго этой любви за оказанныя имъ для ихъ успокоенія услуги. Онъ удержалъ за собою наслѣдственныя земли Австрійскаго дома и права этого дома на Богемію и Венгрію, и слѣдовательно составилъ такимъ образомъ новую массу могущества. Раздѣленіе двухъ отраслей Габсбургской фамиліи предохранило Европу отъ опасности всемірной монархіи. Узы родства и оди-

наковыя выгоды иногда сближали сіи отрасли; но чаще противоположные виды удаляли ихъ другъ отъ друга, и внушили мѣры, послужившія общею причиною независимости государствъ.

Послѣ дѣятельнаго царствованія и бурной жизни, Карлъ сошелъ со сцены свѣта, но не имѣлъ утѣшенія унести съ собою того чувства, что народы, ввѣренные его скипетру, были поставлены имъ на высшую степень богатства, развитія, образованности и благоденствія. Предавшись совершенно переговорамъ и войнѣ, какъ государь, бывшій въ состояніи упрочить свое счастіе только помощію меча и пера, или опасавшійся потерять его, онъ по видимому забылъ, что ему нечего было опасаться и желать, что вмѣсто честолюбивой и безпокойной дѣятельности, онъ долженъ былъ обратиться къ справедливости и твердости для успокоенія своихъ владѣній, и что онъ безъ всякой опасности могъ быть умѣренъ и миролюбивъ. Внѣшнія сношенія овладѣли всѣмъ его вниманіемъ; у него не оставалось времени, чтобы ободрять трудъ, совершенствовать управленіе и законы, и умножать богатства, разсыпанныя щедрою природою въ его обширныхъ земляхъ. Равнодушный, или совершенно чуждый различныхъ отраслей политической экономіи, онъ видѣлъ въ благѣ своихъ подданныхъ только средство самому играть великую ролю

на Европейскомъ театрѣ, а не первую изъ обязанностей, не высшую и единственную цѣль правленія. Онъ измѣнилъ законы и учрежденія во многихъ областяхъ, между прочимъ и въ Кастиліи; но при такихъ измѣненіяхъ онъ смотрѣлъ болѣе на свои выгоды, нежели на общественный порядокъ; всего же чаще увлекался минутными внушеніями, не руководствуясь прочными и обдуманными правилами. Онъ извлекалъ пользу изъ смѣлыхъ предпріятій, счастливыхъ открытій и выгодныхъ преступленій Испанцевъ въ Новомъ Свѣтѣ; но не благопріятствовалъ первымъ, не уничтожалъ другихъ и даже не помышлялъ о той системѣ, которой надобно было слѣдовать для обогащенія Испаніи, не приводя въ бѣдственное состояніе ея колоній. Другъ человѣчества не можетъ, безъ справедливой горести, сравнивать то, что совершилъ Карлъ въ продолженіе полувѣка, какъ правитель великой имперіи, съ тѣмъ, чтобы могъ сдѣлать государь съ такимъ дѣятельнымъ умомъ и съ такою энергическою волею для блага государствъ и для образованія міра. Въ уединенной жизни, въ которой онъ скрылъ свои немощи и славу, и въ которой мыслилъ какъ мудрецъ, онъ освободился отъ заблужденій тщеславія и прежнихъ правилъ; но въ это время мудрости, ему оставалось только осуждать большую часть своего царствованія, и два чувствованія долженствовали часто возмущать его спокой-

ствіе: запоздалое и безполезное сожалѣніе, зачѣмъ онъ изумлялъ и утомлялъ своихъ подданныхъ, вмѣсто того, чтобы сдѣлать ихъ счастливыми, и мысль о будущей судьбѣ своихъ владѣній при внимательномъ наблюденіи сыновняго характера.

Филиппъ II вступилъ въ управленіе монархіею двадцати осьми лѣтъ. Онъ родился въ 1527
Валладолидѣ, отъ Изабеллы, дщери Еммануила Великаго, короля Португальскаго. Воспитаніемъ его руководствовали люди суевѣрные и фанатическіе; труды и мысли, удовольствія и лишенія, сопровождавшіе его дѣтство и юность, еще болѣе усилили его вспыльчивый и мрачный характеръ. Было какое-то тайное сходство этого характера съ національнымъ характеромъ Испанцевъ; но слишкомъ преувеличивая качества сего почтеннаго народа, онъ превратилъ ихъ въ разительные недостатки. Природная гордость, которая у нихъ такъ близко граничитъ съ величіемъ души, у него была холодною и презрительною надменностію. Испанцы отличаются страстями живыми; его страсти были пылки по мѣрѣ того, какъ были сосредоточены; но, скрывая ихъ, онъ давалъ имъ еще большую силу. Испанецъ важенъ и остороженъ; Филиппъ всѣ свои чувствованія таилъ въ глубинѣ души, никогда не позволяя себѣ улыбки. Испанецъ привязанъ къ своей религіи и свято соблюдаетъ всѣ обряды; Филиппъ доводилъ, въ этомъ от-

понятіи, точность до мелочей, а привязанность до фанатизма. Трудно рѣшить: воспользовался ли его характеръ, по тайному сходству, правилами нетерпимости, которымъ онъ слѣдовалъ съ ужасающимъ постоянствомъ, или эти правила, преобразовавъ его характеръ, сдѣлали его надменнымъ и жестокимъ. Калигула желалъ, въ своемъ бреду, чтобы человѣческій родъ имѣлъ только одну голову; Филиппъ хотѣлъ, чтобы родъ человѣческій имѣлъ одну только мысль; чтобы эта мысль была его собственная, и чтобы ее принимали если не по убѣжденію, то изъ повиновенія къ нему. Онъ ненавидѣлъ людей, не боялся Бога, но страшился ада. Умъ его былъ дѣятеленъ, проницателенъ, даже глубокъ; но онъ запутывался въ слишкомъ отвлеченныхъ соображеніяхъ; ему недоставало точности, потому что недоставало простоты. Воля Филиппа была неизмѣнна, какъ судьба; его нельзя было заставить отказаться отъ составленнаго имъ плана, невозможно было измѣнить его рѣшенія; и потому онъ самъ часто ошибался въ своихъ предначертаніяхъ, вооружаясь противъ обстоятельствъ, даже противъ природы. Способный къ постоянному труду, онъ находилъ единственное наслажденіе въ дѣлахъ. Честолюбіе его обнимало все; оно выходило даже за предѣлы его средствъ, хотя эти средства были огромны; онъ добивался только всемірнаго владычества надъ силами, дѣйствіями

и чувствованіями. Что могло удержать его отъ злоупотребленія власти, когда онъ былъ неумолимъ въ ненависти и мщеніи, недоступенъ въ счастіи и несчастіи, строгъ, молчаливъ, чуждъ всѣхъ изъявленій благоволенія? Но какъ человѣкъ, онъ еще болѣе страшенъ, нежели монархъ. Въ продолженіе сорока четырехъ лѣтъ этотъ злобный, невидимый духъ возмущалъ всѣ государства, окровавлялъ всѣ страны, и разрушая другихъ, самъ себя разрушилъ. Справедливо назвали его демономъ Юга: не было, можетъ быть, человѣка, столько чуждавшагося человѣчества.

ГЛАВА ОСЬМНАДЦАТАЯ.

Могущество Испаніи въ это время. Война съ Франціею. Миръ въ Като-Камбрези.

При вступленіи на престолъ Филиппа II, могущество Испаніи было колоссальное. Ея существенная сила увеличилась въ царствованіе Карла V; а такъ какъ сила прочихъ государствъ не слѣдовала той же прогрессіи, то и относительная сила Испаніи возрастала еще въ большей соразмѣрности. Хотя Карлъ и ничего почти не сдѣлалъ, чтобы ускорить или направить внут-

реннее развитіе обширнаго тѣла Испанской монархіи, но обстоятельства удивительно вспомоществовали ему: ихъ благодѣянія загладили его вину. Новыя пріобрѣтенія въ обоихъ полушаріяхъ, многочисленное народонаселеніе въ нѣкоторыхъ областяхъ, дѣятельная промышленость, многочисленныя и превосходныя войска, Американскія сокровища, великія дарованія въ кабинетѣ и арміи, высшая значительность — все это составляло массу огромнаго могущества, если мысленно отдѣлишь Испанію отъ прочихъ государствъ, и будешь ее разсматривать саму по себѣ. Но если мы сблизимъ ее съ другими державами, то слабость ихъ еще болѣе возвыситъ ея силу, сдѣлаетъ ее болѣе грозною и страшною, и въ полномъ блескѣ покажетъ ея величіе. Вотъ почему нужно разсмотрѣть Испанію въ этомъ двоякомъ отношеніи, чтобы съ одной стороны лучше опредѣлить огромность ея средствъ и злоупотребленіе, которому она ихъ подвергала; съ другой же явную опасность, въ которой находилась свобода Европы, и самыя событія, спасшія ее отъ порабощенія.

Вмѣстѣ съ Испаніею, Нидерландами, Медіоланомъ и Неаполитанскимъ королевствомъ, Карлъ V оставилъ своему сыну испытанныя войска, полководцевъ, знаменитыхъ своими побѣдами, министровъ, образовавшихся въ его школѣ и сроднившихся съ дѣлами, и наконецъ си-

ду мнѣнія, которая усугубляла существенное могущество, содѣйствовала къ блеску его царствованія и къ преобладанію надъ Европою, въ продолженіе полувѣка. Испанская армія, большею частію составленная изъ ветерановъ, служившихъ въ эпоху Италіянскихъ войнъ, свыклась съ опасностями, съ трудами, одушевлялась воспоминаніемъ своихъ побѣдъ и была подчинена истинно Римской дисциплинѣ. Солдаты боялись и уважали герцога Альбу, и довѣрчиво шли подъ его начальство. Этотъ человѣкъ, замѣченный Исторіею кровавыми чертами, былъ именно созданъ для того, чтобы служить Филиппу; гордый съ равными, надменный, грубый, неумолимый къ низшимъ, онъ былъ кротокъ, унизителенъ съ монархомъ, рабски покоряяся страстямъ его, и эта покорность тѣмъ болѣе льстила гордости Филиппа, что онъ одинъ могъ двигать такимъ неподвижнымъ характеромъ. Законы справедливости и человѣчества ничего не значили въ глазахъ герцога Альбы, если только это сообразовалось съ волею Филиппа. Графъ Егмонтъ, Фламандецъ, раздѣлялъ съ Альбою честь начальника Испанскихъ войскъ. Храбрый безъ запальчивости, онъ, можетъ быть, былъ гораздо искуснѣе своего соперника въ военномъ дѣлѣ. Привязанный къ отечеству болѣе нежели къ Филиппу, онъ смотрѣлъ на свою службу, какъ на обязанность, но не какъ на средство понравиться Филиппу, не любив-

шему его за благородную гордость. Вильгельмъ, принцъ Оранскій, Филибертъ Савойскій, Донъ Жуанъ Австрійскій также окружали престолъ Филиппа, прославляя его своими побѣдами. Вильгельмъ, подъ простою наружностію скрывалъ душу великую, холодную, глубокую; былъ способенъ на всякое предпріятіе; могъ все переносить, кромѣ преступленій и стыда; съ обширною и вѣрною памятью соединялъ удивительную проницательность, строгій умъ, презрѣніе ко всѣмъ препятствіямъ,—и всѣ сіи дары природы хранилъ въ тайнѣ своей мысли, подъ маскою осторожности и скрытности. Филибертъ Савойскій, болѣе воинъ, нежели государственный человѣкъ, отличался блестящими понятіями и характеромъ смѣлымъ; по пламенной дѣятельности, по самоувѣренности, по умѣнью управлять событіями и по природному великодушію, онъ походилъ на Цезаря. Молодой Донъ Жуанъ образовался въ школѣ сихъ великихъ полководцевъ, и въ молчаніи самъ обработывалъ тотъ геній, который долженствовалъ сдѣлаться столь страшнымъ и для враговъ Испаніи, и для него самого.

Управленіе дѣлами внутренними и политическими было ввѣрено Антонію Перено (Perenot), Бургундскому урожецу. Этотъ министръ, извѣстный въ Исторіи болѣе подъ именемъ кардинала Гранвеллы, пользовался величайшею довѣренностію Филиппа, которую заслужилъ сколь-

ко своими низкими ласкательствами, столько и разнообразными свѣдѣніями; но онъ не вполнѣ выказывалъ всѣ способности, стараясь скрывать ихъ отъ Филиппа, неизвинявшаго никакого превосходства надъ собою. Онъ умѣлъ искусно притворяться, что совершенно слѣдуетъ идеямъ своего государя, а между тѣмъ заставлялъ его принимать свои мнѣнія. Еще Карлъ V употреблялъ Гранвеллу въ такихъ дѣлахъ, гдѣ нужно было болѣе смѣтливости, нежели правоты; слѣдовательно кардиналъ совершенно зналъ всѣ средства монархіи, состояніе Европейскихъ государствъ и отношеніе къ нимъ Испаніи.

Въ это время средства Испаніи были гораздо значительнѣе въ сравненіи съ царствованіемъ Карла V. При вступленіи на престолъ его сына, обширныя владѣнія въ Америкѣ уже пріобрѣтали вѣсъ въ политическомъ равновѣсіи, а богатства Новаго Свѣта могли покрыть всѣ издержки войнъ и разорительныхъ предпріятій Филиппа. Испанцы изумительно дѣйствовали въ другомъ полушаріи, такъ что ихъ быстрыя, блистательныя завоеванія при ничтожныхъ средствахъ, едва кажутся вѣроятными. Они покоряли себѣ земли болѣе удивленіемъ, нежели оружіемъ; самый цвѣтъ ихъ лица, одежда, дисциплина, лошади и въ особенности артиллерія поражали новостію зрѣніе и воображеніе простыхъ и невѣжественныхъ Аме-

риканцевъ, которые съ почтеніемъ и страхомъ подчинились пришельцамъ. Довѣренность, гостепріимство, недостатокъ просвѣщенія и связей были причиною, что Американцы не могли остановить грозившую имъ бурю, и не допустить къ берегамъ своимъ прибывшихъ грабителей. Напротивъ, они приняли ихъ съ трогательною добротою; но эта самая доброта и поднесенные подарки, подавъ высокую идею о богатствѣ, послужили имъ во вредъ и возбудили корыстолюбіе притѣснителей. Наконецъ злодѣйства Испанцевъ подвигнули несчастныхъ дикарей къ мятежу; но сопротивленіе было запоздалое и притомъ слабое; оно только ускорило ихъ гибель, и кровавые потоки ознаменовали путь Испанцевъ въ Новомъ Свѣтѣ. Варѳоломей Ласъ-Казасъ, мужественный защитникъ несчастныхъ Индѣйцевъ, одинъ только сохранившій чувства и сердце человѣка посреди окружавшихъ его демоновъ, насчитываетъ десять милліоновъ жертвъ, погубленныхъ корыстолюбивыми Испанцами въ продолженіе сорока лѣтъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это число преувеличено; но каково бы оно ни было, все должно казаться неимовѣрнымъ, и сія кровавая страница Исторіи всегда останется ужасною для человѣчества.

Такія безполезныя жестокости, совершенныя членами великодушнаго народа, только тѣмъ и можно объяснить, что, ознаменовавшіе

себя ими, всѣ были люди безнравственные, дерзкіе отъ бѣдности и отчаянія, даже осужденные злодѣи, избѣгнувшіе казни удаленіемъ въ Америку; однимъ словомъ: это были образованные дикіе, страшнѣе настоящихъ дикарей, составлявшихъ войска Кортеца и Пизарро. Увлекаясь фанатизмомъ, не видѣли братьевъ въ людяхъ, не бывшихъ Христіанами, и, должно согласиться, что они слѣдовали этимъ правиламъ потому, что они сообразовались со ихъ пороками; но между пришельцами находились и такіе, которые, никогда не очернивъ себя проступками въ Европѣ, здѣсь, вдали отъ отечества, безъ угрызеній совѣсти совершали преступленія; перенесенные подъ новое небо и на неизвѣстную почву, они измѣнили свои нравы и обычаи; опасеніе общественнаго мнѣнія теперь для нихъ не существовало. Законы также не могли ихъ останавливать; для нихъ не было ни гражданской, ни военной власти. Испанское правительство не обращало вниманія на открытія и завоеванія, которыя потому происходили безъ положительныхъ правилъ, безъ плановъ, а просто на удачу. Даже самъ Карлъ, не жертвовавшій ни малѣйшею суммою для вооруженія экспедиціи, мало заботился о ней, потому ли, что не цѣнилъ важности открытій, или потому, что отдаленность мѣста, разнообразіе занятій, дѣлали его равнодушнымъ къ судьбѣ Америки. Для его

памяти всегда останется незагладимымъ пятномъ, что онъ, вопреки справедливости и политики, предоставилъ цѣлый міръ черни.

Такимъ образомъ плоды открытій для него почти погибли. Конечно, Испанскія владѣнія въ Америкѣ и въ его царствованіе, были также обширны, какъ и при Филиппѣ II; но завоеванія обогащали частныхъ людей, а не государство. Смѣлый геній Кортеца, непоколебимое терпѣніе его войскъ, слабость Монтезумы, изумленіе и разъединеніе его поддан-
Отъ 1519 ныхъ, въ немногіе годы довершили паденіе
— 1522 Мексиканскаго царства, подчинивъ огромныя области Испанскому игу. Францискъ и Гонзалецъ Пизарро, два брата, равно жестокіе и смѣлые, изъ которыхъ старшій, по своимъ дарованіямъ, былъ въ состояніи управлять великимъ предпріятіемъ, ниспровергли престолъ Инковъ и разрушили древнее Перуанское государство, вспомоществуемые деньгами Фернанда Лукскаго, заслугами Діего Альмагры и пользуясь раздорами, волновавшими Перу. Кровь не переставала литься, и несчастная страна двад-
Отъ 1525 цать лѣтъ была ею орошаема. Только послѣ
— 1545 долгаго промежутка, Донъ Педро де ла Гаска установилъ здѣсь нѣкоторый общественный порядокъ и обезопасилъ имущества и лица. Но король не насладился счастливыми слѣдствіями новой организаціи; безпокойная дѣятельность Филиппа воспользовалась ими.

Въ это время Испанія владѣла въ Америкѣ всею обширною областію, которая простирается отъ 35° сѣверной широты до 45° южной широты. На этой поверхности тысячи двухъ сотъ географическихъ миль въ длину, энергическая и могучая природа обозначила всѣ свои произведенія рукою гордою и смѣлою, и придала предметамъ величественный видъ. Плодородная и богатая, она заключила въ нѣдра земли драгоцѣннѣйшіе металлы, украсила дѣвственную почву вѣчною зеленью, покрыла ее безчисленными произрастеніями, множествомъ произведеній, гораздо драгоцѣннѣйшихъ золота. Какая масса сокровищъ, средствъ къ образованію и могуществу для Испаніи, если бы ей были извѣстны истинныя начала политической экономіи, которыя обогащаютъ народъ, имъ слѣдующій, не повергая въ бѣдность другія государства! Надобно было обработывать землю, а не исключительно заниматься отыскиваніемъ рудниковъ; увеличивать трудъ, вмѣсто того, чтобы умножать признаки этого труда; ободрять къ труду безопасностію лицъ и вещей; благопріятствовать заселенію Америки для оживленія дѣятельности Европейской, возбуждать промышленость жителей Новаго Свѣта, выставляя на видъ всѣ доставляемыя ею выгоды; открыть жителямъ источники богатствъ, чтобы увеличить число ихъ потребностей, дать имъ средства покупать на всѣхъ рынкахъ Европы, и

наконецъ создать торговыя сношенія, основанныя на взаимномъ интересѣ. Испанское правительство не слѣдовало такой системѣ. Оно желало только завоеваній; они были не трудны; но трудно было удерживать ихъ за собою. Оно строило крѣпости, вмѣсто того, чтобы заводить конторы; истребляло людей, вмѣсто того, чтобы размножать ихъ; оставляло ихъ въ невѣжествѣ, вмѣсто того, чтобы просвѣщать; оно какъ будто считало за необходимость обѣднить Америку, чтобы обогатить Испанію, и не только не позволяло туземцамъ покупать, продавать и пользоваться по произволу, но подчинило ихъ запретительной, несправедливой и вовсе не политической администраціи. Филиппъ все богатство полагалъ въ золотѣ, не понимая, что чрезъ умноженіе въ Европѣ денегъ и чрезъ остановку въ своихъ владѣніяхъ успѣховъ промышленности, онъ только возвышаетъ цѣну всѣхъ товаровъ, и самъ поставляетъ себѣ въ необходимость платить дороже за предметы своихъ требованій. Такимъ образомъ, онъ своими постановленіями ослабилъ дѣятельность Американскихъ колоній и Испаніи, введя Испанцевъ въ заблужденіе на счетъ національнаго богатства. Правительство все свое вниманіе и всѣ свои заботы устремляло на разработываніе рудниковъ Новаго Свѣта. Въ самомъ дѣлѣ, при Филиппѣ, государственная казна наполнилась несмѣтными суммами. Здѣсь и за-

ключается главная причина политическаго перевѣса, который Испанія удерживала за собою въ продолженіе полустолѣтія, и тѣхъ средствъ, которыми пользовался Филиппъ для потрясенія престоловъ. Въ послѣдствіи, самое свойство такихъ средствъ долженствовало повлечь за собою паденіе монархіи; но въ эту эпоху, Мексиканское и Перуанское золото положили рѣшительную тяжесть въ общемъ равновѣсіи силъ, въ пользу Филиппа.

При вступленіи его на престолъ, Европа не представляла ни одной державы, которая бы съ успѣхомъ могла вступить съ нимъ въ борьбу и остановить его честолюбивые замыслы.

Португалія, непринимавшая участія въ Европейской политикѣ, достигла въ продолженіе столѣтія своего могущества богатствомъ, а богатства дѣятельнымъ мореплаваніемъ и обширною торговлею. Довольствуясь снабженіемъ всѣхъ государствъ необходимыми потребностями и предметами, и получая за то налагаемую ею же самою плату, она мало занималась движеніями и замыслами другихъ народовъ. На Испанію однако жъ она смотрѣла недовѣрчиво, опасаясь ея морской силы и торговли; но, не бывши въ состояніи воспрепятствовать ей, она старалась ласками и угожденіями сохранить дружбу столь опаснаго сосѣда и скрѣпить узы

родства, соединявшіе монарховъ обоихъ королевствъ.

Послѣ смерти Іоанна III, скипетръ перешелъ въ руки юнаго Себастіана. Государь сей являлъ счастливыя качества; но его романтическое воображеніе, воспламененное фанатизмомъ и славою, справедливо заставляло Португальцевъ опасаться въ будущемъ.

Италія была раздѣлена на многія слабыя, отдѣльныя другъ отъ друга владѣнія, изъ которыхъ одни держались стороны Испаніи изъ собственныхъ выгодъ; другіе страшились войскъ, содержимыхъ Филиппомъ въ королевствѣ Неаполитанскомъ и въ Медіоланѣ. Переворотъ, происшедшій въ торговлѣ, отнялъ у Венеціи бо̀льшую часть ея могущества и уничтожилъ источникъ ея богатствъ. Республика сія старалась возвратить потерянное могущество предусмотрительностію, искуствомъ и медленностію; она опасалась сосѣдства Испаніи, и искала союза съ Франціею; но не объявляя себя открыто ни противъ той, ни противъ другой. Медичисы управляли Флоренціею по милости Карла V, утвердившаго престолъ за герцогомъ Александромъ; слѣдовательно благодарность привязывала ихъ къ Испаніи. Генуя слѣдовала той же системѣ, со времени измѣненій, сдѣланныхъ Доріею въ ея устройствѣ и законахъ. Піемонтъ и Савоія еще не чувствовали слѣдствій умнаго правленія Эммануила Филиберта,

и потому не могли рѣшиться на какой нибудь подвигъ. Павелъ IV занималъ папскій престолъ. Старецъ безпокойный и честолюбивый, знакомый болѣе съ прошедшимъ, нежели съ настоящимъ, онъ хотѣлъ возобновить прежніе примѣры и говорить тѣмъ тономъ, который такъ несообразовался съ общимъ переворотомъ умовъ.

Послѣ тридцатишестилѣтняго царствованія, завоеватель Родоса, Солиманъ II, былъ еще на Оттоманскомъ престолѣ; но лѣта умѣрили его дѣятельность, а серальскія интриги лишили уваженія. Турки угрожали болѣе Венгріи, нежели Испаніи; Филиппъ же мало занимался владѣніями своего дяди. Испанская морская сила, превосходившая Турецкую, слишкомъ хорошо защищала берега его королевства.

Фердинандъ, императоръ Германскій, не отличался предпріимчивымъ характеромъ. Онъ болѣе старался защищать свои наслѣдственныя земли отъ Христіанскихъ враговъ, нежели содѣйствовать честолюбивымъ замысламъ племянника. Онъ непрочно держался въ Венгріи и Богеміи; денежныя средства были слабы и недостаточны, а Германія имѣла нужду въ спокойствіи послѣ претерпѣнныхъ ею переворотовъ. Только умѣренность и кротость Фердинанда препятствовали новому развитію взаимной ненависти и новымъ возмущеніямъ. Протестанты, презиравшіе Филиппа и страшившіе-

ся его могущества, конечно охотно содѣйствовали бы къ его ослабленію; но католики наблюдали за протестантами съ безпокойствомъ, и съ тайнымъ удовольствіемъ видѣли въ возрастающемъ перевѣсѣ Испаніи, залогъ своей религіи и богослуженія.

Швейцарія, гдѣ бѣдность и храбрость всегда порождали воиновъ, позволяла своимъ храбрымъ обитателямъ торговать жизнію; но сама полагала свое благо въ бездѣйствіи. Находясь между Франціею и Австріею, не бывши въ состояніи нападать на нихъ, но сильная для собственной защиты, она ограничивала свою политику осторожнымъ обхожденіемъ съ могущественными сосѣдями, и желала существованія той и другой державы.

Франція, одна препятствовавшая нѣсколько планамъ Карла V, могла съ нѣкоторымъ успѣхомъ противодѣйствовать замысламъ его сына. Она распространила свою область завоеваніемъ трехъ Епископствъ; перемиріе, заключенное императоромъ въ Вокселѣ, не обѣщало сближенія обоихъ государствъ. Но расточительность Генриха II произвела запутанность въ финансахъ; при дворѣ господствовали партіи; Монморанси, конетабль Франціи, болѣе хорошій солдатъ, нежели полководецъ, строгій до жестокости, корыстолюбивый и жадный, пользовался довѣренностію короля и употреблялъ ее во зло для своего обогащенія. Діана де

Пуатье также имѣла большое вліяніе на короля. Катерина Медичи, униженная соперницею, по видимому равнодушно переносила свое положеніе и даже дружески обращалась съ Діаною; но воспитанная посреди интригъ, она сосредоточила въ своемъ сердцѣ преобладавшія надъ ней страсти, мщеніе и замыслы, питаемые въ молчаніи. Къ счастію Франціи, она слишкомъ поздно освободится отъ этой принужденной недѣятельности. Гюизы и принцы крови, завидуя другъ другу, недовѣрчиво смотрѣли на поступки Медичи, стараясь разгадать ея мысли. Посреди всѣхъ сихъ честолюбцевъ, оспоривавшихъ другъ у друга власть, Генрихъ оставался равнодушнымъ. Отличаясь храбростію и добротою, онъ не имѣлъ однако жъ такого качества, которое повелѣвало бы уваженіемъ, умами и удерживало бы безпокойныхъ.

Сѣверъ не имѣлъ никакого вліянія на событія юга. Густавъ Ваза въ Швеціи и Христіанъ III въ Даніи, единственно занимались утвержденіемъ своей власти и уничтоженіемъ политическихъ и религіозныхъ несогласій. Предавшись совершенно исполненію обязанностей и безопасности государствъ, они равнодушно взирали на возраставшее величіе Испаніи, столь грозное для народовъ. Іоаннъ Васильевичъ мудро управлялъ Россіею, но не участвовалъ въ событіяхъ Европы, и Россія еще не счита-

лась Европейскою державою. Сигизмундъ-Августъ присоединилъ къ Польшѣ Ливонію. Курляндія также принадлежала ему; царствованіе послѣдняго короля изъ дому Ягеллоновъ было такъ блистательно, что обратило Поляковъ къ наслѣдственной монархіи; но они ежеминутно были готовы перемѣнить ее на избирательную. Пруссія низвергла съ себя иго Тевтоническаго ордена, но не пріобрѣла совершенной независимости: она сдѣлалась свѣтскимъ государствомъ, и лютеранская религія съ тѣмъ была введена, чтобы подчинить страну власти рыцарей и папы. Впрочемъ управлявшій ею герцогъ еще зависѣлъ отъ Польши.

1545 Въ Англіи царствовала Марія. Супружество ея съ Филиппомъ поставило силы королевства въ зависимость отъ Испаніи. Филиппъ просилъ ея руки посреди ужасовъ, произведенныхъ ложною ея ревностію: преслѣдовательный фанатизмъ Маріи обѣщалъ Испанскому королю достойную его супругу. Филиппъ, незнавшій другихъ наслажденій, кромѣ честолюбія, забывая особу Маріи, видѣлъ въ ней одну Англійскую королеву. Марія съ своей стороны гордилась союзомъ съ столь могущественнымъ государемъ; но отдавъ ему свою руку, она возбудила тѣмъ противъ себя народъ, который долженъ былъ опасаться Филиппа. Тогда парламентъ освободился отъ своего усыпленія. Еще до сего времени онъ видѣлъ, что Марія под-

вергаетъ государство опасности, но теперь всею силою власти члены его вооружились противъ Филиппа. Прибывъ въ Англію, послѣдній началъ сыпать деньгами, чтобы раздѣлить престолъ съ Маріею, и получить отъ парламента надежду на преемничество. Королева поддерживала его до тѣхъ поръ, пока Англичане не узнали, чего должно ожидать отъ высокомѣрнаго Филиппа. Но всѣ эти честолюбивые замыслы рушились. Вызванный Карломъ V для принятія короны, Филиппъ поспѣшилъ оставить супругу, къ которой давно оказывалъ равнодушіе. Однако, по вступленіи своемъ на Испанскій престолъ, онъ надѣялся на помощь Англіи для исполненія задуманныхъ правилъ, потому что Марія ни въ чемъ не могла ему отказать, и всѣмъ готова была пожертвовать, чтобы только угодить неблагодарному супругу. 1555

Случай скоро представился. На престолъ папскій вступилъ Павелъ IV, изъ дому Караффы. По примѣру предшественниковъ, онъ хотѣлъ составить для своего племянника независимое владѣніе; а чтобы достигнуть этой цѣли, предположилъ произвести переворотъ въ Италіи и возжечь войну между Франціею и Испаніею. Павелъ представилъ Генриху II въ перспективѣ завованіе Неаполитанскаго королевства — завоеваніе, столь часто предпринимаемое, но никогда неимѣвшее прочнаго успѣха. Агенты папскіе склонили на свою сторо- 1555

[illegible] первосте[illegible]
[illegible] надъ всѣми не-
[illegible] противни[illegible]
[illegible] съ [illegible]
[illegible] перемиріе. Вскорѣ [illegible]
[illegible] двадцатитысячны[illegible]
[illegible] нарушило перем-
[illegible] стремленіе [illegible]
[illegible] обдуманной тактикой
[illegible] вступать въ сраж-
[illegible] умнѣ разсчита-
[illegible] приводилъ его въ
[illegible] виновник[illegible]
[illegible] въ этой вой-
[illegible] побѣды. предлож-
[illegible] Франци[illegible]
[illegible] надежды [illegible]
[illegible] получив[illegible]

онъ его, что Филиппъ угрожалъ внутреннимъ областямъ Франціи, которая слѣдовательно и имѣла нужду въ войскахъ для защиты.

Испанскій король, чувствуя все свое превосходство надъ Генрихомъ, хотѣлъ нанести ему рѣшительный ударъ; собралъ сильную армію на границахъ Фландріи и поручилъ начальство надъ нею Филиберту Савойскому, вмѣстѣ съ Егмонтомъ. Англія, опасавшаяся преобладанія Филиппа, желала поддержать Францію въ сей борьбѣ, или по крайней мѣрѣ остаться неутральною; но Марія не позволила этого: забывая все, она думала только объ успѣхахъ Филиппа. Не смотря на представленія парламента, восемь тысячъ Англичанъ, подъ предводительствомъ графа Пемброка, высадились въ Нидерландахъ.

Филибертъ Савойскій показалъ Французамъ видъ, что хочетъ проникнуть во Францію чрезъ 1557
Шампань. Они и сосредоточили здѣсь всѣ свои силы. Тогда онъ пошелъ на Пикардію, и осадилъ Сентъ-Кентень. Крѣпость сія, слабо защищаемая, не обѣщала продолжительнаго сопротивленія; но Колиньи, уже извѣстный по своему глубокому уму, мужеству и душевной твердости, не ослѣплявшей его успѣхами и неослаблявшей въ несчастіяхъ, поспѣшилъ на помощь и оказалъ отчаянное сопротивленіе. Хотя Монморанси также прибылъ, однако небольшое число войскъ, дурныя распоряженія и дѣятельность Филиберта испортили

все дѣло: битва произошла при Сентъ-Кентенѣ. Конетабль претерпѣлъ пораженіе и попался въ плѣнъ. Филиппъ, которому природа отказала въ мужествѣ, который не могъ замѣнить его силою воли, находился далеко отъ поля сраженія. Это было въ день св. Лаврентія. Король далъ обѣтъ: если побѣда останется на его сторонѣ, выстроить монастырь и дворецъ въ честь святаго. Испанія должна была употребить огромныя суммы для построеніе въ пустынѣ Ескуріала обширнаго и мрачнаго зданія, памятника, достойнаго Филиппа, носящаго на себѣ отпечатокъ его характера.

Испанскій король, единственно одолженный своимъ торжествомъ Филиберту, изъ зависти
1557 остановилъ его посреди успѣховъ. Сентъ-Кентень и Кателе уже сдались; самому Парижу угрожала опасность. Карлъ V непремѣнно проникнулъ бы въ столицу; Филиппъ самъ спасъ Францію, и Сентъ-Кентенская битва осталась безъ важныхъ слѣдствій. Посреди всеобщаго
1558 унынія, въ жестокую зиму, Гюизъ, возвративъ мужество Французамъ, овладѣлъ Кале, ключемъ королевства. Англичане болѣе двухъ сотъ лѣтъ владѣли этимъ городомъ, часто открывавшемъ имъ путь во Францію. Въ слѣдующую кампанію, Гюизъ осадилъ Тіонвилль и уже намѣревался внести войну во владѣнія Филиппа; но пораженіе, нанесенное близъ Гравелиня, маршалу де Термъ графомъ Егмонтомъ, заставило

Лотарингскаго героя возвратиться для прикрытія Французскихъ предѣловъ.

Не смотря на сіи побѣды, Филиппъ думалъ о мирѣ. Гордость его страдала отъ славы его собственныхъ полководцевъ, и въ ихъ успѣхахъ онъ видѣлъ доказательства своей зависимости и неспособности къ военнымъ доблестямъ. Къ тому же онъ безпокоился тѣмъ, что воевалъ съ папою и торжество свое считалъ преступнымъ. Павелъ IV воспользовался этимъ, заключилъ съ Испанскимъ королемъ почетный миръ и оставилъ своего союзника. Гордый герцогъ Альба на колѣнахъ принужденъ былъ просить прощенія у первосвященника. Монморанси, находившійся у Испанцевъ въ плѣну, всегда противившійся войнѣ и желавшій поскорѣе освободиться, убѣждалъ Генриха всѣмъ пожертвовать для заключенія мира. Французскій король согласился; переговоры открылись въ Серкамѣ, а въ Като-Камбрези былъ подписанъ миръ. Филиппъ возвратилъ Франціи всѣ свои завоеванія въ Пикардіи; Генрихъ отдалъ герцогу Савойскому его владѣнія, которыми онъ овладѣлъ въ началѣ войны, и сдалъ Филиппу и союзникамъ его сто восемьдесятъ пять неукрѣпленныхъ и укрѣпленныхъ городовъ. Для поддержанія мира обратились къ родственнымъ связямъ: Еммануилъ Филибертъ женился на Маргаритѣ, сестрѣ Генриха; Елисавета, дочь Генриха, вышла за Испанскаго короля.

Като-Камбрезійскій миръ есть эпоха высо-

чайшаго могущества Испаніи; Филиппъ могъ предписывать Европѣ законы. Истощеніе или слабость прочихъ государствъ представляли разительную противоположность съ столь огромными средствами, и рѣшительно были не въ состояніи остановить его перевѣса. Замыслы его распространялись вмѣстѣ съ успѣхами, а мѣра силъ сдѣлалась мѣрою притязаній и правъ. Всѣ державы были унижены, или опасались этого; самый характеръ Филиппа былъ для всѣхъ опасенъ.

Въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ Франція имѣла несчастіе лишиться своего короля. Генрихъ II умеръ отъ слѣдствій раны, полученной имъ на турнирѣ, который онъ давалъ по случаю бракосочетанія сестры и дочери; ударъ копья Монгоммери былъ причиною полувѣковыхъ бѣдствій для Франціи. Правда, что Генрихъ не отличался правленіемъ твердымъ, и никогда не могъ составить прочнаго блага для своего королевства; но, во всякомъ случаѣ, онъ могъ предохранить его отъ бѣдствій; жизнь его могла бы предупредить раздоры и остановить замыслы честолюбцевъ, повергшихъ Францію въ несчастное положеніе.

Смерть Генриха польстила Филиппу великими надеждами, ускорила развитіе его плановъ и заставила предполагать, что онъ не встрѣтитъ никакого сопротивленія. Онъ совершенно зналъ состояніе Французскаго двора, тайныя

намѣренія Медичи, обширныя желанія Гюизовъ, гордость и зависть партій, взаимную ненависть католиковъ и протестантовъ. Начинавшіеся раздоры радовали его; онъ предвидѣлъ, что Франція, обративъ свои силы на себя, потеряетъ все политическое вліяніе и превратится въ поле битвы, на которомъ необузданныя страсти предадутся всѣмъ неистовствамъ. Вотъ почему Испанскій король спѣшилъ возжечь тамъ междоусобную войну, разрушить партіи одна другою, довести Францію до раздробленія, или присоединить эту блистательную корону къ украшившимъ уже его главу.

Англія перестала быть игрушкою его честолюбія. Марія, снѣдаемая горестію и угрызеніями совѣсти, кончила свою печальную и виновную жизнь. На престолъ вступила сестра ея Елисавета. 1558
Филиппъ, не зная ея характера, надѣялся сочетаться съ ней бракомъ и удержать за собою Англію; въ случаѣ неисполненія брачнаго договора, онъ намѣревался посѣять въ королевствѣ раздоры, дабы оно не вмѣшивалось въ Европейскія дѣла, и наконецъ остановить торговлю, которая могла сдѣлать Англію богатою и могущественною. Посреди такихъ замысловъ, онъ думалъ во всѣхъ своихъ владѣніяхъ ввести однообразіе вѣры, учрежденій и законовъ. Нидерланды, имъ ненавидимые, должны были, по его плану, лишиться всѣхъ своихъ привилегій. При всей

обширности этого плана, обстоятельства, по видимому, благопріятствовали ему. Европѣ угрожалъ жестокій деспотизмъ Филиппа; но Генрихъ IV, Вильгельмъ Нассаускій и Елисавета спасутъ ее, всѣ чрезъ преобразованіе своего отечества, а отъ могущественнаго колосса останется одна тѣнь.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Состояніе Франціи во время внутреннихъ безпокойствъ. Общія замѣчанія о сихъ безпокойствахъ. Характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Послѣ Като-Камбрезійскаго мира, Франція уже лишилась своего политическаго кредита, и сама выказала свою слабость. Междоусобныя войны, опустошавшія ее въ продолженіе тридцати осьми лѣтъ, окончательно отняли у ней все вліяніе. Занятая сими войнами, она долгое время не играла никакой роли на великомъ Европейскомъ театрѣ; лишенная силъ, недѣятельная, безъ значительности, она была волнуема внутри и ничтожна извнѣ. Посѣвая раздо-

ры золотомъ, агентами и оружіемъ, Филиппъ освободился отъ безпокойной соперницы, но не навсегда. Въ то время, когда онъ считалъ Францію своею собственностію, или, по крайней мѣрѣ, раздробленною на части, геній Генриха IV остановилъ ее на самомъ краю бѣздны, и мощно возвысивъ ее, тѣмъ возвратилъ ей прежнюю значительность.

Войны, которыхъ очеркъ мы представляемъ, показываютъ сцѣпленіе ужасовъ, по видимому невѣроятныхъ, если сначала не бросить взгляда на состояніе Франціи въ ту несчастную эпоху, когда начинаются внутренніе безпорядки.

Со временъ Людовика XI, феодальная аристократія лишилась своей власти; но легко было предвидѣть, что при новомъ слабомъ царствованіи она сдѣлается еще опаснѣе. Внѣшнія войны отвлекали безпокойную дѣятельность дворянства. Блистательные, но безполезные подвиги Карла VIII, Людовика XII и Франциска I-го въ Италіи, доставляли пищу пылкой храбрости народа и любви его къ славѣ. Наскучивъ спокойствіемъ, народъ желалъ новыхъ событій, и государство справедливо могло опасаться такого расположенія умовъ. Доблести Людовика XII внушали къ нему глубокое почтеніе; блистательныя качества и легкіе недостатки его преемника привлекли къ нему сердца всѣхъ; Франція извиняла ошибки и несчастія ихъ царствованій; и при ужаснѣйшихъ переворотахъ,

все было спокойно. Но прежнія привычки не угасли; господствующія правила все были тѣ же самыя и долженствовали быть источникомъ безпорядковъ. Склонность къ тихимъ удовольствіямъ еще не восторжествовала надъ потребностію волненія. Богатые вельможи жили болѣе въ своихъ помѣстьяхъ, нежели при дворѣ, и пользовались въ нихъ совершенною независимостію. Еще при Генрихѣ II начались уже партіи, а при преемникѣ его онѣ стали дѣйствовать открыто.

Власть феодальной аристократіи еще не встрѣчала противодѣйствія въ среднемъ сословіи. Этотъ классъ пріобрѣталъ довѣренность и значительность, по мѣрѣ того, какъ промышленость и торговля дѣлали успѣхи; но онъ не былъ такъ богатъ и такъ многочисленъ, чтобы противодѣйствовать поземельнымъ владѣльцамъ. Граждане, мало знакомые съ своими истинными выгодами, ни въ чемъ не отказывали блеску высокаго происхожденія или знаменитаго имени. Сроднившись съ воинскими упражненіями и чуждые спокойной жизни, они любили оружіе, и слѣдовательно честолюбцамъ легко было завлечь ихъ во всѣ предпріятія. Дворяне безпомѣстные, находясь въ зависимости отъ богатыхъ владѣльцевъ и существуя ихъ благодѣяніями, всѣ съ охотою приставали къ ихъ партіи.

Правда, король содержалъ постоянное вой-

ско для сохраненія порядка въ государствѣ и для удержанія всѣхъ въ должныхъ границахъ; но это войско было немногочисленно и слабо. Въ военное время нанимали иностранныхъ солдатъ и много надѣялись на охотниковъ. Въ предшествовавшія царствованія доходы не покрывали расходовъ; на государствѣ лежало долгу сорокъ два милліона ливровъ; подати съ государственныхъ имуществъ и налоги были доведены до высшей степени. Собраніе штатовъ могло бы предупредить сіи безпорядки, или исправить ихъ, если бы законы были лучше; но три сословія, всегда почти враждебныя, только обвиняли другъ друга или защищали себя противъ обоюдныхъ замысловъ. Всѣ страдали отъ бѣдствій государства, а никто не хотѣлъ пожертвовать необходимымъ для ихъ исцѣленія.

При такомъ порядкѣ вещей, общественное спокойствіе конечно не было прочно, и честолюбцы легко могли найти случай воспользоваться столь слабымъ царствованіемъ; религія доставила имъ этотъ случай.

Реформація заронила во Франціи пагубныя сѣмена раздора и безпокойствъ. Новыя мнѣнія проникли сюда въ первые годы царствованія Фринциска I-го. Народъ дѣятельный, любитель новизны и врагъ однообразія, скоро принялъ идеи реформаторовъ, и потому протестантское ученіе рано распространилось по Фран-

ціи, и считало уже многочисленныхъ приверженцевъ. Сорбонскій соборъ, недальновидная ревность канцлера Дюпра и архіепископа Турнонъ, содѣйствовали только къ раздраженію умовъ и къ пробужденію общаго вниманія. Францискъ, думавшій остановить волненіе наказаніями, приказалъ преслѣдовать приверженцевъ новой вѣры. Маргарита Наварская, сестра короля, женщина образованная, умѣряла нѣсколько строгость брата. Протестантское ученіе возбудило ея любопытство, и она стала покровительствовать Кальвину, правила котораго быстро пріобрѣтали огромный успѣхъ. Кальвинъ былъ родомъ Французъ; говорилъ и писалъ по-Французски, былъ ученъ, дѣятеленъ, и вотъ почему Французы предпочли его Лютеру, и кальвинизмъ утвердился во всѣхъ провинціяхъ. Мудрая вѣротерпимость могла бы предупредить бѣдствія; руководствуясь твердостію и справедливостію, правительство успокоило бы и частныя лица и государство; но жестокіе поступки барона д'Оппеда, президента Эзскаго парламента, съ несчастными Ваатландцами, народомъ доселѣ жившимъ счастливо и въ неизвѣстности посреди горъ, произвели волненіе; ненависть къ преслѣдователямъ обратилась въ ненависть къ исповѣдуемой ими вѣрѣ. Реформатскія церкви стали размножаться: онѣ явились въ Ліонѣ, Бордо, Анжерѣ и въ самомъ Парижѣ. Люди, извѣстные по сво-

ему сану, богатствамъ и довѣренности, поставляли за честь быть въ числѣ послѣдователей новаго ученія. Генрихъ II, подобно отцу, съ жестокостію гнавшій реформаторовъ, соединился съ Германскими протестантами и вооружился противъ Французскихъ. Темницы наполнились жертвами ложной ревности; люди погибали въ казняхъ. Анна Бургъ, племянникъ Французскаго канцлера, происходившій отъ знаменитаго Овернскаго дома, былъ арестованъ въ Парижѣ вмѣстѣ съ другими четырьмя особами, членами кальвинистской Церкви. Не смотря на всѣ сіи строгости, новыя идеи быстро распространялись по Франціи; каждый примѣръ мужества противъ гонителей возбуждалъ удивленіе, увеличивалъ число послѣдователей и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливалъ сопротивленіе.

Таково было расположеніе умовъ, когда Генрихъ II, искренно оплакиваемый, хотя и незаслуживщій уваженія, оставилъ престолъ государю еще малолѣтному. Все было готово къ волненію и безпокойствамъ, которыми честолюбцы весьма хорошо могли воспользоваться.

Несправедливо было бы обвинять религію въ тѣхъ неслыханныхъ преступленіяхъ и долговременныхъ бѣдствіяхъ, которыхъ Франція въ этомъ вѣкѣ была позорищемъ. Фанатизмъ, эта ужасная болѣзнь человѣческаго ума, происходящій отъ ложнаго понятія благодѣтельнѣйшихъ правилъ, является вездѣ, коль скоро

народъ пылкій и неукротимый имѣетъ смѣшенныя и неопредѣленныя идеи о предметахъ важныхъ. Науки, искусства, политика также имѣютъ своихъ фанатиковъ, которые, воображая, что цѣль узаконяетъ средства, позволяютъ себѣ все для успѣха защищаемаго ими дѣла. Религіозный фанатизмъ былъ скорѣе средствомъ, нежели побудительною причиною междоусобныхъ войнъ во Франціи. Въ этотъ кровавый періодъ Исторіи, истинные фанатики служили орудіями или жертвами честолюбія своихъ предводителей, игравшихъ фанатизмомъ; умы холодные пользовались умами пылкими для своихъ видовъ. Такъ было во всѣ времена. Страсти всегда между собою сходны; онѣ перемѣняютъ только маски и средства. Въ эту эпоху онѣ нашли готовое оружіе въ религіи и взялись за него.

Удивительно, что всѣ партіи вооружились противъ короля; но при самомъ началѣ безпокойствъ, протестанты полагали, что король, не позволяя подданнымъ свободнаго вѣроисповѣданія, дѣйствуетъ вопреки Божіей воли. Главы протестантовъ, увлекаемые духомъ феодализма, имѣли о королевской власти совершенно другое понятіе , нежели Французы временъ Генриха IV и особенно Людовика XIV: они думали, что дворянство можетъ защищать свои права, въ извѣстныхъ случаяхъ, вооруженною рукою. Немногія войны были такъ жестоки

Обѣ партіи виновны въ безчеловѣчіи, и часто протестанты поступали съ такимъ же варварствомъ, какъ и католики. Ночь св. Варѳоломея, безъ сомнѣнія, обвиняетъ въ преступленіяхъ болѣе католиковъ; но обѣ стороны съ какою-то холодною и разсчитанною жестокостію обагряли себя въ крови. Таковъ общій характеръ всѣхъ внутреннихъ войнъ; онѣ всегда ужаснѣе внѣшнихъ. Самое происхожденіе ихъ предполагаетъ уже бóльшую силу страстей, которыя, слѣдовательно, и развиваются съ болѣе ужасною дѣятельностію, нежели при обыкновенныхъ войнахъ. Войны одного народа съ другимъ ведутся по извѣстнымъ правиламъ, на извѣстныхъ точкахъ страны и въ извѣстное время года; напротивъ, внутренняя война всю страну обращаетъ въ обширное поле битвы; непріятель находится на всѣхъ точкахъ; сраженія, пожары, убійства въ одно и то же время свирѣпствуютъ въ различныхъ мѣстахъ. При внутреннихъ войнахъ люди жертвуютъ всѣмъ, чтобы только взять верхъ; каждый охотно разоряетъ самъ себя для удовлетворенія одушевляющей его страсти. Народъ ведетъ войну на свои доходы и на свой капиталъ. Въ эту несчастную эпоху, Франція иногда вдругъ выставляла четырнадцать различныхъ армій. При Францискѣ I двѣ кампаніи поставили въ невозможность начать третію; но для внутренней,

тридцатиосьмилѣтней войны она нашла средства.

Излагая Исторію религіозныхъ безпокойствъ во Франціи, весьма трудно открыть истину посреди противорѣчащихъ повѣствованій писателей всѣхъ партій, и рѣшить: кто былъ зачинщикомъ — католики или протестанты? Обѣ стороны хотятъ увѣрить, что онѣ только защищали себя; хотятъ оправдать себя во всѣхъ поступкахъ.

Причины безпокойствъ были всегда однѣ и тѣ же, во все время внутреннихъ смятеній; люди выставляли на видъ религію, отечество, общія выгоды, тогда какъ на самомъ дѣлѣ все было приносимо въ жертву страстямъ; но существенный предметъ раздоровъ три раза измѣнялся. При Францискѣ II и въ малолѣтство Карла IX, дѣло шло о томъ, кто долженъ управлять королевствомъ: Гюизы, принцы крови, или Катерина Медичи. Со времени смерти Конде до происхожденія лиги, сражались за рѣшеніе вопроса: должна ли Франція быть католическою или протестантскою; это была смертельная битва между обѣими религіями; обѣ хотѣли утвердить свое владычество на совершенномъ истребленіи врага. Когда домъ Валоа пресѣкся, и когда скипетръ переходилъ къ Бурбонамъ, особенно послѣ убіенія Генриха III, тогда начали спорить о наслѣдствѣ престола. Добрый геній Франціи, желавшій вручить корону за-

конному наслѣднику, королю Наварскому, четырнадцать лѣтъ боролся съ злымъ духомъ тѣхъ, которые требовали измѣненія династіи, и дрались за Испанію и за Гюизовъ. Вервенскій миръ окончилъ сію длинную и мучительную борьбу; законы восторжествовали; истинныя, основныя начала монархіи удержали побѣду за собою, и Генрихъ IV отмстилъ честолюбивой Испаніи за Францію и Европу.

Послѣ сихъ общихъ размышленій, необходимыхъ для понятія цѣлаго въ событіяхъ, бросимъ взглядъ на главныя черты этого полувѣка, исполненнаго крови и слезъ.

Первымъ поводомъ къ безпокойствамъ и раздорамъ была смерть Генриха II. Партіи, существовавшія при дворѣ еще въ его царствованіе, при преемникѣ его еще болѣе усилились. Францискъ II, законный наслѣдникъ престола, долженъ былъ управлять тайно волновавшимся государствомъ въ такія лѣта, когда человѣкъ едва можетъ управлять самъ собою. Слабый тѣломъ и духомъ, онъ не былъ въ состояніи уничтожить интриги придворныхъ и взять перевѣсъ надъ тѣми, которые домогались власти. Онъ никогда не желалъ зла, но не умѣлъ видѣть и добра, а еще менѣе дѣлать его.

Гюизы и принцы крови, завидуя другъ другу, равно желали овладѣть престоломъ. Францискъ, герцогъ Гюизъ, глава своего дома, былъ знаменитѣйшій членъ. Съ достоинствами от-

личнаго полководца онъ соединялъ глубокія познанія въ государственныхъ дѣлахъ, неутомимую дѣятельность и чрезмѣрное честолюбіе. Презирая всѣ уловки мелкихъ душъ, онъ не скрывалъ ни своихъ желаній, ни надеждъ; онъ жаждалъ возвышенія; хотѣлъ его достигнуть единственно для совершенія великихъ дѣлъ. Безкорыстный, великодушный, онъ заставилъ и враговъ уважать себя; защита Меца и взятіе Кале доставили ему удивленіе и любовь Французовъ: имя его всегда стояло на первомъ мѣстѣ, когда дѣло шло о предпріятіи трудномъ и достославномъ.

Братъ его, кардиналъ Лотарингскій, имѣлъ всѣ его недостатки, и ни одного блистательнаго качества. Выше всѣхъ средствъ для достиженія своей цѣли онъ ставилъ хитрость и вѣроломство. Сила Гюизовъ основывалась на силѣ молодой королевы. Гюизы выдали свою племянницу Марію Стуартъ, Шотландскую королеву, дочь Маріи Гюизъ и Іакова V, за Франциска II: она-то прелестною своею наружностію и умомъ владычествовала надъ нимъ.

Катерина Медичи, завидуя власти Маріи и Гюизовъ, скрывала свою ненависть подъ личиною всѣхъ возможныхъ ласкъ, а между тѣмъ старалась даже соперниковъ своихъ привлечь къ себѣ. Превосходствомъ ума и хитростію она имѣла вліяніе на сына; и видя невозможность одной властвовать надъ Францискомъ,

она сблизилась съ Гюнзами, выискивая случая погубить ихъ. Рожденная съ величайшею дѣятельностію, пылкими чувствами и неукротимыми страстями, Катерина прежде смерти Генриха II не могла выказать своего стремленія къ предположенной цѣли. Она обладала умомъ и проницательностію; но у ней недоставало той силы ума, которая связываетъ будущее съ настоящимъ и обнимаетъ одно великое цѣлое. Потому въ минуту опасности для нее все казалось приличнымъ, только чтобы освободиться отъ затруднительнаго положенія. Зная лучше людей, нежели дѣла, она, при всемъ своемъ желаніи, не могла управлять одна, но всегда была принуждена раздѣлять свою власть съ людьми, способными нести бремя труднаго правленія. Такимъ образомъ послѣ смерти Генриха II, необходимость сблизила ее на минуту съ Гюизами: ей нельзя было обойти ихъ.

Принцы крови, изъ дома Бурбонскаго, наслѣдники престола въ случаѣ прекращенія династіи Валоа, съ негодованіемъ видѣли, что чужеземцы пользуются довѣренностію и властію, непринадлежавшею имъ вовсе по законамъ. Антоній Бурбонъ, старшій изъ принцевъ, король Наварскій, можетъ быть, равнодушно перенесъ бы возвышеніе Гюизовъ, если бы могъ возвратить часть своихъ владѣній, несправедливо отторгнутую Испаніею; но онъ былъ воз-

буждаемъ противъ нихъ супругою и братомъ. Антоній, по своему дѣтскому легковѣрію, хотѣлъ пользоваться только прелестями власти, а не самою властію.

Братъ его, Людовикъ Конде, отличался безпредѣльнымъ честолюбіемъ и многими дарованіями; онъ былъ вмѣстѣ и свѣтскій человѣкъ, и человѣкъ государственный; свѣтскость ни мало не мѣшала ему заниматься важными дѣлами. По происхожденію и по достоинствамъ, ему надлежало бы занимать первое мѣсто, и потому не удивительно, если онъ съ негодованіемъ смотрѣлъ на Гюизовъ, располагавшихъ государствомъ. Конде былъ протестантъ сколько изъ видовъ политическихъ, столько же и по убѣжденію; но трудно опредѣлить ту эпоху, въ которую онъ рѣшился воспользоваться религіею для погубленія своихъ враговъ и для достиженія цѣли. Онъ ли первый задумалъ посѣять религіозные безпорядки, или эта идея пришла ему тогда въ голову, когда Гюизы стали въ главѣ католической партіи? Вотъ загадка! —

Въ протестантской партіи, начальникомъ коей объявилъ себя Людовикъ Конде, находился человѣкъ, созданный для великихъ предпріятій и для блистательныхъ подвиговъ посреди бурь: это былъ адмиралъ Колиньи, изъ знаменитаго дома Шатильонъ. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ взялся за мечъ, и уже успѣлъ прославить себя

защитою Сенъ-Кентеня. Глубоко и долго обдумывая свои замыслы, онъ однако отстранялъ отъ себя всякое подозрѣніе до тѣхъ поръ, пока не могъ совершенно развить ихъ. Вполнѣ зная источники и силы протестантовъ, мѣстоположеніе областей, онъ никогда не удивлялся событіямъ, никогда не терялъ присутствія духа при неудачахъ. Онъ предвидѣлъ все заранѣе; умѣлъ поправить то, чего не могъ предвидѣть или предупредить. Его холодная неустрашимость или одушевляла, или умѣряла пылкость другихъ; его постоянная твердость внушала довѣренность, а простота обезоруживала зависть. Онъ былъ великъ безъ усилія, и увѣренъ въ своей славѣ. Рѣдко оставаясь побѣдителемъ во время религіозныхъ войнъ, онъ заслуживалъ гораздо бо́льшее удивленіе послѣ неудачъ; его умныя отступленія, отъ одного конца Франціи къ другому, были достославнѣе всѣхъ побѣдъ его непріятелей. Преодолѣвая препятствія, онъ трудился для своей партіи въ Германіи, Англіи и Нидерландахъ, и возжигая энтузіазмъ въ войскѣ, умѣлъ оставаться спокойнымъ. Нравы его были просты и даже грубы. Краткое свободное время онъ посвящалъ сельскому хозяйству, и въ промежуткахъ успокоенія отъ трудовъ военныхъ обработывалъ виноградникъ тою же рукою, которою подписывалъ трактаты. Честолюбивое стремленіе къ высшимъ должностямъ и счастію, было ему

чуждо; составлять и осуществлять обширные планы — это было его честолюбіе, конечно болѣе почетное, но и не менѣе опасное. Анделo и кардиналъ Шатильонъ, братья Колиньи, успѣшно вспомоществовали его намѣреніямъ: первый своею неустрашимостію; второй прямымъ и разсудительнымъ умомъ.

Такимъ образомъ, со стороны католиковъ и протестантовъ, къ несчастію Франціи, находились люди съ рѣдкими достоинствами, съ характерами и умомъ сильными; имъ недоставало только, чтобы быть истинно великими одного: предпочитать обязанности честолюбію, правила истинныя — интересу. Однако истинно великимъ является посреди всѣхъ Л'Опиталь; онъ одинъ показалъ себя совершеннымъ посреди Гюизовъ и принцевъ крови, думая только о государствѣ. Глубокія познанія, обширный и свѣтлый умъ возвышались въ немъ неизмѣнною честностію. Всегда умѣренный въ стремленіи страстей; снисходительный посреди свирѣпствовавшаго фанатизма; занятый проектами, полезными для государства, тогда, какъ вокругъ него каждый занимался своими собственными выгодами; намѣревавшійся усовершенствовать законы въ такое время, когда всѣ партіи прибѣгали къ силѣ, онъ является какимъ-то высшимъ судьею тогдашнихъ раздоровъ. Онъ хотѣлъ утвердить спокойствіе государства и согласить существованіе религіи

католической съ кальвинизмомъ. Краткимъ, но убѣдительнымъ краснорѣчіемъ онъ уничтожилъ хитрости кардинала Лотарингскаго; его бдительность и строгая бережливость начинали водворять порядокъ въ финансахъ, и чтó значитъ владычество добродѣтели: его всѣ слушали; даже противники его благотворныхъ видовъ невольно удивлялись ему.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Начало внутреннихъ войнъ. Заговоръ Ла Реноди. Смерть Франциска II. Регентство Катерины Медичи. Первая, вторая и третія религіозныя войны.

Таково было состояніе Франціи; таковы были люди, державшіе въ рукахъ ея судьбу, и спорившіе между собою о власти. Францискъ Гюизъ и кардиналъ Лотарингскій еще при вступленіи на престолъ юнаго короля были назначены министрами. Конетабля Монморанси, столь могущественнаго при Генрихѣ II, ненавидимаго Гюизами и Катериною, удалили отъ двора:

онъ жилъ въ Шантильи. Гюизы, уже предположившіе себѣ изъ собственнаго своего дѣла составить дѣло католической религіи, начали преслѣдовать протестантовъ. Анна Бургъ, арестованный еще въ предшествовавшее царствованіе, былъ первою жертвою ихъ гоненій. Недовольные, подъ начальствомъ принца Конде, собрались между
1560 тѣмъ тайно въ la Ferté для совѣщанія о мѣрахъ противу Гюизовъ. Здѣсь-то адмиралъ Колиньи развилъ предъ принцемъ источники и силы реформатовъ, и доказалъ ему, что есть возможность воспользоваться этими силами, что принявши ихъ сторону, можно утвердить торжество свое собственное и торжество ихъ религіи. Планъ сей льстилъ страстямъ Конде и потому не могъ ему не понравиться: онъ покрывалъ его честолюбіе безкорыстіемъ и общественнымъ благомъ, доставлялъ ему законные предлоги къ дѣйствію и показывалъ въ немъ покровителя угнетенныхъ. Главная цѣль была та, чтобы отнять у Гюизовъ всю власть. Положили захватить короля въ Блосе, гдѣ онъ проводилъ весну, и для исполненія заговора выбрали Ла Реноди. Этотъ дворянинъ, происходившій отъ почтенной фамиліи Перигоръ, былъ весьма привязанъ къ новому ученію, и отличаясь смѣлостію и дѣятельностію, любилъ приключенія. Заговорщики собирались въ Нантѣ; разсуждали о незаконной власти Лотарингцевъ, и представляли реформатамъ

опасности, угрожавшія ихъ религіи. Всѣ стремились къ одной цѣли, но всѣ были руководимы различными побудительными причинами. Подозрѣвая это тайное собраніе, Гюизы перевели мѣстопребываніе двора въ Амбоазъ. Нескромность Ла Реноди оправдала ихъ подозрѣнія. Они увѣрили короля, что заговоръ угрожаетъ его власти; стали приготовляться къ защитѣ города, и хотя ввѣрили важнѣйшіе посты принцу Конде и тайнымъ приверженцамъ Ла Реноди, но бдительно наблюдали за ними. Заговорщики, подступивъ подъ стѣны Амбоаза, были отражены; Ла Реноди палъ въ битвѣ, и тогда мстительные Гюизы обратились къ казнямъ. Они не осмѣлились обвинить принца Конде, хотя доказательства его участія были очень сильны; они только отсрочили его погубленіе.

Герцога Гюиза наименовали генералъ-лейтенантомъ королевства. Начались казни; погибло множество невинныхъ. Канцлеръ Оливье, человѣкъ честный и добрый, но немогшій противиться Гюизамъ, умеръ отъ горести. Его замѣнилъ Л'Опиталь, обязанный своимъ возвышеніемъ герцогинѣ Монпансье, которая знала его терпимость, и даже самой Медичи, которая уважала его дарованія. Притомъ же она надѣялась употребить его противъ Гюизовъ, быстрыми шагами приближавшихся къ неограниченной власти. Л'Опиталь, забывавшій о

самомъ себѣ при священнѣйшихъ обязанностяхъ, имѣвшій въ виду одно только отечество, согласился принять это блестящее, но трудное званіе. Онъ не боялся ни предстоящихъ огромныхъ трудовъ, ни опасностей своего положенія, ни бѣдствій, угрожавшихъ Франціи; онъ предвидѣлъ, что не можетъ сдѣлать того, чего желалъ, но надѣялся воспрепятствовать хотя нѣсколько распространенію зла, а это уже много значитъ для такой души, какова была его.

Л'Опиталь искусно уничтожилъ намѣренія кардинала Лотарингскаго, который хотѣлъ ввести ужасы инквизиціи, и однимъ епископамъ дать право судить протестантовъ. Онъ предложилъ собраться государственнымъ чинамъ для окончательнаго рѣшенія великаго религіознаго дѣла. Здѣсь онъ надѣялся возвысить голосъ разсудка и правила вѣротерпимости, показать народу, что дѣло идетъ объ общемъ мнѣніи, и вооружиться всею своею довѣренностію противъ Гюизовъ. Гюизы не противились созванію штатовъ: они знали, что депутаты большею частію, отъ страха или надежды, будутъ на ихъ сторонѣ. Такое собраніе, при лучшемъ устройствѣ, могло бы спасти Францію; но чуждое одного общаго духа, обуреваемое духомъ партій, составленное изъ противоположныхъ стихій, оно только выказало свою сла-

бость и обмануло ожиданія благонамѣренныхъ гражданъ.

Не смотря на безуспѣшность Амбоазскаго заговора, принцъ Конде продолжалъ поддерживать несогласія протестантовъ, и привлекъ на свою сторону брата своего, короля Наварскаго. Гюизы рѣшились погубить ихъ. Принцъ вмѣстѣ съ братомъ былъ потребованъ ко двору. Въ минуту прибытія ихъ схватили, и только къ Наварскому королю приставили почетную стражу. Конде былъ преданъ суду, какъ государственный преступникъ. Напрасно указывалъ онъ на свой санъ, по которому должно было судить его равнымъ; нарядили коммисію. Наварскій король едва не былъ умерщвленъ по совѣту Гюизовъ; но душа Франциска не соглаcовалась съ такимъ ужаснымъ преступленіемъ. Принца Конде приговорили къ смерти, и ко- 5 дек.
роль подписалъ уже приговоръ,—внезапная его 1560
смерть спасла Конде.

Если бы не преждевременная смерть Франциска II, то Гюизы восторжествовали непремѣнно бы; казнь Конде отняла бы у ихъ враговъ всякую надежду на успѣхъ; протестанты погибли бы безъ средствъ; Франція изъ безначалія повергласъ бы въ деспотизмъ. Смерть юнаго короля еще болѣе увеличила раздоры и безпорядки. Престолъ принадлежалъ брату его Карлу; но Карлъ былъ малолѣтенъ; государственные чины должны были рѣшить важ-

ный вопросъ о регентствѣ. Но безъ ихъ рѣшенія, Катерина уже завладѣла имъ, хотя и не пользовалась титуломъ правительницы. Конде освободили: королева слишкомъ много терпѣла отъ власти Гюизовъ, и потому не хотѣла передать принца въ ихъ руки. Чувствительная, но слабая Марія Стуартъ возвратилась въ Шотландію; по какому-то тайному, вѣрному предчувствію, она какъ будто навсегда отказывалась отъ счастія, оставляя Францію. Между тѣмъ Гюизы, по личной къ нимъ довѣренности, пользовались еще большою властію. Чтобы уменьшить ее, Катерина видѣла одно средство: приблизить къ себѣ ихъ враговъ; въ слѣдствіе сего она стала противоставлять одну партію противъ другой, въ одно и то же время ласкала и уничтожала эти партіи; такая политика, которой она всегда придерживалась, послужила только къ продолженію бѣдствій Франціи. Сообразуясь съ своими планами, Медичи предложила слабому Наварскому королю званіе генералъ-лейтенанта королевства: вызвала изъ уединенія Монморанси, старца, искренно любившаго своего государя и религію, но незабывшаго и самого себя, а между тѣмъ штаты утвердили регентство за королевою. Добродѣтельный Л'Опиталь изъявилъ чинамъ желаніе положительнымъ закономъ опредѣлить права обоихъ вѣроисповѣданій, уплатить государственные долги и приве-

сти въ порядокъ финансы; но Л'Опиталь одинъ только и думалъ объ общественномъ благѣ. Раздоры между духовенствомъ, дворянствомъ и среднимъ сословіемъ не допускали штаты до исполненія столь полезныхъ дѣлъ: народъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ.

Въ это самое время Гюизы, опасаясь лишиться своей власти, начали стараться о составленіи новаго союза. Франциск Гюизъ привлекъ къ себѣ конетабля, указавъ ему на опасности, которымъ подвергается католическая религія. Къ нимъ присталъ еще маршалъ Сентъ-Андре, который, пользуясь милостями Генриха II, собралъ огромныя богатства, ненавидѣлъ кальвинистовъ, и слѣдовательно могъ быть полезенъ. Такъ составился знаменитый тріумви- 1561
ратъ.

Филиппъ II, съ которымъ Гюизъ имѣлъ тайныя сношенія, обѣщалъ съ своей стороны помощь и еще болѣе усиливалъ пламя, обхватившее всю Францію. На Сенъ-Жерменскомъ собраніи штатовъ, канцлеръ не могъ прекратить безпорядковъ сильными мѣрами: онъ успѣлъ только устрашить духовенство, заставивъ его уплатить часть государственнаго долга. Чтобы окончательно прекратить религіозныя несогласія, въ Пуасси назначено было, въ присут- 1561
ствіи королевы и короля, теологамъ обоихъ вѣроисповѣданій изложить свое ученіе; но это средство послужило къ распространенію но-

выхъ идей, къ умноженію сомнѣній, къ усиленію вражды и къ большему упорству каждой партіи въ своемъ мнѣніи. Кардиналу Лотарингскому хотѣлось въ этомъ спорѣ выказать свое краснорѣчіе и свои познанія; съ другой стороны адвокатъ протестантовъ Ѳеодоръ Безе отличился убѣдительнѣйшею логикою, неистощимою памятью, простымъ, но сильнымъ даромъ слова. При всемъ томъ преніе только раздражило умы. Гюизы, чтобы сколько нибудь поправить свое дѣло, успѣли привлечь къ себѣ слабаго короля Наварскаго, который льстился надеждою возстановить свое родовое наслѣдіе, и потому сдѣлался союзникомъ смертельныхъ враговъ своего дома.

Канцлеръ надѣялся однако предупредить междоусобную войну; онъ убѣдилъ Катерину, опасавшуюся тріумвирата, созвать дворянство въ Сенъ-Жерменѣ. Здѣсь изданъ былъ эдиктъ, дозволявшій кальвинистамъ свободное отправленіе богослуженія, но запрещавшій имъ сборища въ окружности городовъ. Тріумвиры видѣли въ этомъ новое доказательство предпочтенія, оказаннаго королевою протестантамъ. По несчастно-
1562 му ли случаю, или съ намѣреніемъ, люди герцога поссорились съ реформатами въ Васси. Дѣло дошло до кровопролитія, и послужило началомъ бѣдствій Франціи. Тріумвиры привлекли на свою сторону Наварскаго короля, и тѣмъ думали дать законный видъ своимъ дѣйствіямъ;

они успѣли захватить Карла вмѣстѣ съ матерью въ Фонтенебло, и отвезли ихъ въ Парижъ.

Получивъ это извѣстіе, принцъ Конде и Колиньи не могли болѣе медлить: назначили Орманъ складочнымъ мѣстомъ оружія, и издали нѣсколько манифестовъ, въ которыхъ старались увѣрить, что они не коснутся католиковъ, которые впрочемъ въ свою очередь также тайно приготовлялись къ защитѣ противъ протестантовъ. Такимъ образомъ обѣ стороны вооружились именемъ короля; первая религіозная война вспыхнула; Германія, богатая войскомъ, отправила отъ себя помощь во Францію; сходство религіи и одинаковыя выгоды заставляли реформатовъ надѣяться на протестантскихъ князей; Испанское золото, щедро разсыпаемое католиками въ имперіи, привлекло подъ ихъ знамена множество охотниковъ. Катерина, опасавшаяся побѣдъ той или другой партіи, старалась сблизить умы на собраніи въ Тальси. Принцъ Конде готовъ былъ обѣщать, что онъ удалится изъ государства со всѣми реформатами; но войско вознегодовало противъ этого, и переговоры прекратились. Конде, Колиньи и сообщники ихъ хотя и были объявлены виновными въ оскорбленіи величества, но все еще упорствовали въ мятежѣ подъ видомъ освобожденія короля. Хитрая Елисавета подала имъ помощь за довольно высокую цѣну: ей позволили овладѣть Гавромъ. Но ея

вспомоществованіе было незначительно. Филиппъ и Елисавета слѣдовали одинаковой политикѣ: они поддерживали безпорядки, не допуская до рѣшительнаго перевѣса ни одной партіи.

Королевская армія осадила Руанъ, мужественно защищаемый Монгомери. Городъ былъ взятъ; Антоній Наварскій, раненый во время осады, умеръ: ни одна партія не сожалѣла объ
1562 немъ. Обѣ арміи встрѣтились близъ Дрё; долго оставались въ бездѣйствіи, какъ будто опасаясь начать сраженіе; преступленіе, на которое онѣ готовы были покуситься, оковало ихъ ужасомъ; не менѣе дѣйствовалъ и стыдъ; два часа голосъ отечества боролся съ фанатизмомъ; злой духъ взялъ свое, и семь часовъ продолжалась жесточайшая битва. Маршалъ Сентъ-Андре былъ убитъ; конетабль взятъ въ плѣнъ солдатами Конде, но и Конде въ свою очередь былъ захваченъ сыномъ конетабля. Колиньи спасъ остатки войскъ и удалился въ Орлеанъ. Герцогъ Францискъ Гюизъ, возгордившись одержанною побѣдою, написалъ къ королевѣ тономъ властителя. Королева съ ужасомъ видѣла себя въ рукахъ этого честолюбца; дѣла однако перемѣнились. Осаждая Орлеанъ, Гюизъ былъ убитъ Польтро де Мере, Ангулемскимъ дворяниномъ. Смерть Гюиза, достойная его жизни, болѣе обрадовала Катерину Медичи, нежели протестантовъ, которые, при всей своей

къ нему ненависти, не могли не уважать его, какъ полководца.

Теперь Королева, освободившись послѣ битвы при Дрё отъ всѣхъ опасныхъ членовъ католической партіи, страшилась однихъ протестантовъ, и съ этого времени всѣ свои старанія устремляла къ ихъ погибели, употребляя притомъ или ласкательства, или силу. Такъ однажды она согласилась на миръ, и убѣдила принца Конде подписать Амбуазскій договоръ, въ силу коего протестантамъ запрещалось только отправлять свое богослуженіе въ окружности Парижа. Колиньи, по недостатку средствъ къ сопротивленію, согласился на такое условіе. Но легко было предвидѣть, что принятая мѣра основывалась только на наружности; состояніе протестантовъ все-таки оставалось сомнительнымъ: они не имѣли законной поруки, а страсти предводителей еще болѣе увеличивали опасность. Впрочемъ, можетъ быть, въ это время совершенное уравненіе съ католиками и не удовлетворило бы претендентовъ, которые хотѣли быть властителями и желали погибели своихъ враговъ.

Спустя нѣсколько времени послѣ Амбуазской конвенціи, королева объявила въ Руанскомъ парламентѣ совершеннолѣтіе своего сына, потому что малолѣтство его подавало предлогъ и надежду недовольнымъ. Теперь Катерина твердо укрѣпила свою власть. Несчастный Карлъ IX

родился съ счастливѣйшими наклонностями. Онъ отличался благородною наружностію, умомъ живымъ и проницательнымъ, характеромъ открытымъ: знаменитый Аміо (Amyot), его наставникъ, вселилъ въ него охоту къ образованію; къ сожалѣнію, мать, имѣя въ виду только свою власть, испортила все его воспитаніе.

Въ началѣ царствованія, Катерина, по видимому, желала дать хорошее направленіе своему сыну, и рѣшилась отправить его въ путешествіе по внутреннимъ областямъ королевства, сколько для ознакомленія съ владѣніями, столько же и для совершеннаго истребленія своимъ присутствіемъ поводовъ къ распрямъ; но путешествіе сіе, долженствовавшее исцѣлить, или по крайней мѣрѣ, укротить бѣдствія Франціи, приготовило новые безпорядки. Въ это время проѣзжалъ чрезъ Байонну герцогъ Альба въ Нидерланды. Онъ убѣдилъ Катерину къ продолженію преслѣдованій. Байонскіе переговоры не скрылись отъ протестантовъ: одушевляемые Конде и Колиньи, они взялись за оружіе: Началась вторая религіозная война. Хотя и разсѣянные по всему государству, протестанты составляли одно тѣло и собрали значительныя силы, предпринявъ дерзкое намѣреніе захватить короля въ Mo (Meaux): храбрость и вѣрность Швейцарцевъ спасли Карла и мать его, которые, подъ прикрытіемъ ихъ, безопасно возвратились въ Парижъ. Пылкій и юный ко-

роль вознегодовалъ на такую дерзость и поклялся отмстить. Конде хотѣлъ загладить дурной успѣхъ своего предпріятія, явился у стѣнъ Парижскихъ, а между тѣмъ конетабль, предводительствуя многочисленнымъ войскомъ, занялъ равнину Сенъ-Дени. Открылось сраженіе; про- 1567
тестанты были разбиты; старый Монморанси палъ, пораженный пулею одного Шотландца, Роберта Стуарта. Тогда со всѣхъ сторонъ Нѣмцы стали стекаться во Францію: одни на помощь королю, другіе реформатамъ. Принцъ Палатинъ, Іоаннъ Казимиръ, предводительствовалъ послѣдними; Вильгельмъ Саксонскій, зять его, начальствовалъ первыми. Устрашенная королева поспѣшила заключить миръ въ Лонжю- 1568
мо: этотъ миръ былъ подтвержденіемъ Амбуазской конвенціи съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями въ пользу протестантовъ.

При всемъ томъ обѣ партіи помирились единственно по недостатку средствъ, отъ желанія собраться съ новыми силами, чтобы опять начать новую войну. Въ самомъ дѣлѣ чрезъ шесть мѣсяцевъ война началась. Всѣ, недовольные правленіемъ Катерины и державшіеся умѣренной партіи, удалились отъ двора; они извѣстны подъ названіемъ *политиковъ.* Медичи хотѣлось захватить принца Конде и Колиньи въ Нойе (Noyers), въ Бургундіи; они едва спаслись, удалившись въ Ла Рошель, а отсюда уже явились на битву. Королева назначила герцога Анжуйскаго

Генриха, генералъ-лейтенантомъ королевства. Этотъ принцъ любилъ утонченныя удовольствія, блистательныя и странныя празднества, интриги, и отличался какою-то безпечностію посреди самыхъ плачевныхъ событій. Впрочемъ онъ не имѣлъ недостатка въ умѣ, но, по легкомыслію не могъ развить его, а тѣмъ менѣе привести въ исполненіе счастливыя идеи. Французы надѣялись на него, когда онъ былъ молодъ. Храбрый и смѣлый, но безъ военныхъ познаній, Генрихъ имѣлъ нужду въ руководителѣ, и потому мать поручила его маршалу Таваннь, который и былъ причиною всѣхъ побѣдъ и торжествъ. Конде и Колиньи намѣревались проникнуть въ центръ Франціи, дабы соединиться съ подкрѣпленіемъ, шедшимъ изъ Германіи; но Таваннь напалъ на нихъ при Жарнакѣ, небольшомъ городкѣ на берегахъ Шаренты. Счастіе, всегда противодѣйствовавшее протестантамъ, когда они начинали правильное сраженіе, и здѣсь измѣнило имъ. Раненый Конде сражался еще на колѣнахъ, когда Монтескіу, капитанъ гвардіи герцога Анжуйскаго, убилъ его изъ пистолета. Смерть этого честолюбца не измѣнила хода дѣлъ. Колиньи, всегда великій въ критическія минуты, отступилъ съ остатками арміи. Къ сожалѣнію, предводители протестантскіе изъ зависти перессорились между собою, и не хотѣли повиноваться адмиралу. Партіи грозили ужаснѣйшія бѣд-

ствія, когда Іоанна Альбре, вдова Антонія Бурбона, прибыла въ лагерь съ сыномъ своимъ, юнымъ королемъ Наварскимъ и молодымъ Конде. Она явилась посреди рядовъ войска, говорила имъ рѣчь и представила Генриха. При видѣ его, всѣ страсти замолкли, и онъ былъ провозглашенъ главою протестантовъ. Колиньи, который отнынѣ будетъ дѣйствовать его именемъ, теперь уже былъ увѣренъ въ повиновеніи къ себѣ своихъ подчиненныхъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Генрихъ Наварскій является предводителемъ протестантовъ. Окончаніе третьей войны. Непрочный миръ. Желаніе двора истребить протестантовъ. Ночь св. Варѳоломея. Смерть Карла IX.

Генрихъ, которому послѣ двадцатилѣтнихъ битвъ и неудачъ, суждено было осчастливить Францію, находился теперь въ такомъ возрастѣ, когда душевныя и тѣлесныя достоинства отличаются всею свѣжестію и привлекательностію

юности. Ему было едва шестнадцать лѣтъ. Взросши въ замкѣ По (Pau) въ Беарнѣ, онъ получилъ тамъ простое, но мощное воспитаніе. Посреди горъ, въ кругу туземныхъ дѣтей, далеко отъ роскоши и принужденій свѣта, развилась сила его темперамента, веселость характера и откровенность, которыя и въ послѣдствіи составляли его отличительныя черты. Наставникъ Генриха, умный и добродѣтельный Ла Гошери, образовалъ его умъ и сердце; но природа всегда брала верхъ надъ искусствомъ: она надѣлила его богатѣйшими дарами, и онъ предавался ей съ довѣрчивостію. Школа бѣдствія также содѣйствовала къ развитію его счастливыхъ способностей. Никогда народный характеръ Французовъ, со всѣми его несовершенствами, не являлся болѣе блистательнымъ, какъ въ этомъ принцѣ, и Французы должны были обожать въ немъ представителя, или, лучше, идеалъ своихъ отличительныхъ качествъ. Неистощимый на откровенныя, но умныя и тонкія мысли, онъ отличался многими остротами, которыми часто утѣшалъ, наказывалъ и награждалъ своихъ приближенныхъ. Терпѣливый въ нуждѣ, веселый и расточительный при случаѣ, храбрый и осторожный, мало щадившій самого себя, но за то много заботившійся о своихъ подчиненныхъ, твердый, щедрый и для всѣхъ доступный, онъ жилъ на дружеской ногѣ съ тѣми, которые были къ нему привер-

жены, и какъ будто забывалъ свой санъ, чтобы еще болѣе возвысить свое короткое обращеніе. Смѣлый, дѣятельный, предпріимчивый, усиливавшій свои средства быстрыми переходами, онъ имѣлъ всѣ качества, необходимыя для веденія успѣшной войны. Иногда слабости его вредили ходу дѣлъ, но всего чаще онъ бросалъ удовольствія и летѣлъ къ славѣ и обязанностямъ.

Двоюродный братъ его, товарищъ и другъ, принцъ Конде былъ болѣе важенъ, разсудителенъ и болѣе честолюбивъ для своихъ лѣтъ. Безъ зависти, но съ благороднымъ соперничествомъ явились они на сцену. Колиньи захотѣлъ воспользоваться мужествомъ и увѣренностію, распространившимся въ войскѣ послѣ прибытія обоихъ принцевъ, и снова взялся за оружіе. Битва при Рошъ-Абейльѣ кончилась въ его пользу; но протестанты очернили себя жестокостію послѣ побѣды. Колиньи осадилъ Пуатье; городъ защищался храбро; герцогъ Анжуйскій прибылъ на помощь; адмиралъ оставилъ осаду и выступилъ на встрѣчу шедшему подкрѣпленію; сраженіе завязалось близъ Монконтура, и Колиньи былъ разбитъ, хотя герцогъ Цвейбрикенскій и явился къ нему съ вспомогательнымъ отрядомъ. Франція полагала, что послѣ сей побѣды герцогъ Анжуйскій будетъ преслѣдовать протестантовъ; но, по безпечности и страсти къ удовольствіямъ,

онъ не воспользовался представлявшимися выгодами. Между тѣмъ благоразумный и дѣятельный адмиралъ поправилъ нѣсколько свою неудачу, и близъ Арне-ле-Дюкъ далъ сраженіе, успѣхъ котораго впрочемъ остался нерѣшеннымъ. Карлъ IX, завидуя славѣ брата, согласился на миръ, чтобы не имѣть болѣе нужды въ его услугахъ. Катерина намѣревалась употребить новыя средства для погубленія протес-
1570 тантовъ, усыпляя ихъ выгоднымъ миромъ, заключеннымъ въ Сенъ-Жерменѣ. Кальвинисты получили всеобщее прощеніе, право свободнаго отправленія своего богослуженія, право достигать всѣхъ государственныхъ должностей, позволеніе отвергать шесть судей въ парламентахъ и въ залогъ четыре города. Такой миръ по видимому успокоилъ протестантовъ; но католики роптали: Медичи ласкала ихъ, ожидая между тѣмъ благопріятныхъ обстоятельствъ для нанесенія рѣшительнаго удара.

По Сенъ-Жерменскому трактату положено было сочетать бракомъ юнаго короля Наварскаго съ Маргаритою Валуа, сестрою Карла IX. Назначено и время бракосочетанія; приготовленія совершались со всевозможною пышностію. Этотъ союзъ долженствовалъ прекратить всѣ безпорядки и войны. Протестантское дворянство получило приглашеніе присутствовать при торжественномъ обрядѣ. Оно стеклось со всѣхъ сторонъ, и, чтобы почтить Наварскаго

короля, блистательно и великолѣпно явилось въ Парижѣ; пріѣхалъ и самъ Колиньи, котораго Карлъ почтилъ уваженіемъ и довѣренностію, и который, для успокоенія Франціи, предлагалъ королю занять народъ внѣшними дѣлами, обративъ оружіе противъ Австрійскаго дома. Карлъ охотно одобрилъ сей проектъ; но Катерина, опасаясь возвышенія добродѣтельнаго старца, рѣшилась погубить его: Наварская королева скончалась скоропостижно, вѣроятно отравленная, а Колиньи былъ раненъ однимъ убійцею. Генрихъ, герцогъ Гюизъ, столь же геніяльный, какъ и отецъ его, но болѣе честолюбивый, желая притомъ отмстить за смерть его, былъ душею предначертаній Медичи. Медичи увѣрила короля, что реформаты составили заговоръ и противъ него и противъ всего королевскаго дома, что они прибыли въ Парижъ въ такомъ множествѣ именно съ кровавыми намѣреніями, и что слѣдовательно для спасенія жизни нужно предупредить грозившую опасность. Взволнованный представленною картиною, Карлъ вышелъ изъ себя, и отдалъ приказъ предать смерти всѣхъ протестантовъ. Въ полночь, колоколъ на башнѣ св. Германа Оссерскаго подалъ сигналъ къ убійству. Тогда-то начался рядъ ужаснѣйшихъ преступленій, которыхъ воображеніе, подавляемое вещественностію, не можетъ себѣ вполнѣ представить. Семьдесятъ тысячъ Французовъ погибло по повелѣнію Карла; это была

14 авг. 1572

одна изъ тѣхъ минутъ, когда люди думали, что нравственные законы не существуютъ. Но между тѣмъ въ утѣшеніе должно вспомнить и о чертахъ добродѣтели, остановить утомленные взоры на Жаненѣ, Аспремонѣ, де Тендъ (Tendes), которые не хотѣли быть палачами своихъ соотечественниковъ.

Вся Европа вознегодовала и ужаснулась при вѣсти о столь кровавомъ событіи, совершившемся во Франціи. Только Римъ и Испанія обрадовались ему; въ другихъ странахъ раздавались крики противъ неслыханнаго поступка. Елисавета и дворъ ея ознаменовали свое сожалѣніе трауромъ. Самъ Карлъ ужаснулся, когда прошла горячка, и въ письмахъ своихъ всю вину сложилъ на Гюизовъ. За то Катерина чрезъ восемь дней послѣ сего происшествія, въ собраніи парламента, не краснѣя, утверждала, что все это было необходимо для уничтоженія опаснаго заговора. Несправедливость такого обвиненія всего лучше доказывается незначительнымъ сопротивленіемъ, оказаннымъ со стороны реформатовъ; собственно защищались только двое.

Король Наварскій и принцъ Конде спасли свою жизнь одною покорностію. Карлъ, окруженный войскомъ, во время самаго убійства кричалъ имъ: »*обѣдня или смерть*«, и юные устрашенные принцы уступили угрозамъ. Реформаты полагали, что ихъ всѣхъ истребятъ

совершенно, и потому одни пытались удалиться изъ Франціи, другіе искали спасенія въ болотахъ Пуату и въ дефилеяхъ Севенскихъ. Въ самомъ дѣлѣ всѣ думали, что послѣ сихъ кровавыхъ сценъ дворъ окончательно уничтожитъ ненавистную ему партію; но вышло иначе: въ концѣ августа реформаты подверглись истребленію, а въ октябрѣ того же года имъ обѣщано было покровительство двора и возвращеніе имѣній. Между тѣмъ въ то же самое время король приказалъ осаждать Ла Рошель, Нимъ, Монтабанъ, Сансерръ, послѣднія убѣжища протестантовъ, приготовившихся къ защитѣ и просившихъ помощи у Англіи. Осада началась съ Ла Рошеля, гдѣ начальникомъ былъ храбрый Ла Ну (La Noue); какъ гражданинъ, равно приверженный и къ религіи и къ отечеству, Ла Ну пользовался довѣренностію обѣихъ партій. Карлъ назначилъ его Ларошельскимъ губернаторомъ, а Ларошельцы поручили ему защиту города противъ Карлова войска, шедшаго подъ начальствомъ герцога Анжуйскаго. Городъ сильно сопротивлялся. Ла Ну оправдалъ довѣренность кальвинистовъ своими мудрыми мѣрами, и вмѣстѣ съ тѣмъ угодилъ королю, склонивъ кальвинистовъ къ миру. Герцогъ Анжуйскій дѣйствовалъ слабо, и вскорѣ получилъ извѣстіе, что деньги, посланныя Медичи въ Польшу, и искусство Монлюка, на котораго возложены были переговоры,

доставили ему Польскій престолъ. Желая отправиться скорѣе для обладанія новою короною, и окончить войну до своего отъѣзда, онъ поспѣшилъ заключить миръ: протестанты получили право свободнаго отправленія своего
1573 богослуженія въ Ла Рошелѣ, Нимѣ и въ Монтабанѣ. Городъ Сансерръ упорствовалъ еще два мѣсяца, но потомъ былъ разрушенъ.

Генрихъ удалился изъ Франціи; Медичи съ горестію должна была разлучиться съ любимымъ сыномъ; Карлъ тайно радовался отъѣзду своего преемника. Польскій король, проѣзжая чрезъ Германію, вездѣ слышалъ изъявленіе ужаса, возбужденнаго ночью Св. Варѳоломея. Прибывъ въ свои новыя владѣнія, и окружаемый сопровождавшими его Французами, онъ забылъ о клятвахъ, данныхъ Полякамъ, и вскорѣ навлекъ на себя ихъ ненависть. Французскій дворъ опять сдѣлался позорищемъ новыхъ интригъ. Партія Монморанси противилась непріязненнымъ мѣрамъ правительства, и пристала къ Гугенотамъ, настоятельно требуя созванія Генеральныхъ Штатовъ для уничтоженія всѣхъ злоупотребленій. Желая отличиться отъ всѣхъ прочихъ партій, Монморанси приняли названіе *Политиковъ*, и привлекли на свою сторону герцога Алансонскаго, самаго младшаго сына Катерины. Принцъ этотъ былъ болѣе безпокойнаго, нежели честолюбиваго характера; завидовалъ своему брату, Польскому королю;

желалъ играть какую нибудь роль въ дѣлахъ, но слишкомъ былъ легкомысленъ для исполненія своихъ намѣреній. Онъ много предпринималъ, но ничего не кончилъ, и ревность его всегда очень скоро охлаждалась. Такого-то человѣка недовольные хотѣли избрать своею главою, думая возвести его въ достоинство генералъ-лейтенанта королевства. Титулъ герцога Алансонскаго нѣкоторымъ образомъ оправдывалъ ихъ честолюбивые замыслы, и они легко увѣрили его, что ему суждено быть спасителемъ государства. Любимцы его, Ла Моль и Коконна (Coconas) особенно убаюкивали герцога лестными надеждами. По ихъ плану, онъ долженъ былъ оставить дворъ, гдѣ за нимъ присматривали, и объявить себя главою протестантовъ. Планъ разрушился, потому что средства были худо приготовлены. Катерина осудила на смерть Ла Моля и Коконна; маршалы Монморанси и Коссе были заключены въ Бастилію; и такимъ образомъ заговоры, имѣвшіе цѣлію погубить ее, только возвысили ея власть.

»Если бы они дождались моей смерти!«, воскликнулъ съ горестію юный король, спасаясь изъ Сенъ-Жерменя въ Парижъ, при первомъ извѣстіи о заговорѣ. Окруженный опасностями и врагами, онъ опять совершенно предался матери, къ которой уже начиналъ терять довѣренность. Съ самаго событія ночи св. Варѳоломея, Карлъ IX влачилъ мучительную

жизнь. Волнуемый угрызеніями совѣсти и страхомъ, безпокоясь о прошедшемъ и будущемъ, онъ безпрестанно видѣлъ предъ собою гибель невинныхъ. Днемъ и ночью ему представлялись кровавыя жертвы. Жизнь сдѣлалась для
1574 него мученіемъ, и онъ умеръ въ самомъ жалкомъ состояніи. Угрызенія совѣсти доказываютъ, что Карлъ не сроднился съ порокомъ, и что одна только политика матери ожесточила его душу. Умирая, онъ поручилъ Медичи управленіе государствомъ до прибытія Польскаго короля.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Состояніе Франціи по смерти Карла IX. Генрихъ III вступаетъ на престолъ. Характеръ его царствованія. Лига противъ Бурбоновъ. Блоаскіе Штаты. Смерть Гюиза. Убіеніе Генриха III. Генрихъ IV торжествуетъ надъ Лигою и Испаніею. Верженскій миръ.

По смерти Карла IX, Франція казалась спокойною; но что это спокойствіе предвозвѣщало продолжительныя и ужасныя бури, всѣ

стихіи раздора и безпорядковъ хранились въ цѣлости. Расположеніе умовъ народа, вражда партій, интриги вельможъ, общественные нравы предсказывали государству величайшія бѣдствія, угрожая ему совершеннымъ разрушеніемъ. Четырнадцать лѣтъ междоусобныхъ войнъ уничтожили всѣ плоды труда, спокойствія и повиновенія въ низшихъ классахъ общества. Во всѣхъ областяхъ народъ привыкъ жить лучше добычею, нежели трудомъ, пользоваться безпорядками, но непредупреждать ихъ, безнаказанно не повиноваться законамъ и составлять свое счастіе при всеобщемъ ниспроверженіи. Католики не упускали изъ виду истребленія протестантовъ, и единственно стремились къ окончательному торжеству надъ своими противниками. Протестанты съ своей стороны жаждали мщенія, и могли, по своимъ средствамъ, надѣяться на исполненіе. Партіи Монморанси и Гюизовъ не прекратились. Первые заключили съ Наварскимъ королемъ и герцогомъ Алансонскимъ союзъ, внушенный одною необходимостію; другіе, предводимые молодымъ человѣкомъ, наслѣдникомъ ума и честолюбивыхъ замысловъ своего отца, почитались виновниками ночи Св. Варѳоломея. Въ сущности обѣ партіи находились подъ вліяніемъ неутральныхъ предводителей касательно своего ученія; войны, убійства, споры, полемическія сочиненія распаляли народный фанатизмъ, но иначе

дѣйствовали на людей, заслуживающихъ уваженіе: эти люди отъ убѣжденія перешли къ сомнѣніямъ, отъ сомнѣній къ недовѣрчивости. При всемъ томъ и они были опасны, потому что лучше могли усиливать фанатизмъ своихъ приверженцевъ и, подъ маскою лицемѣрія, вѣрнѣе достигать своей цѣли. Ко двору Медичи толпами стекались съ разными предложеніями чужеземцы, совершенно овладѣвшіе Франціею. Женскій полъ не отличался тѣмъ нѣжнымъ и кроткимъ характеромъ, который былъ ему сообщенъ рыцарствомъ; исчезла утонченная учтивость. Жестокость мужчинъ имѣла вліяніе и на женщинъ; женщины своею необузданною дерзостію искоренили въ сердцахъ мужчинъ всѣ чувства. Отъ стариннаго рыцарства остался только вкусъ къ странностямъ; но и этотъ вкусъ имѣлъ дурное направленіе. Военныя братства обратились въ скопища заговоровъ. Набожность не истребилась, но она была смѣшана съ самымъ страннымъ суевѣріемъ. Люди прибѣгали къ астрологамъ, если задумывали что нибудь, вѣрили въ заколдованные коренья и т. п.

Вотъ какое направленіе нравовъ было во Франціи въ то время, когда Генриху очистился путь къ престолу смертію брата. Генрихъ не могъ измѣнить своего вѣка, котораго онъ самъ былъ вѣрнымъ отпечаткомъ: онъ не только не имѣлъ силы характера для преобразова-

нія общественныхъ нравовъ законами и собственнымъ примѣромъ, но въ высшей степени отличался всѣми пороками и недостатками своего испорченнаго времени. Пребываніе въ Польшѣ еще болѣе развило въ немъ дурныя наклонности. Онъ былъ храбръ, но только въ критическія, рѣшительныя минуты. Любя недѣятельность и нѣгу, онъ не могъ и на полѣ битвы пріобрѣсти военныхъ привычекъ. Желаніе Поляковъ переселило его въ страну, чуждую образованности южной Европы; къ народу, преданному грубой роскоши и безвкусному великолѣпію. По прибытіи въ Польшу, Генрихъ скоро заключился во дворцѣ съ своими любимцами-соотечественниками, и занялся шумными празднествами, къ которымъ привыкъ на родинѣ. Въ это-то время молодые люди, находившіеся въ его свитѣ, пріобрѣли надъ нимъ совершенную власть, столь пагубную въ послѣдствіи для Франціи, и въ это же время онъ предался рѣшительному бездѣйствію, не уважая никакого мнѣнія, не ставя ни во что нравственность.

Мать поспѣшила извѣстить его о смерти брата: чрезъ двѣ недѣли онъ уже узналъ объ этомъ. Обрадованный симъ событіемъ, освобождавшимъ его изъ изгнанія, онъ забылъ о своихъ обязанностяхъ относительно Поляковъ, и тайно бѣжалъ изъ дворца, опасаясь задержки. Народъ, узнавъ о бѣгствѣ своего короля, по-

слалъ за нимъ погоню, которая и настигла его въ Силезiи: здѣсь Генрихъ отдѣлался разными обѣщанiями. Этотъ поступокъ ясно показалъ Европѣ, чего должна ожидать Францiя. Впрочемъ дорогою Генрихъ занимался еще празднествами въ Вѣнѣ и Венецiи, и вездѣ получалъ совѣты сохранять миръ, не допускать своего отечества до новыхъ безпорядковъ, принявъ кальвинистовъ подъ свое покровительство. Чтобы достигнуть сей цѣли, надлежало заставить протестантовъ и католиковъ уважать и бояться себя, привлечь на свою сторону честныхъ людей, удерживать безпокойныхъ твердостiю и справедливостiю, и постоянно держаться одного плана. Но едва получивъ скипетръ, Генрихъ сдѣлался игралищемъ всѣхъ партiй. Францiя увидѣла его болѣе прежняго легкомысленнымъ, неспособнымъ, испорченнымъ; воспоминанiе о нѣкоторыхъ блестящихъ подвигахъ его юности изгладилось.

Партiя *политиковъ* или недовольныхъ, получившая начало въ послѣднiй годъ царствованiя Карла IX, еще существовала, болѣе и болѣе усиливая свои связи съ протестантами. Союзъ ихъ былъ опасенъ: онъ не ограничивался испрошенiемъ свободнаго отправленiя богослуженiя, но, кажется, хотѣлъ преобразованiя администрацiи, требуя созванiя генеральныхъ штатовъ. Но на самомъ дѣлѣ, многiе изъ предводителей имѣли намѣренiе раздробить Фран-

цію, образовать изъ нее нѣсколько независимыхъ владѣній, или ввести формы демократическія и сдѣлать изъ всего родъ федеративной республики. Противоположность намѣреній и выгодъ предводителей, происхожденіе лиги, геній и добродѣтели Генриха IV, отдалили отъ Франціи переворотъ, долженствовавшій совершенно ослабить ее и внутри и извнѣ. При всемъ томъ союзъ былъ опасенъ. Герцогъ Алансонскій, недовольный своимъ братомъ, который за нимъ всегда наблюдалъ, ускользнулъ отъ него и явился главою союзниковъ. Король Наварскій послѣдовалъ его примѣру, удалился въ Гіеннь, присталъ къ партіи недовольныхъ, и освободившись отъ бездѣйствія, выступилъ на поприще дѣятельной жизни съ тѣмъ, чтобы никогда уже не оставлять ее. Тутъ иностранцы опять вмѣшались въ домашнія распри Французовъ: графъ Палатинъ, Іоаннъ Казимиръ, привелъ на помощь союзниковъ сильное войско. Устрашенный Генрихъ поручилъ матери купить миръ какою бы то ни было цѣною. Сопровождаемая придворными дамами, Медичи 1576
явилась къ герцогу Алансонскому, тронула его своими просьбами, но миръ заключила постыдный для короля, противный благу Франціи, миръ, которымъ выгоды престола и католической религіи равно были пожертвованы. Герцогъ Алансонскій получилъ Анжу, Турень, Берри со всѣми доходами; протестантамъ дозволе-

но отправлять свое богослуженіе во всемъ королевствѣ, исключая Парижа; кромѣ того, имъ предоставили право въ каждомъ парламентѣ имѣть голосъ, наравнѣ съ католиками, въ дѣлахъ спорныхъ, а въ залогъ соблюденія условій отдали восемь городовъ, гдѣ они могли содержать гарнизонъ.

1576 Мирный трактатъ сей далъ начало лигѣ, которая въ свою очередь была причиною осьмнадцатилѣтнихъ внутреннихъ войнъ. Еще прежде были частные, хотя и слабые союзы для поддержанія католической религіи: этотъ союзъ былъ общій, охватившій собою всю Францію. Онъ основывался на защитѣ древней вѣры отъ всѣхъ враговъ; тайною цѣлію его было изгнаніе дома Валуа и перемѣна династіи: такую цѣль знали одни предводители. Средства лиги заключались въ пожертвованіяхъ фанатиковъ, ничего нещадившихъ для своего дѣла, въ распространеніи сочиненій, воспламенявшихъ умы, во вліяніи духовенства, въ буллахъ папы и въ деньгахъ и войскахъ Филиппа II, который хотѣлъ во Франціи истребить Нидерландскихъ инсургентовъ, и льстилъ себя надеждою, что Французы, утомленные волненіями и страданіями, будутъ искать успокоенія въ его объятіяхъ. Душею лиги былъ Генрихъ, герцогъ Гюизъ, сынъ Франциска. Въ послѣднюю войну съ протестантами, этотъ юный герой былъ раненъ при Лангрѣ (Langres) въ сраженіи съ

врагами государства, и получилъ за то прозванiе Balafré (имѣющiй на щекѣ рубецъ). Въ немъ соединялись всѣ необходимыя въ сiю бѣдственную эпоху качества для предводителя партiи: знаменитый родъ, имя, любезное для Францiи и католической религiи, величественная наружность, быстрая рѣшительность, умъ плодовитый, дѣятельный и неограниченное честолюбiе. Можно сказать, что кардиналъ Лотарингскiй, его дядя, образовалъ проектъ лиги послѣ битвы при Дре. Генрихъ Гюизъ осуществилъ сiю пагубную идею съ согласiя папскаго легата и Испанскаго посланника. Сначала планъ его не былъ такъ обширенъ, какъ въ послѣдствiи: онъ распространялся вмѣстѣ съ успѣхами. Первая цѣль состояла только въ томъ, чтобы устрашить короля, и именемъ его управлять Францiею.

По послѣднему трактату, заключенному съ протестантами, положено было созвать генеральные штаты. Они и были созваны въ Блоа. 1576
Боденъ, извѣстный своимъ патрiотизмомъ и сочиненiями, возвышалъ голосъ разсудка посреди неистовыхъ криковъ. Блоаскiе штаты хотѣли ограничить королевскую власть постояннымъ комитетомъ выбранныхъ изъ среды своей депутатовъ. Мѣра эта могла быть гибельною и для народа и для государя; она не уничтожила бы зла, но ослабила бы навсегда королевскую власть, которая въ послѣдствiи

долженствовала дать Франціи новую жизнь. Боденъ защищалъ свое мнѣніе умно и сильно; но, можетъ быть, его сопротивленіе и не имѣло бы успѣха, если бы самые штаты не раздѣлились во мнѣніяхъ: заключенія положительнаго не состоялось.

Генрихъ, выведенный лигою изъ своего усыпленія, надѣялся противопоставить народное желаніе могуществу партіи. Въ блескѣ явился онъ на собраніе штатовъ, гдѣ тщетно употребилъ все свое природное краснорѣчіе, чтобы привлечь къ себѣ умы. Не имѣя такимъ образомъ возможности уничтожить союзъ открытою силою, но измѣряя всю грозившую ему опасность, онъ рѣшился на поступокъ, изумившій всѣ партіи: намѣреніе его было самому стать въ главѣ лиги, приступить къ союзу, тайно противъ него направленному. Такое средство было болѣе странно, нежели умно. Конечно король всего скорѣе могъ согласиться съ ревностными католиками, но въ то же время дѣло шло объ объявленіи войны протестантамъ. Притомъ же и начальники лиги не могли вѣрить чистосердечію Генриха, а потому и рѣшительность его казалась имъ явнымъ доказательствомъ его безсилія. Вообще легко было предвидѣть, что они представятъ фанатикамъ союзъ короля, какъ военную хитрость и новый знакъ его лицемѣрства.

По крайней мѣрѣ послѣ такого рѣшительнаго поступка, непримирившаго союзниковъ съ королемъ, показавшимъ свою слабость, надлежало усердно принять сторону лиги, избѣгая тѣхъ полу-мѣръ, которыя, при внутреннихъ войнахъ, волнуютъ всѣ партіи. Генрихъ почувствовалъ необходимость этого, разорвалъ миръ съ протестантами и началъ войну. Но дѣйствія 1577
шли медленно. Король нуждался въ войскѣ, въ деньгахъ, и особенно въ открытомъ желаніи. Онъ боялся увеличить притязанія союзниковъ, дѣйствуя строго противъ кальвинистовъ. Бержеракскій эдиктъ, оставившій за реформатами крѣпости и голосъ въ парламентѣ, взволновалъ католиковъ. Гюизъ, папа, Испанія, для большаго воспламененія своихъ приверженцевъ, дѣйствовали проповѣдями. Хотя недостатокъ средствъ и твердое поведеніе короля Наварскаго и принца Конде еще удерживали стремительность союзниковъ, но смерть герцога Алансонскаго, единственнаго брата короля, про- 1584
извела новые безпорядки. Этотъ предпріимчивый принцъ, во все вмѣшивавшійся, но ничего неприводившій къ концу, умеръ скоропостижно въ то самое время, когда онъ уже игралъ въ Нидерландахъ роль, достойную своего характера. Пока онъ былъ живъ, честолюбивый Гюизъ не употреблялъ въ дѣйствіе тѣхъ огромныхъ средствъ, которыя были въ его рукахъ. Что повлекло бы за собою низложеніе Генри-

ха? Братъ вступилъ бы на престолъ послѣ него; но смерть герцога Алансонскаго открыла Гюизу обширную и неожиданную перспективу. Лига представляла собою искусно приготовленное средство для произведенія великаго переворота съ какою бы то ни было цѣлію. Теперь эта цѣль была опредѣлена. Король не имѣлъ дѣтей. Генрихъ Наварскій, какъ еретикъ, не могъ ему наслѣдовать. Герцогъ Гюизъ уже мечталъ видѣть себя на престолѣ. Услужливые генеалогисты произвели его по прямой линіи отъ Карла Великаго, объявивъ, что поколеніе Капета и Валуа есть династія незаконная. Папа обѣщалъ содѣйствовать своими буллами. Италія также рукоплескала этому плану. При ниспроверженіи порядка преемничества и при отдаленіи отъ престола законнаго наслѣдника, Филиппъ надѣялся вручить скипетръ Франціи принцу или принцессѣ изъ своего дома. Хитрый и смѣлый Гюизъ рѣшился на нѣсколько времени воспользоваться именемъ кардинала Карла Бурбона, дяди короля Наварскаго, для прикрытія своихъ честолюбивыхъ замысловъ и личныхъ видовъ.

Генрихъ, устрашенный безпрерывно возраставшею дерзостію сочиненій и дѣйствій союзниковъ, хотѣлъ употребить ту же политику, которой слѣдовала его мать при началѣ междоусобій, т. е. придерживаться протестантовъ и католиковъ, партіи Гюизовъ и короля Навар-

скаго, попеременно ослабляя и возвышая ихъ. Но эта хитрость теперь совершенно не согласовалась съ обстоятельствами. Принужденный объявить себя за или противъ союзниковъ, король заключилъ съ ними Немурскій трактатъ, въ силу коего отдалъ имъ десять крѣпостей, 1585
требуя у Гугенотовъ полученныя ими по прежнимъ договорамъ.

Война была неизбѣжна; она вспыхнула. Генрихъ, вопреки своему желанію, долженъ былъ бороться съ протестантами, и къ своей невыгодѣ. Наварскій король, предводительствуя немногочисленною, но приверженною къ нему арміею, одержалъ при Кутрасѣ (Coutras) побѣду надъ королевскимъ войскомъ, находившимся
подъ начальствомъ Жойеза (Joyeuse), любимца 1587
Генриха III, павшаго въ сей битвѣ. Гюизъ, ни на минуту не теряя изъ виду своего плана, воспользовался симъ случаемъ, чтобы очернить короля предъ народомъ, обвиняя его въ тайныхъ сношеніяхъ съ протестантами. Въ это же самое время онъ получилъ изъ Рима буллу, которая объявляла Наварскаго короля и принца Конде лишенными правъ на корону, и провозглашала стараго кардинала первымъ принцемъ крови.

Между тѣмъ Парижъ сдѣлался вмѣстилищемъ безпорядковъ и центромъ союзническихъ дѣйствій. Умы волновались; мятежники очень удобно могли отдавать приказанія, распростра-

нять впечатлѣнія, сообщать идеи для своихъ успѣховъ. Многочисленное, невѣжественное и бѣдное народонаселеніе, которому обѣщана была добыча, взялось за оружіе. Люди болѣе просвѣщенные явились въ главѣ новаго войска. Депутаты шестнадцати Парижскихъ кварталовъ составили для управленія общиною совѣтъ, распространившій посредствомъ сношеній и сочиненій свою власть по всей Франціи. Фанатики раздѣлили между собою власть. Честные граждане страдали, молчали, и своимъ молчаніемъ и бездѣйствіемъ портили успѣхъ общаго дѣла. Въ разговорахъ не отдѣляли религіи отъ Гюиза. Ненависть къ королю достигла высшей степени: ему угрожали явно. Герцогъ Гюизъ, наголову разбившій войско Нѣмцевъ, съ которымъ Наварскій король могъ бы соединиться, еслибы не потерялъ драгоцѣннаго времени, гордясь своею побѣдою, выступилъ къ Парижу, съ намѣреніемъ предписывать тамъ законы. Хотя король и запретилъ ему являться въ столицу, но это запрещеніе не удержало честолюбца. Его прибытіе еще болѣе воспламенило умы. Для своей безопасности, Генрихъ ввелъ въ Парижъ отрядъ Швейцарскихъ войскъ. Но народъ, видя бездѣйствіе отряда и приписывая это трусости, напалъ на него и принудилъ отступить. Тогда цѣпи разставлены были по Парижскимъ улицамъ; до самаго Лувра дорога была загорожена, и Гюизъ долженъ былъ вос-

пользоваться всѣмъ своимъ вліяніемъ надъ умами, чтобы отвратить убійство Швейцарцевъ. Эта услуга ясно показала королю всю ничтожность его власти, и всю обширность могущества Гюиза. Генрихъ III поспѣшно оставилъ 1588
Парижъ, а между тѣмъ Катерина Медичи усыпляла врага притворными переговорами; Гюизъ съ своей стороны рѣшился воспользоваться отсутствіемъ короля, чтобы показать всю свою власть. Такимъ образомъ, смѣнивъ многихъ чиновниковъ, онъ назначилъ другихъ; овладѣлъ Бастиліею, уже готовился низвергнуть съ престола послѣдняго Валуа, чтобы самому овладѣть короною, но отложилъ на время исполненіе своего плана, потому что хотѣлъ дать этому дѣлу законный видъ, или ожидалъ, пока самые отважные характеры устрашатся его. Генрихъ опять прибѣгнулъ къ переговорамъ. Протестантовъ положено было истребить. Гюизъ получалъ такую власть, которая дѣлала его почти независимымъ, и для рѣшенія сихъ вопросовъ собраны были штаты въ Блоа. Ко- 1588
роль надѣялся найти въ этомъ народномъ собраніи опору противъ Гюиза, привлечь на свою сторону народъ и тѣмъ погубить своего врага. Но при открытіи штатовъ, Генрихъ съ ужасомъ узналъ, что большая часть депутатовъ на сторонѣ союзниковъ, и что союзный эдиктъ объявленъ государственнымъ закономъ. Гюизъ, говоря тономъ властителя, предложилъ лишить

короля всей власти. Въ это мгновеніе Генрихъ ободрился, но въ гнѣвѣ показалъ себя еще болѣе безсильнымъ: онъ не отважился открыто вступить въ борьбу съ мятежнымъ подданнымъ, и Гюизъ палъ подъ ударами тайныхъ убійцъ.

Еслибы король немедленно послѣ того отправился въ Парижъ, онъ могъ бы нанести рѣшительный ударъ, и для возвращенія своей власти воспользоваться всеобщимъ изумленіемъ при полученіи извѣстія о смерти Гюиза; но всегда недѣятельный, всегда вѣрный своему характеру, Генрихъ упустилъ самое нужное время. Въ Парижѣ распространилось сильное негодованіе. Испанскій посланникъ и союзъ Шестнадцати поддерживали волненіе умовъ. Герцогиня Монпансье, сестра Гюиза, лично ненавидѣвшая Генриха III, воспламеняла народъ къ отмщенію. Майенъ заступилъ мѣсто брата въ управленіи союзомъ. Болѣе благоразумный, болѣе умѣренный, хотя и не съ такою смѣлостію, онъ конечно не отказался отъ предложеній почести; но именно отъ недостатка смѣлости онъ и не могъ воспользоваться обстоятельствами.

Блоасскіе штаты назначили комплектъ изъ сорока особъ для управленія дѣлами государства. Генрихъ былъ отлученъ, и единственное убѣжище могъ найти въ лагерѣ протестантовъ: того требовала личная его безопасность. Король Наварскій, изъ политики, принялъ его послѣ

свиданія въ замкѣ Плесси-ле-Туръ. Оба отправились къ Парижу для потушенія мятежа; войско кальвинистовъ усилилось всѣми роялистами, чуждыми партій и врагами Гюизовъ; благонамѣренные граждане вновь оживились лестными ожиданіями. Но въ ту самую минуту, когда дѣла принимали благопріятный для Генриха оборотъ, онъ былъ убитъ въ Сенъ- 1589
Клу однимъ Доминиканцемъ, Яковомъ Клементомъ, отчаяннымъ фанатикомъ.

Такъ погибъ послѣдній потомокъ Валуа. Умирающій Генрихъ назначилъ преемникомъ своимъ короля Наварскаго, который вскорѣ и былъ провозглашенъ всею арміею. Онъ принялъ названіе Генриха IV; но государство не признавало его, такъ что ему надлежало завоевывать снова свои собственныя владѣнія. Союзники раздѣлились, хотя всѣ единодушно и отвергали короля протестантскаго; но одни назначали корону Майеню, другіе предпочитали ему кардинала Бурбона, старика слабаго тѣломъ и духомъ; третья партія, впрочемъ немногочисленная, склонялась на сторону Испаніи. Майень, по слабости или по своему мнительному характеру, не принявшій короны, самъ провозгласилъ кардинала Бурбона, подъ именемъ Карла X, и удовольствовался однимъ ти- 1589
туломъ генералъ-лейтенанта королевства. Генрихъ IV, оставленный большею частію своего войска, видѣвшаго его неудачи, принужденъ

былъ удалиться въ Нормандiю. Майень по-
1589 слѣдовалъ за нимъ. Близъ Арка храбрый Генрихъ восторжествовалъ надъ союзниками и Испанцами. На слѣдующiй годъ, побѣда болѣе рѣшительная и совершеннѣйшая надъ Майенемъ, близъ Иври, увеличила славу Генриха, но не улучшила его положенiя. Ослѣпленная Францiя отвергала того, кому суждено было осчастливить ее.

Карлъ X скоро умеръ. Лига отказывалась признать законнаго наслѣдника. Самъ Майень во всемъ повиновался Шестнадцати, которые, во время его отсутствiя, производили неслыханныя жестокости, надѣясь устрашить тѣмъ добросовѣстныхъ гражданъ. Посреди всеобщаго безпорядка, правители областей хотѣли, раздробивъ королевство, сдѣлаться независимыми владѣтелями. Филиппъ настоятельнѣе началъ дѣйствовать и войсками и деньгами для возведенiя на престолъ своей дочери. Въ слѣдствiе его повелѣнiй Александръ Пармскiй вступилъ во Францiю съ многочисленнымъ отрядомъ для остановленiя успѣховъ Генриха IV. Принужденный снять блокаду Парижа, Генрихъ съ прискорбiемъ видѣлъ, что война затягивается надолго, а развязка болѣе и болѣе удаляется; его увѣрили, что единственное средство разстроить союзъ и успокоить государство состоитъ въ принятiи католической религiи. Наконецъ онъ уступилъ настоятельнымъ убѣжденi-

ямъ друзей, и торжественно отрекся отъ протестантизма въ Сенъ-Дени *), посреди восторга и благословеній безчисленнаго множества народа, который въ этомъ обрядѣ видѣлъ конецъ своихъ бѣдствій и эпоху возстановленія порядка и законовъ.

Вскорѣ обнаружились благодѣтельныя слѣдствія сего событія. Парижъ отворилъ ворота своему королю. Предводители союзниковъ объявили желаніе вступить въ переговоры. Каждый изъ нихъ старался получить выгодныя условія, и потому дорого продавалъ повиновеніе. Самъ Мэнъ положилъ оружіе. Кардиналъ Осса 1594

*) Дѣйствовалъ ли Генрихъ въ этомъ случаѣ по убѣжденію или по расчету? Этотъ фактъ всегда останется сомнительнымъ. Кардиналъ дю Перронъ, его наставникъ въ католической религіи, имѣлъ на своей сторонѣ все необходимое для убѣжденія: блистательный и тонкій умъ, глубокія свѣдѣнія и даже увлекательное краснорѣчіе. Такого соединенія качествъ было болѣе нежели достаточно для возвращенія въ нѣдра католицизма того государя, который уже исповѣдывалъ его и который, для примиренія съ совѣстію, желалъ тайно быть убѣжденнымъ. По крайней мѣрѣ выборъ дю Перрона весьма хорошо могъ перемѣнить мнѣніе и заставить другихъ повѣрить, что Генрихъ уступилъ только силѣ доказательствъ. Но разсужденія Сюлли о сей эпохѣ жизни своего государя, и нѣкоторыя шутки самого Генриха, могутъ поселить сомнѣніе, касательно его искренности. Въ отношеніи нравственномъ, если онъ не былъ убѣжденъ, такой поступокъ извиняется обстоятельствами,

(Ossat), посланный Генрихомъ въ Римъ, примирилъ своего государя съ папою, частію твердостію, частію покорностію, и получилъ разрѣшеніе. Филиппъ II видѣлъ уничтоженіе своихъ проектовъ. Онъ хотѣлъ раздробить Францію, а она осталась въ цѣлости; онъ надѣялся, что государство погибнетъ, раздираемое внутренними войнами, но народъ, послѣ долговременнаго заблужденія, обратился къ Генриху IV, обѣщавшему возстановить потерянный блескъ; Филиппъ льстилъ себя увѣренностію, что бѣдствія Франціи утвердятъ въ Европѣ преобладаніе Испаніи, и что для нее не останется ни

но не оправдывается. Въ отношеніи политическомъ, вопросъ всегда казался рѣшенымъ: говорили и повторяли, что одна перемѣна религіи могла Генриху доставить престолъ и успокоить Францію. Можно и несогласиться съ такимъ мнѣніемъ. Всеобщее утомленіе умовъ и желаніе спокойствія обратили бы Французовъ къ законному государю, еслибы онъ остался и протестантомъ, а личныя его качества восторжествовали бы надъ всѣми предразсудками и опасеніями. Притомъ обращеніе не привлекло къ нему ревностныхъ католиковъ, всегда сомнѣвавшихся въ его искренности; оно не успокоило духовенства, требовавшаго уничтоженія реформатовъ; оно не искоренило фанатизма, но взволновало протестантовъ, обвинявшихъ Генриха въ легкомысліи и неблагодарности. Чтобы успокоить ихъ, онъ вынужденъ былъ обнародовать знаменитый Нантскій эдиктъ, который, какъ дурно обдуманный, сдѣлался причиною новыхъ безпокойствъ и бѣдствій.

одного соперника: теперь ему грозили новыя опасности. Конечно Франція казалась истощенною, но она владѣла огромными средствами, а онъ самъ себя ослабилъ стараніемъ погубить другихъ. По гордости, онъ не хотѣлъ отказаться отъ напрасной растраты сокровищъ, но день Fontaine-Française уничтожилъ всѣ его надежды: переговоры открылись въ Вервенѣ между Испаніею и Франціею. Бельевръ и Силлери, ни сколько не пожертвовавъ существеннымъ могуществомъ Франціи, достойно приготовили это могущество во мнѣніи. Послѣ двадцати осьми-лѣтнихъ битвъ, преступленій и несчастій, Филиппъ получилъ одно графство Шаролуа, предчувствуя притомъ благоденствіе, ожидаемое Франціею. 1598

Дарованія Генриха, и несогласіе его враговъ должны были привести дѣло къ развязкѣ. Фанатизмъ ослабѣлъ; умы утомились; характеръ и качества короля довершили остальное. Можетъ быть, Генрихъ IV никогда не достигъ бы престола, еслибы послѣдовалъ совѣтамъ тѣхъ, которые внушали ему искать помощи у чужеземцевъ. Своимъ запоздалымъ, но блистательнымъ торжествомъ, онъ обязанъ былъ собственному своему мужеству и постоянству, недоводившимъ его до отчаянія. Оставшись въ отечествѣ, и ежедневно, какъ послѣдній солдатъ, подвергая жизнь свою опасности, онъ возбудилъ тѣмъ другихъ къ пожертвованіямъ.

У его приверженцевъ была точка соединенія; его примѣръ подкрѣплялъ людей энергическихъ, ободрялъ робкихъ, двигалъ впередъ нерѣшительныхъ, а обязанность, олицетворенная его чертами, придавала честнымъ гражданамъ и мужество и добродѣтель.

Хотя Генрихъ и вступилъ на престолъ, однако его окружали еще опасности и враги; надобно было уничтожить первыя, привлечь на свою сторону вторыхъ, указать имъ на новый порядокъ вещей, дѣйствуя въ этомъ случаѣ страхомъ и надеждою. Франція очистила себя отъ наводнявшихъ ее чужеземцевъ; народъ утомился безпорядками и предсказывалъ себѣ благодѣтельное царствованіе Генриха; но союзники опасались справедливаго мщенія; умы были наполнены недовѣрчивостію и подозрѣніемъ. Порокъ не легко вѣритъ добродѣтели: люди, погрязшіе въ преступленіяхъ, всегда остававшіеся непримиримыми, не могли довѣрчиво поручить себя милосердію побѣдителя. Тѣ, которые сражались противу короля, конечно ожидали, что онъ предпочтетъ имъ своихъ приверженцевъ; они съ горестію и негодованіемъ видѣли, что власть и богатства, ускользнувъ отъ нихъ, перейдутъ въ другія руки. Генрихъ обманулъ всѣ опасенія, превзошелъ всѣ надежды, поступками истинно великодушными. То, что другіе дѣлали изъ политики, онъ все дѣлалъ по сердечному влеченію. Его великая, никогда

непомнившая зла душа потому и прощала легко, что имѣла потребность въ забвеніи всѣхъ оскорбленій. Онъ зналъ, что единственное средство предупредить безпокойство, состояло въ сближеніи людей изъ всѣхъ партій, въ взаимномъ примиреніи Французовъ, во внушеніи собственнымъ благородствомъ благородныхъ чувствованій даже самымъ злѣйшимъ своимъ противникамъ. Праводушный тонъ, простое обращеніе, рыцарская откровенность вскорѣ увѣрили всѣхъ въ его искренности: такимъ образомъ ему удалось потушить ненависть, успокоить страсти, грозившія государству. Безкорыстіе сотрудниковъ облегчало короля въ столь великомъ дѣлѣ. Враждебная партія не только не лишилась какихъ либо выгодъ, но главы лиги получили мѣста, отличія, титулы: люди добросовѣстные ни сколько не оскорблялись этимъ; довольные спасеніемъ Франціи чрезъ возложеніе короны на главу Генриха, они замѣнили симъ благороднымъ чувствованіемъ всякую другую награду. Для ихъ сердца достаточно было дружбы къ нимъ короля; они гордились тѣмъ, что Генрихъ, увѣренный въ ихъ вѣрности, осыпаетъ милостями тѣхъ, которые не имѣли счастія любить его.

Нечувствительно изглаживалось воспоминаніе о прошедшемъ; явились новыя обыкновенія; раздоры прекратились; Французы научились любить другъ друга; партіи образовали

одинъ народъ. Тогда Генрихъ съ успѣхомъ могъ приступить къ изцѣленію государства, къ уничтоженію всѣхъ слѣдовъ внутреннихъ войнъ. При вступленіи его на престолъ, Франція представляла дымящіяся развалины и необработанныя поля. Все было разрушено; земледѣліе, промышленость, торговля, погибли отъ недостатка общественной безопасности. Въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, всѣ отрасли народнаго богатства возродились новою жизнію; Франція возстала изъ своего пепла, болѣе мощная и болѣе блистательная. Чистыя намѣренія Генриха IV, умъ и дѣятельность Сюлли произвели эти чудеса: они доказали свѣту, до какой степени можетъ благоденствовать народъ при такомъ государѣ и при такомъ министрѣ.

Какъ ни любопытно было бы смѣнить изображеніе свирѣпствовавшихъ страстей картиною твореній генія и добродѣтели, но порядокъ фактовъ заставляетъ насъ отложить на время это удовольствіе. Прежде нежели мы увидимъ, какъ Франція, внутреннимъ развитіемъ своихъ силъ, пріобрѣтетъ грозный для Испаніи перевѣсъ, намъ надобно обратить вниманіе на событія, лишившія Испанію нѣкоторыхъ областей и на царствованіе Елисаветы въ Англіи. Если съ одной стороны деспотизмъ Филиппа погибъ во Франціи отъ Генриха IV; то съ другой онъ былъ разрушенъ и собственными подданными Филиппа. Безпокойства въ

Нидерландахъ, гдѣ Испанія потеряла свои войска и сокровища, отвлекли ее отъ участія во внутреннихъ войнахъ Франціи, а эти войны, въ свою очередь, благопріятствовали безпокойствамъ въ Нидерландахъ и происхожденію республики Соединенныхъ Штатовъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Состояніе Нидерландовъ до Филиппа II. Судьба ихъ со времени вступленія его на престолъ. Министерство Гранвеллы. Неблагоразумныя измѣненія. Начало безпокойствъ. Ходъ ихъ при Альбѣ, Реквесенсѣ и Донъ Жуанѣ. Вильгельмъ отдѣляетъ сѣверныя области отъ южныхъ. Утрехтскій союзъ. Образованіе Голландской республики.

Всемірная Исторія представляетъ мало столь важныхъ событій, какъ переворотъ, который отдѣлилъ отъ Испанской монархіи семь областей, создалъ въ Европѣ новое государство, измѣнилъ всѣ политическія и торговыя отношенія, и довелъ до постыднаго банкротства обладателя рудниковъ Новаго Свѣта. Народъ, занимавшійся рыбною ловлею и разведеніемъ стадъ, жившій посреди болотъ, оспоривая у природы

свое существованіе, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сопротивлявшійся сильнѣйшей Европейской державѣ, самъ даетъ себѣ, посреди бурь, новое правленіе, одною рукою сражается съ Испанцами, другою отстраняетъ отъ своихъ береговъ море, ему угрожающее, и преодолѣвая неимовѣрные труды, оплодотворяетъ землю, завоеванную у Океана. Какъ будто изъ глубины водъ возстаютъ цвѣтущіе и населенные города, которые соперничествуютъ съ первыми торговыми народами въ промышлености и богатствѣ; является государство, которое въ одно и тоже время, когда его существованіе въ Европѣ остается еще загадкою, покрываетъ моря побѣдоносными флотами, потрясаетъ въ обѣихъ Индіяхъ основаніе могущества своего врага и пріобрѣтаетъ подданныхъ и цѣлыя области; которое, при скудной почвѣ, снабжаетъ всѣмъ Европу, и достигнувъ быстро степени благоденствія, изумляетъ всѣ прочія державы. Безъ сомнѣнія, такой феноменъ поразителенъ: онъ долженъ былъ изумить міръ. Между степенью возвышенія, до которой дошелъ сей народъ, и первобытнымъ его состояніемъ, промежутокъ кажется необозримымъ, и вотъ почему необходимо разсмотрѣть событія, рѣшившія его судьбу.

Народы, обитающіе между Шельдою, Маасомъ, Рейномъ и Сѣвернымъ моремъ, принадлежатъ къ Германскому происхожденію. Всегда

отличаясь храбростію и трудолюбіемъ, характеромъ флегматическимъ, они не имѣли ни пороковъ, ни добродѣтелей, свойственныхъ живому и пылкому воображенію. Римляне уважали ихъ за храбрость, которою часто сами пользовались; но когда они вздумали поработить Батавовъ своей власти, то увидѣли, что это не такъ легко. Послѣ паденія имперіи, Батавы перешли подъ власть Франковъ, или лучше, они участвовали съ ними въ побѣдахъ. Въ продолженіе среднихъ вѣковъ, они раздѣляли судьбу съ прочею Германіею, и у нихъ также утвердилось феодальное правленіе съ нѣкоторыми мѣстными измѣненіями. Сѣверныя области, менѣе способныя къ земледѣлію, менѣе имѣли и помѣстныхъ владѣльцевъ, нежели провинціи южныя. Въ ту эпоху, когда споры Римскаго двора съ имперіею представляли поземельнымъ владѣльцамъ и правителямъ областей, графамъ и герцогамъ, возможность дѣлаться независимыми, и когда всѣ воспользовались этимъ случаемъ для пріобрѣтенія болѣе или менѣе обширной власти, въ Нидерландахъ возникли графства Геннегау, Голландія, Фрисландія, Мехельнъ, Артуа, Фландрія, а въ послѣдствіи явилось столько же отдѣльныхъ владѣній, сколько было областей. Благопріятныя обстоятельства создали въ сихъ странахъ, скорѣе нежели въ прочей Европѣ, богатое и сильное среднее сословіе. Сосѣдство моря и большихъ судоход-

ныхъ рѣкъ приглашали Белговъ и Батавовъ къ торговлѣ. Между тѣмъ какъ вездѣ существовало только два сословія: духовенство и дворянство, во Фландріи и Брабантѣ среднее сословіе уже пріобрѣло право участія въ общественныхъ дѣлахъ. Бургундскій домъ пріобрѣлъ всѣ сіи провинціи, въ XV столѣтіи, посредствомъ выгодныхъ брачныхъ союзовъ, условій и покупокъ. Филиппъ Смѣлый, младшій сынъ Іоанна Добраго, короля Французскаго, получивъ отъ отца Бургундію, положилъ начало счастію своего дома. Онъ женился на графинѣ Маргаритѣ Фландрской, и получилъ за нею графства:
1369 Фландрію, Артуа, Салень и Мехельнъ. Преемники его также были счастливы. Филиппъ Добрый, его внукъ, пріобрѣлъ Намуръ по
1428 договору съ послѣднимъ графомъ; герцогства
1430 Брабантское и Лимбургское смертію герцога Филиппа, своего двоюроднаго брата; графства Геннегау, Голландію, Зеландію, западную Фрисландію по условію съ Жакелиною Баварскою, наслѣдницею сихъ областей, а Люксенбургъ уступила ему принцесса Елисавета, внука императора Карла IV. Такимъ образомъ соединеніе всѣхъ областей образовало, вмѣстѣ съ Бургундіею и Франшъ-Конте, массу могущества, которой не доставало только титула, чтобы стать на ряду съ первыми монархіями.

Нидерланды были центромъ обширной торговли, соединявшей сѣверъ и югъ Европы. Дѣя-

тельная промышленость образовала въ нихъ прекрасныя шерстяныя мануфактуры, коихъ произведенія Белги вымѣнивали на Индѣйскіе товары, покупаемые ими у Венеціянъ и потомъ распространяемые по странамъ сѣвернымъ. Богатый и населенный Антверпенъ, послѣ Венеціи, былъ первый торговый городъ въ Европѣ. Съ нимъ соперничествовали Гентъ, Бригге, Мехельнъ, Брюссель. Трудъ произвелъ въ этихъ городахъ изобиліе; изобиліе породило роскошь, а искусства умножали свои произведенія для разнообразія потребностей и удовольствій жизни. Дворъ герцоговъ Бургундскихъ отличался блескомъ и великолѣпіемъ предъ всѣми Европейскими дворами.

Гигантскіе замыслы Карла Смѣлаго, и смерть его, уничтожившая ихъ, были бѣдствіемъ не только для Нидерландовъ, но и для цѣлой Европы. Плачевная, преждевременная кончина Карла сгладила съ карты политическаго свѣта независимую державу, которая, въ послѣдствіи, могла бы предупредить кровавыя войны Франціи съ Австріею, съ успѣхомъ противиться честолюбивымъ намѣреніямъ той и другой, упрочить самостоятельность Германіи и утвердить въ Европѣ равновѣсіе. Но вмѣсто такого блистательнаго и полезнаго назначенія, герцогство Бургундское сдѣлалось провинціею другаго государства, предметомъ и театромъ раздоровъ между Франціею и Австріею. Это богатое на-

слѣдіе перешло въ домъ Габсбургскій, по бракосочетанію Маріи, единственной дочери Карла, съ Максимиліаномъ I. Филиппъ Красивый, сынъ ихъ, женившись на Іоаннѣ Кастильской, приготовилъ присоединеніе сихъ областей къ Испанской монархіи. Карлъ V получилъ это великолѣпное наслѣдіе.

Родившись и получивъ воспитаніе во Фландріи, онъ любилъ сіи области преимущественно предъ прочими своими владѣніями. Его характеръ сходствовалъ съ характеромъ народа. Онъ очень часто жилъ во Фландріи, считая ее средоточіемъ своей дѣятельной сферы и главнымъ источникомъ своего могущества. Фламандцы ревностно помогали ему во всѣхъ предпріятіяхъ. Они уважали личныя качества императора; принимали участіе въ его славѣ, обращая его обширные замыслы въ пользу своей торговли. Эта торговля, въ сравненіи съ Италіянскою, пострадала гораздо менѣе отъ открытій Васко де Гамы и Коломба, потому что Фламандцы прямо никогда не участвовали въ Индѣйской торговлѣ: золото Испанское поддерживало ихъ обороты. Карлъ умѣлъ владѣть умами, зналъ привычки и любимыя правила своихъ соотечественниковъ, и потому употреблялъ ихъ для своихъ видовъ, благопріятствуя между тѣмъ формамъ, освященнымъ обычаями страны. Онъ требовалъ отъ нихъ большихъ пожертвованій, и безъ труда получалъ ихъ, потому

что имѣлъ даръ увѣрять, что сіи пожертвованія невынужденныя. Карлъ округлилъ свои владѣнія съ этой стороны, и первый соединилъ подъ своимъ скипетромъ семнадцать областей Нидерландскихъ *).

Каждая изъ сихъ областей имѣла особенные законы и особенное устройство. Власть свою государь раздѣлялъ съ штатами, смотря по различнымъ формамъ и обстоятельствамъ. Организація штатовъ имѣла свои отличія въ той или другой провинціи: состоя изъ духовенства, дворянства и городскихъ жителей, они изъ каждаго сословія посылали отъ себя представителей, но степень ихъ вліянія и мѣра власти также были различны. Государь ничего не могъ рѣшать важнаго безъ участія сихъ сословій. Въ одномъ мѣстѣ представительныя формы заключали его въ слишкомъ тѣсный кругъ, и тѣмъ препятствовали возможности дѣлать добро; въ другомъ онѣ были слабѣе. Всѣ чув-

---

*) Герцогъ Георгъ Саксонскій продалъ Карлу V свои права на Фрисландію. Оверъ-Иссель самъ добровольно покорился въ 1528. Въ этомъ же году, Утрехтскій епископъ отказался, въ пользу императора, отъ своей свѣтской власти. Герцогъ Гельдерна былъ принужденъ согласиться на присоединеніе Гренингена въ 1536; и наконецъ герцогъ Клеве уступилъ Гельдернъ и страну Цитфенъ, которые ему достались по раздѣлу послѣ смерти Карла Егмонта, и которыхъ удержать за собою онъ былъ не въ состояніи.

ствовали необходимость дать болѣе правильный образъ правленію, но политическія узаконенія были несовершенны.

Такимъ образомъ Нидерланды составляли однородную массу, относительно языка, происхожденія, нравовъ и обычаевъ народа; но въ политическомъ отношеніи они не являли одного цѣлаго, состоя изъ слишкомъ разнородныхъ стихій. Законы, утвердившіеся въ какой нибудь области, опредѣлявшіе основныя правила управленія, часто останавливали ходъ дѣлъ, а иногда и противились полезнымъ преобразованіямъ. Карлъ не любилъ однообразія. Зная очень хорошо Фламандцевъ, онъ твердо былъ убѣжденъ, что у нихъ не можно достигнуть цѣли общественнаго порядка тѣми же средствами и тѣми же формами, какими въ Испаніи или въ Италіи; особенно онъ зналъ, что у народа, столь привязаннаго къ своимъ обычаямъ, не должно вводить быстрыхъ измѣненій; что этотъ народъ воспротивится самымъ мудрымъ законамъ, если они будутъ ему предложены силою, и что, для прочности и пользы всякаго нововведенія, должно приготовить его въ общественномъ мнѣніи. Впрочемъ всегда желая изъ семнадцати провинцій составить одно государство, дать управленію ходъ болѣе правильный, болѣе быстрый и болѣе прочный, онъ не терялъ изъ виду сего плана, и трудился надъ нимъ тайно. Присоединеніе обла-

стей къ Германской имперіи, въ которой бы онѣ составляли особый округъ, долженствовало приготовить это важное дѣло. Прагматическая санкція, вводившая въ Нидерланды нераздѣльность, и законъ первородства были замѣтнымъ шагомъ къ исполненію сей цѣли.

Когда Карлъ V отказался отъ всѣхъ коронъ, которыя носилъ съ такою славою, и передалъ ихъ Филиппу, онъ особенно поручалъ его попечительности и любви Нидерланды, и съ горестію разставался съ Фламандцами. Съ своей стороны, не предвидя еще всѣхъ угрожавшихъ имъ бѣдствій, Фламандцы уже чувствовали, сколько они теряютъ при такомъ измѣненіи своей судьбы. Слезы, коими они почтили обрядъ Карлова отреченія, были не столько данію воспоминанія о прошедшемъ, сколько страхомъ будущаго. Зная характеръ Филиппа, они могли справедливо опасаться его царствованія.

Филиппъ въ самомъ дѣлѣ не любилъ Фламандцевъ. Ихъ характеръ противорѣчилъ его характеру, ихъ открытая веселость казалась ему оскорбительною фамиліярностію, простое обращеніе и образъ жизни не соотвѣтствовали его вкусу относительно этикета, при представленіи предъ его лице. Ихъ привязанность къ своимъ законамъ и отечеству казались оскорбительною для его гордости. Фламандцы были богаты; умѣли защищать свои имущества отъ

корыстолюбія сборщиковъ податей; Филиппъ домогался ихъ богатствъ, и сильно негодовалъ на то, что не могъ по своему произволу увеличить налоги.

Фламандцы скоро замѣтили, что Испанскій король мало способенъ управлять ихъ страною. До вступленія его на престолъ, совѣтъ, составленный изъ избранныхъ гражданъ, управлялъ дѣлами внѣшними, распоряжался финансами и завѣдывалъ юстиціею. Легко было предвидѣть, что Филиппъ замѣнитъ его своими министрами, и что эти министры будутъ чужеземцы. Онъ жилъ только съ Испанцами, совѣтывался только съ ними. Послѣ Като-Камбре-
1559 зійскаго мира, онъ рѣшился оставить Фландрію и утвердить свое мѣстопребываніе въ Испаніи, надѣясь, не бывъ свидѣтелемъ объявленія своихъ повелѣній и могущаго открыться сопротивленія, измѣнить организацію Нидерландовъ. Въ этомъ намѣреніи онъ видѣлъ единственное средство увеличить тамъ свою власть и упрочить владычество въ Европѣ. Такимъ образомъ, при отъѣздѣ изъ Фландріи, планъ его уже былъ задуманъ, какъ непремѣнный: религія должна была доставить случай къ его развитію.

Новыя идеи реформаторовъ рано проникли въ Нидерланды. Торговля, производящая обмѣнъ товаровъ, облегчаетъ также обмѣнъ мнѣній, и потому Фламандцы соединились со всѣ-

ми сѣверными народами, у которыхъ реформація сдѣлала быстрые успѣхи. Еще въ царствованіе Карла V новая религія имѣла уже въ сихъ областяхъ многихъ приверженцевъ. Мудрая вѣротерпимость могла бы предупредить безпокойства, предупреждая воспламененіе страстей, а для остановленія фанатизма достаточно было равнодушія и безпристрастія правительства. Карлъ, воюя съ Нѣмецкими протестантами, считалъ обязанностію строго наказывать нововводителей и въ Нидерландахъ. Въ послѣдствіи, опытъ убѣдилъ его въ опасности такой мѣры, и потому при концѣ жизни онъ прибѣгнулъ къ мѣрамъ кроткимъ.

Филиппъ дѣйствовалъ совсѣмъ иначе. Во время пребыванія своего въ Нидерландахъ, онъ съ негодованіемъ смотрѣлъ на успѣхи новаго ученія, и желая уничтожить въ этой странѣ форму правленія, рѣшился прежде всего начать съ религіи и истребить протестантовъ. Таковы были его намѣренія, когда онъ отправлялся въ Испанію, навсегда, самъ того не зная, прощаясь съ Нидерландами. Фламандцы разставались съ нимъ безъ всякаго сожалѣнія, но съ нѣкоторыми справедливыми опасеніями. Правда, они не могли вообразить себѣ всей обширности задуманныхъ имъ мрачныхъ плановъ, но и то, что̀ видѣли, достаточно заставляло ихъ страшиться величайшихъ бѣдствій. Маргарита, дщерь Карла V, супруга Октавія Фарнезе, гер-

цога Пармскаго, назначена была правительницею Нидерландовъ. Выборъ этотъ по видимому успокоилъ Фламандцевъ. Тономъ, походкою, обращеніемъ и вкусомъ принцесса походила болѣе на мужчину; она страстно любила охоту и всѣ сильныя упражненія. Но подъ суровою и мужественною наружностію ея таилось сердце чувствительное: воспитанная Маргаритою Австрійскою, а послѣ смерти ея Маріею, королевою Венгерскою, тетками Карла V, она получила отъ сихъ женщинъ, бывшихъ выше своего пола, прекрасное воспитаніе; рано начала заниматься дѣлами правленія, вникала въ политику всѣхъ Италіянскихъ дворовъ, умѣла цѣнить людей и управлять ими, и по своему дѣятельному, открытому, глубокомысленному уму, могла оставаться и во времена трудныя. Какъ ученица Лойолы, она была ревностная католичка, но безъ фанатизма. Часть жизни ея протекла въ Нидерландахъ; потому она знала страну, любила ее, и всѣ могли ожидать при ея правленіи возвращенія прекрасныхъ дней Карла V.

Но Филиппъ, считавшій всякую умѣренность слабостію, опасаясь, что Маргарита не согласится съ его планами, придалъ ей въ совѣтники кардинала Гранвеллу. Этотъ министръ, пользовавшійся довѣренностію Карла, умѣлъ въ высшей степени пріобрѣсти довѣренность и преемника его. Немногіе люди были такъ спо-

собны, какъ онъ, управлять дѣлами въ критическихъ обстоятельствахъ. Онъ отличался глубокимъ умомъ, обширными познаніями и особенно неутомимою дѣятельностію: день и ночь равно заставали его въ трудахъ. Въ одно и то же время онъ утомлялъ многихъ секретарей, диктуя имъ на разныхъ языкахъ свои приказанія и инструкціи на разные предметы. Краснорѣчіе его было быстро, просто, блистательно. Повѣренный всѣхъ тайнъ своего государя, онъ одинъ зналъ весь объемъ плана относительно Нидерландовъ.

Три человѣка, равно отличные по личнымъ достоинствамъ, происхожденію и богатствамъ, безпокоили Гранвеллу своимъ вліяніемъ на умы, и сильно волновали сопротивленіемъ его планамъ. Всегда обсуживая людей скоро и вѣрно, кардиналъ не могъ опредѣлить характера основныхъ правилъ и средствъ своихъ противниковъ. Въ главѣ ихъ находился принцъ Оранскій, изъ знаменитаго Нассаускаго дома, изъ котораго Германія имѣла императора. Вильгельмъ развилъ свой умъ близъ престола Карла, подъ могущественнымъ вліяніемъ примѣра и уроковъ императора, угадывавщаго въ немъ великаго человѣка. Любя щедрость и пышность, принцъ все расточалъ предъ друзьями, но былъ скупъ на довѣренность; его наблюдательный умъ проникалъ людей и вещи, но самъ оставался непостижимымъ. Съ виду

холодный и даже робкій, онъ являлся пламеннымъ и смѣлымъ ораторомъ: его рѣчи убѣждали, увлекали и подчиняли ему умы всѣхъ. Графъ Егмонтъ раздѣлялъ съ нимъ любовь и удивленіе Фламандцевъ, которые уважали его за побѣды. Но гордость была превыше его дарованій, и военная жизнь оставила въ немъ привычку къ мѣрамъ иногда жестокимъ. Горнъ былъ богаче Вильгельма и Егмонта, но менѣе уважаемъ; впрочемъ и онъ не отступалъ отъ доблестей своихъ предковъ. Происходя отъ одного Французскаго дома, бывшаго въ родствѣ съ Монморанси, онъ доказалъ во время Фландрскихъ войнъ, что былъ достоенъ своего знаменитаго происхожденія. Уступая въ геніѣ Вильгельму и въ военныхъ дарованіяхъ Егмонту, онъ не уступалъ имъ въ любви къ отчизнѣ.

Всѣ трое получили отъ Филиппа значительныя должности, которыя онъ имъ далъ болѣе изъ опасенія, но никто изъ нихъ не пользовался его довѣренностію. Общественное мнѣніе не позволяло ему оставить безъ власти и должностей столь уважаемыхъ людей. Вильгельмъ получилъ управленіе Голландіею, Зеландіею и Утрехтомъ; Егментъ—Артуа; Горнъ—званіе адмирала. Но мѣста сіи не соотвѣтствовали ихъ честолюбивымъ желаніямъ; сіи мнимыя милости не привязали ихъ къ Филиппу. Каждый изъ нихъ думалъ имѣть права на мѣсто Маргариты, и всѣ они не могли равнодуш-

но смотрѣть на Гранвеллу, который пользовался совершенною властію подъ именемъ правительницы, и который, какъ чужеземецъ, былъ для нихъ ненавистенъ.

Кардиналъ хотѣлъ скрыть отъ Фламандцевъ всю обширность своего вліянія, можетъ быть, потому, чтобы не оскорбить гордости Маргариты, или для того, чтобы отвратить отъ себя ненависть вельможъ и предупредить всякое сопротивленіе. Привязанный болѣе къ власти, нежели къ ея наружнымъ знакамъ, Гранвелла, въ надеждѣ скрыть руку, всѣмъ управлявшую, переписывался съ Маргаритою, но рѣдко видѣлся съ нею. Однако Фламандцы, желая открыть истину, вскорѣ узнали, не смотря на всѣ предосторожности, что безъ него ничего не дѣлалось. Эта мысль еще болѣе отдалила ихъ отъ предполагаемыхъ нововведеній.

Между новыми учрежденіями, всего болѣе взволновала умы инквизиція. Это ужасное судилище, равно наказывавшее и заблужденія и преступленія, считавшее опаснымъ заблужденіемъ малѣйшее отстраненіе отъ ученія Церкви, сдѣлалось ужаснѣе средствами, которое оно употребляло для отысканія еретиковъ, нежели совершаемыми надъ ними приговорами. Оно не только вездѣ захватывало свою жертву, но и не допускало ее до защиты; вездѣ имѣло лазутчиковъ, пользовалось семейными доносами, злонамѣренными изъясненіями самыхъ невинныхъ

предметовъ, и все съ цѣлію проникнуть нѣкоторымъ образомъ въ глубину души, угадать сокровеннѣйшія помышленія и увѣриться въ мнимомъ преступленіи, котораго виновникъ, предметъ и театръ равно были невидимы. Съ самаго начала инквизиція была учреждена противъ Мавровъ въ Испаніи, болѣе по причинамъ политическимъ, нежели религіознымъ; но въ послѣдствіи успѣхи реформаціи во многихъ мѣстахъ заставили подумать о необходимости этого тиранства. Дабы лишить надежды тѣхъ, противъ которыхъ инквизиція была направлена, ее поручили монахамъ, болѣе преданнымъ папѣ и чуждымъ общественныхъ связей. Въ Испаніи она уже остановила дѣятельность умовъ и оборотъ идей, замѣнивъ вездѣ открытую веселость мрачнымъ молчаніемъ и недовѣрчивостію. Разговоры лишились непринужденности; довѣренность исчезла въ семействахъ; люди стали не довѣрять самимъ себѣ и опасаться того, чего не можно было предупредить — связи мыслей и игру дѣятельнаго воображенія. Тайныя возраженія, робкія сомнѣнія, проявлявшіяся иногда въ умахъ, уже казались страшными.

По плану Филиппа, Фламандцы должны были испытать такую участь; бичъ инквизиціи грозилъ драгоцѣннѣйшему ихъ достоянію. Благосостояніе Нидерландской торговли неразлучно соединялось съ мудрою вѣротерпимостію;

слѣдовательно законы, характеръ, даже самыя привычки Фламандцевъ уже отвергали это судилище. Его нельзя было учредить у нихъ безъ согласія штатовъ; но Филиппъ, желавшій всѣмъ своимъ подданнымъ дать одну религію, ввелъ въ Нидерландахъ инквизицію еще до отъѣзда своего въ Испанію. Гранвелла одушевлялъ ревность этого судилища, усиливалъ его дѣятельность. Въ его глазахъ оно было превосходнымъ средствомъ избавиться отъ всѣхъ особъ, мѣшавшихъ ему въ исполненіи плановъ. Ихъ обвинили въ ереси, а такое обвиненіе всегда оканчивалось смертію. Аресты увеличились; ежедневно захватывали новыхъ виновниковъ. Строгости инквизиціи умножили число послѣдователей новаго ученія; общее неудовольствіе стало болѣе явнымъ, и не смотря на казни, негодованіе выражалось жалобами и угрозами.

Къ столь справедливымъ жалобамъ Фламандцевъ на Гранвеллу и Филиппа присоединились другія, происходившія изъ того же источника. Въ это время, безпокойствъ и нововведеній, число епископовъ Нидерландскихъ оказалось недостаточнымъ для наблюденія надъ епархіями. Епископы зависили отъ архіепископовъ Реймскихъ и Кёльнскихъ, а такая зависимость не нравилась Филиппу. По его внушенію, папа Павелъ IV учредилъ въ Нидерландахъ тринадцать новыхъ епископствъ, и объявилъ Мехельнскаго архіепископа примасомъ и

верховнымъ судьею во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ сихъ провинцій. Такое измѣненіе могло быть полезнымъ въ другую эпоху; можетъ быть, оно и соединило бы всѣ мнѣнія, но теперь его сдѣлали самопроизвольно, и новый порядокъ вещей уничтожалъ всѣ прежнія отношенія стариннаго устройства. Исполненіе сего дѣла поручено было Гранвеллѣ, и возбудило противъ него всѣ сословія. Дворянство боялось лишиться своего вліянія; богатые и сильные аббаты жалѣли о пожертвованіяхъ, которыя имъ надо было сдѣлать для опредѣленія доходовъ новымъ епископамъ; народъ также почиталъ это постановленіе для себя отяготительнымъ.

Чтобы основать нововведенія, отвергаемыя общественнымъ мнѣніемъ, на силѣ, Филиппъ, нарушилъ права Фламандцевъ и размѣстилъ по провинціямъ Испанскія войска. Онъ опасался, чтобы сила, назначенная для поддержанія порядка, не обратилась противъ его самаго, потому что по Фландрскому положенію туземцы имѣли право наблюдать за общею безопасностію. Филиппъ это зналъ; Фламандцы требовали возвращенія своихъ правъ; онъ торжественно обѣщалъ имъ вывести свои войска, но ничего не исполнилъ. Войска, по многочисленности могли безпокоить народъ, но едва ли были въ состояніи удержать его, или предупредить слѣдствія народнаго неудовольствія.

Филиппъ нарушилъ данную клятву; но народъ все дѣло сложилъ на Гранвеллу; на этомъ министрѣ тяготѣло общее негодованіе, а онъ только исполнялъ получаемыя изъ Испаніи повелѣнія. Принцъ Оранскій, Егмонтъ и Горнъ, лично ненавидѣвшіе кардинала, рѣшились воспользоваться случаемъ для удаленія его. Сильными и убѣдительными письмами просили они Филиппа отозвать Гранвеллу. Филиппъ потребовалъ фактовъ и доказательствъ; онъ не хотѣлъ отставить министра, который дѣйствовалъ по его волѣ; но самъ Гранвелла чувствовалъ, что всеобщее негодованіе достигло такой степени, что ему болѣе нельзя быть полезнымъ Филиппу. По убѣдительной просьбѣ, ему дали увольненіе. Но съ потерею должности, онъ не 1564
лишился довѣренности государя, воспользовавшагося его дарованіями и вѣрностію въ другомъ мѣстѣ.

Дворянство, удаленное изъ совѣта въ управленіе Гранвеллы, теперь снова явилось, настаивая о свободѣ богослуженія. Филиппъ убаюкивалъ ихъ пустыми надеждами въ то самое время, когда въ Байонскихъ совѣщаніяхъ, герцогъ Альба и Катерина Медичи совѣтывались объ истребленіи протестантовъ. Графъ Егмонтъ от- 1565
правился въ Испанію, чтобы склонить Филиппа на дѣла религіи, и тѣмъ предупредить всѣ бѣдствія. Вильгельмъ обратился съ представленіями, хотя и умѣренными, но сильными,

къ Маргаритѣ. Подъ личиною искренности, Филиппъ скрывалъ свои тайныя намѣренія. По видимому, онъ заботился о судьбѣ Фламандцевъ, а между тѣмъ приказалъ публиковать въ Нидерландахъ опредѣленія Тридентскаго собора, и исполнить ихъ съ величайшею строгостію. Маргарита, лучше понимавшая раздраженіе умовъ, старалась укротить въ примѣненіи строгія правила, порученныя ей для объявленія; она хотѣла упрочить спокойствіе Нидерландовъ, удовлетворивъ и выгоды Фламандцевъ и страсти Филиппа. Но эта роль была трудна: Маргарита сама находилась подъ безпрестаннымъ надзоромъ. Отсюда сомнительность и противорѣчіе въ ея поступкахъ: протестанты не могли имѣть довѣренности къ такому правленію, котораго дѣйствія и языкъ мало между собою соотвѣтствовали. И потому, чтобы дать болѣе силы своимъ правамъ, они составили тѣсный союзъ. Людвигъ Нассаускій, братъ Вильгельма, исповѣдывавшій новое ученіе, былъ душею этого союза. Сами католики одобрили такую смѣлую мѣру, потому что въ сопротивленіи протестантовъ они видѣли средство спасти древніе уставы и политическую независимость. Начальники оппозиціи равно рукоплескали этому дѣлу. Тѣ изъ нихъ, которые помышляли объ общемъ благѣ, льстили себя надеждою, что страхъ образумитъ Филиппа; тѣ же, которые руководствовались лич-

ными видами, думали найти въ безпокойствахъ средства къ удовлетворенію своего честолюбія и жадности. Испанскій король могъ еще все успокоить однимъ словомъ; но, чуждый характера и духа Фламандскаго народа, онъ не зналъ свойства зла и презиралъ своихъ враговъ. Четыреста дворянъ представили ему почтительный адресъ, въ которомъ просили только о неприкосновенности своихъ правъ и о уничтоженіи религіозной инквизиціи. Вмѣсто отвѣта, Филиппъ отправилъ для управленія Нидерландами, въ замѣну Маргариты, герцога Альбу. 1567

Это просто значило объявить, что одна сила можетъ рѣшить сей великій процессъ, и кромѣ того отнять у Фламандцевъ всякую надежду. Альба прибылъ, сопровождаемый восьмью тысячами вѣрныхъ ему Испанцевъ. Характеръ его извѣстенъ: твердый до жестокости, гордый и неумолимый, онъ лучше хотѣлъ вдругъ уничтожить сопротивленіе, нежели кончить его мѣрами кроткими. Привыкнувъ проливать кровь въ битвахъ, онъ не располагался щадить ее и при внутреннихъ распряхъ. При одномъ имени этого страшнаго человѣка, ужасъ и уныніе распространились по всѣмъ провинціямъ; казалось, что весь народъ былъ осужденъ на смерть. Вильгельмъ, зная, что Альба никогда не прощаетъ, и не желая безполезно подвергать жизнь свою опасности, удалился въ Германію. Егмонтъ и Горнъ, не столь предусмо-

трительные, остались въ отечествѣ, и конечно должны были погибнуть. Вильгельма сопровождали многія сильныя и значительныя особы, нежелавшія дѣйствовать за одно съ Филиппомъ. Даже часть народа оставила свои пепелища, и добровольно отправилась въ изгнаніе; ужасъ имени Альбы заставлялъ земледѣльца бросать плугъ, ремесленника мастерскую; однимъ словомъ, множество гражданъ переносили въ другія мѣста свою дѣятельность и промышленость. Испанскіе солдаты, одушевляемые ненавистію къ Фламандцамъ, жаждою добычи и фанатизмомъ, съ радостію приступили къ исполненію приказаній своего начальника. Повсюду воздвигнуты были эшафоты. Неправедное судилище, составленное изъ двѣнадцати судей, или чужеземцевъ, или подкупленныхъ Испаніею, было учреждено вопреки мѣстнымъ законамъ. Оно опредѣляло смертную казнь за малѣйшіе проступки, по доносамъ безъ всякихъ доказательствъ. Тѣ, которые хотѣли отстоять свои права, были судимы, какъ еретики; тѣ, которые исповѣдывали новое ученіе, были наказываемы, какъ мятежники. Богатство, происхожденіе, дарованія — сдѣлались преступленіями; добродѣтели и блистательныя заслуги, даже самая неизвѣстность, никого не спасали. Егмонтъ и Горнъ, заключенные въ оковы, тщетно требовали, чтобы судъ надъ ними произнесли равныя имъ лица: ихъ казнили въ

глазахъ многочисленнаго народа. Хотя наперсники Альбы, распространенные между зрителями, и слѣдили за ихъ движеніями и ропотомъ, но не могли воспрепятствовать общему изъявленію сожалѣнія и пролитію слезъ надъ великодушными жертвами.

Имущество Вильгельма было конфисковано и роздано солдатамъ. Альба путешествовалъ по всей странѣ съ своими палачами, и вездѣ кровавыя казни возвѣщали о его прибытіи. Народонаселеніе въ провинціяхъ начало уменьшаться; число добровольно удаляющихся ежедневно увеличивалось; но эти удаленія увеличивали конфискаціи, которыя, въ свою очередь, доставляли герцогу Альбѣ средства къ умноженію орудій его ярости.

Между тѣмъ Вильгельмъ, удалившись въ Германію, не забылъ того, чѣмъ онъ былъ обязанъ отечеству и самому себѣ. Емигранты убѣждали его взяться за оружіе и спасти исчезающую ихъ независимость. Теперь дѣло шло о дѣйствіяхъ не наудачу, въ надеждѣ на идеальное совершенствованіе народа, не о пожертвованіи настоящимъ отдаленному, неизвѣстному и химерному будущему; должно было сильными мѣрами предупредить уничтоженіе народа, сражаться для поддержанія общественнаго порядка, защищать положительныя права. Законы уполномочивали Вильгельма на защиту родины. Германецъ по происхожденію, онъ владѣлъ зна-

чительными помѣстьями въ Брабантѣ. Въ об-
1568 народованномъ манифестѣ, Вильгельмъ изложилъ правила, для оправданія себя въ своихъ поступкахъ, и съ оружіемъ въ рукахъ требовалъ возвращенія правъ Нидерландскихъ. Протестантскія державы, къ которымъ онъ обратился съ просьбою о помощи, не были расположены къ сему дѣлу. Швеція и Данія боялись Испаніи, и надѣялись, что безпорядки во Фландріи уничтожатъ ея торговлю, и будутъ способствовать къ быстрому ихъ возвышенію. Англійская королева, Елисавета, руководствовалась тѣми же опасеніями и тѣми же надеждами; но болѣе искусная и болѣе близкая къ театру волненій, она хотѣла поддерживать ихъ для своей пользы, и потому обѣщала втайнѣ благопріятствовать Вильгельмовымъ планамъ. Колиньи и Французскіе протестанты чувствовали всю важность того, чтобы Филиппъ былъ занятъ въ собственныхъ своихъ владѣніяхъ, и чтобы послѣдователи новаго ученія не были имъ уничтожены. При недостаткѣ другихъ средствъ, Колиньи помогалъ Вильгельму совѣтами. Или изъ политики, или по убѣжденію, или, можетъ, отъ того и другаго, Вильгельмъ отступился отъ религіи притѣснителей своего отечества, и чувствуя необходимость сильнѣе привязаться къ партіи, принялъ протестантское ученіе, которое уже исповѣдывалъ его братъ: онъ надѣялся чрезъ то привлечь на свою сто-

рону часть Германіи. Но кроткій и терпѣливый характеръ Максимиліана II стремился къ успокоенію имперіи, и многіе протестантскіе князья дали слово не принимать прямаго и дѣятельнаго участія въ завязывавшейся кровавой борьбѣ. Впрочемъ тайно они благопріятствовали недовольнымъ въ Нидерландахъ; многіе изъ нихъ доставляли Вильгельму войска и деньги, и съ ихъ-то помощію онъ началъ войну.

Первые опыты были неудачны, хотя во всѣхъ областяхъ общественное мнѣніе было въ пользу Вильгельма. Католики и протестанты равно желали успѣха его оружію, потому что Альба угрожалъ всѣмъ партіямъ. Теперь не было вопроса о власти штатовъ; все дѣлалось безъ нихъ и противъ нихъ. Мѣсто религіозныхъ преслѣдованій заступили чрезмѣрные налоги, которые, отягощая торговлю, пробудили эгоизмъ и его самого присоединили къ общему дѣлу; но области и города были удерживаемы страхомъ и силою. Однѣ побѣды могли одушевить ихъ, а первыя дѣйствія Вильгельма кончились несчастливо. Три раза пытался онъ вступить въ борьбу съ Альбою, и три раза превосходство военнаго генія Испанца, дисциплина его войскъ торжествовали надъ храбростію и великодушною твердостію Вильгельма. Казалось, что Нидерланды навсегда лишились своей независимости, какъ вдругъ счастливое, неожиданное событіе дало другой оборотъ дѣламъ. 1572

Корсеры, снаряженные Бельгійскими и Батавскими выходцами, принужденные удалиться изъ Англійскихъ гаваней, и не зная гдѣ найти убѣжище, овладѣли гаванью и городомъ Брилемъ. Покореніе сего города было знакомъ къ великому движенію въ сѣверныхъ областяхъ. Эта часть страны во всѣхъ направленіяхъ перерѣзывается рѣками, каналами и самымъ моремъ. Она особенно выгодна для оборонительной войны. Побѣды не могутъ быть рѣшительны; а послѣ пораженія легко поправить потерю. Жители сихъ провинцій, не такъ богатые, сравнительно съ южными обитателями, привыкшіе къ трудамъ и опасностямъ, были болѣе расположены къ пожертвованіямъ, потому что менѣе заботились о лишеніяхъ, и ожидали только случая къ возстанію. Какъ протестанты, они болѣе другихъ были раздражены преслѣдованіями герцога Альбы, хотя сами и не много отъ него терпѣли. Именно теперь дѣло начинаетъ принимать ходъ прочный и характеръ опасный.

Вильгельмъ прибылъ въ тѣ страны, которыми управлялъ прежде, по назначенію Филиппа, въ которыхъ владѣлъ значительными помѣстьями и имѣлъ много друзей. Эти области онъ назначилъ средоточіемъ своихъ дѣйствій. Голландцы ссудили его деньгами, и позволили набирать войска. Между тѣмъ, какъ ни были явны такія мѣры, недовольные обвиняли одного герцога Альбу, не обращая вниманія на

Филиппа. Первыя ихъ дѣйствія не удались, тогда какъ успѣхъ вѣнчалъ почти вездѣ герцога. Инсургенты имѣли болѣе пылкости нежели средствъ, болѣе энергіи нежели тактики; движеніямъ ихъ не доставало цѣли, единства и направленія. Альба, напротивъ, удвоивалъ свои силы дѣятельностію: онъ одинъ былъ причиною зла, но онъ же одинъ былъ въ состояніи уничтожить его.

Въ то время, когда онъ надѣялся восторжествовать надъ мятежемъ и собрать плоды своихъ дѣяній, Филиппъ вызвалъ его, склонившись на внушенія его враговъ. Враги увѣрили короля, что лютая ненависть Фламандцевъ къ герцогу единственно препятствуетъ имъ подчиниться, и что отозваніе его будетъ благимъ дѣломъ, за которымъ послѣдуетъ повиновеніе. Испанскій король началъ иначе смотрѣть на безпокойства въ Нидерландахъ, и въ самомъ дѣлѣ полагалъ, что необходимо измѣнить систему для ихъ покоренія. Реквесенсъ, командоръ ордена Св. Іакова, заступилъ мѣсто Альбы: это значило замѣнить жестокость слабостію. Реквесенсъ, болѣе посвященный въ таинства политики, даже по лѣтамъ немогшій быть дѣятельнымъ и предпріимчивымъ, отъ природы кроткій, боязливый, нерѣшительный, принялъ среднюю систему, мало сообразную съ обстоятельствами. Онъ думалъ соединить строгость съ примиреніемъ, и чрезъ то испортилъ 1573

все дѣло. Нидерландцы не довольствовались неопредѣленными обѣщаніями, и увѣренные въ выгодахъ своего положенія, требовали торжественной поруки за свои права и политическую самобытность. Солдаты Реквесенса помогали имъ въ этомъ случаѣ. Не смотря на богатство Испаніи, войска не исправно получали жалованье, и потому возмущаясь, солдаты или предавались ужасному грабежу, или отказывались итти на непріятеля, и такимъ образомъ разстроивали лучшіе планы. Армія Реквесенса, которой онъ долженъ былъ значительныя недоимки, возмутилась, и позволивъ себѣ безчинства, еще болѣе сдѣлала ненавистнымъ Испанское правительство. Реквесенсъ умеръ, когда волненіе едва было усмирено; мѣсто его заступилъ
1577 Донъ Жуанъ Австрійскій.

Юный герой сей, достойная отрасль Карла V, ужасъ Оттомановъ, любимый сынъ Церкви, предметъ тайной ненависти Филиппа, прибылъ окруженный блескомъ недавно одержанной имъ побѣды надъ невѣрнымъ близъ Лепанта. Сѣверныя и южныя провинціи заключили между собою Гентскій договоръ. Общая опасность отъ насилій необузданнаго войска сблизила протестантовъ и католиковъ. Въ промежуткѣ времени между смертію Реквесенса и прибытіемъ Донъ Жуана Австрійскаго, казни были пріостановлены противъ еретиковъ; и для окончательнаго рѣшенія спорныхъ пунктовъ всѣ

согласились на созваніе генеральныхъ штатовъ. Прибывши въ Нидерланды, Донъ Жуанъ утвердилъ Гентскій трактатъ *всегдашнимъ эдиктомъ*; и слѣдовательно первые его поступки показали одни безпристрастныя и мирныя намѣренія.

Но Белги вскорѣ замѣтили, что онъ хочетъ только выиграть время, усыпить лестію умы, вѣрнѣе обмануть обѣщаніями и раздѣлить партіи для ихъ обоюдной погибели. Такъ какъ недовольные нуждались въ направительномъ центрѣ, хорошо знали, чего не хотѣли, но не знали опредѣлительно, чего именно желали, то они сдѣлали попытку найти себѣ опору въ чужеземномъ принцѣ. Не объявляя намѣренія навсегда отдѣлиться отъ Испаніи, они назначили своимъ начальникомъ эрцъ-герцога Матіаса. 1577
Этотъ принцъ, безъ средствъ и безъ энергіи, рѣшительно не имѣлъ качествъ, необходимыхъ для привлеченія къ себѣ довѣренности, и потому вскорѣ возвратился въ Германію. Белги болѣе надѣялись на Франциска, герцога Анжуйскаго, какъ на принца крови Франціи; онъ, въ 1580
самомъ дѣлѣ, по своему безпокойному и честолюбивому характеру, согласился съ радостію на ихъ предложеніе. Но и на этотъ разъ лестныя надежды не сбылись: неблагоразумный, легкомысленный герцогъ Анжуйскій вскорѣ обнаружилъ свои намѣренія. Желая силою получить то, что можно было пріобрѣсти только искусствомъ и временемъ, онъ своими смѣлыми пред-

пріятіями возбудилъ противъ себя негодованіе, особенно послѣ неудачъ подъ Антверпеномъ. Послѣ сего онъ со стыдомъ возвратился во
1583 Францію, гдѣ горесть прекратила его дни.

Донъ Жуанъ, обвиненный въ честолюбивыхъ и противныхъ выгодамъ Испаніи замыслахъ, умеръ скоропостижно. Его мѣсто занялъ Александръ Фарнезе, принцъ Пармскій, сынъ Маргариты, обратившій на себя вниманіе Филиппа послѣ побѣды, одержанной имъ надъ Инсургентами при Гемблурѣ. Опытный воинъ, онъ соединялъ съ блистательною храбростію обширное воображеніе и глубокій умъ, составлялъ смѣлые планы и исполнялъ ихъ благоразумно. Вмѣстѣ съ достоинствомъ полководца, онъ былъ и государственнымъ человѣкомъ. Раздоръ, господствовавшій между сѣверными и южными провинціями, подавалъ ему большую надежду, потому онъ заботливо поддерживалъ и питалъ его, и искусно посѣвая въ умахъ недовѣрчивость и довѣріе, скоро достигъ своей цѣли. Артуа, Геннегау, Французская Фландрія, отдѣлившись отъ прочихъ провинцій, объявили себя за Испанію; многіе дворяне заключили тѣсный союзъ съ новымъ губернаторомъ для усмиренія Нидерландовъ.

Вильгельмъ давно уже обдумывалъ втайнѣ смѣлый, но хорошо разсчитанный проектъ, который одинъ могъ дать рѣшительный оборотъ дѣламъ и остановить безполезное пролитіе кро-

ви. Планъ сей состоялъ въ образованіи изъ сѣверныхъ провинцій независимой республики; южныя оставлялись на произволъ судьбы. Принцъ Оранскій ясно видѣлъ, что союзъ семнадцати областей всегда будетъ слабъ, непродолжителенъ, что трудно скрѣпить ихъ узы, и что даже при сохраненіи тѣхъ же самыхъ отношеній, области будутъ покорены. Протестантская религія господствовала въ сѣверныхъ провинціяхъ; южныя почти всѣ придерживались католической. Въ первыхъ духовенство не имѣло никакого политическаго вліянія; во вторыхъ епископы и аббаты пользовались сильною властію. На югѣ народъ болѣе богатый, и слѣдственно болѣе изнѣженный, боялся опасностей и пожертвованій; на сѣверѣ же, бѣдные, крѣпкіе, предпріимчивые, освоившіеся съ моремъ жители, стремились къ новымъ пріобрѣтеніямъ. Притомъ въ сѣверныхъ провинціяхъ, Вильгельмъ не находилъ ни одного человѣка, который бы могъ поспорить съ нимъ въ происхожденіи, санѣ и богатствахъ, да и власть, которою онъ тамъ пользовался, ни съ кѣмъ не была раздѣлена. Напротивъ, на югѣ онъ встрѣчалъ честолюбивыхъ соперниковъ, которые хотя были и ниже его по заслугамъ, но пользуясь большимъ вліяніемъ, могли имѣть такія же притязанія. Всѣ сіи обстоятельства, взятыя вмѣстѣ, рѣшительно заставили Вильгельма приступить къ соединенію сѣверныхъ провинцій, и

къ отдѣленію ихъ отъ другихъ. Безпрестанно помышляя объ этомъ любимомъ планѣ, онъ издалека приготовлялъ средства къ столь великому событію. Тѣсный союзъ, заключенный недавно южными областями съ герцогомъ Пармскимъ и съ Испаніею, казался ему благопріятнымъ къ началу дѣла, и онъ воспользовался симъ случаемъ искусно и съ успѣхомъ.

Депутаты Голландіи, Зеландіи, Гельдерна, Фрисланда и Гренингена собрались въ Утрехтѣ. Вильгельмъ объяснилъ имъ свой планъ, и показалъ необходимость такой мѣры и всѣ выгоды ея. Онъ самъ предвидѣлъ и препятствія и вмѣстѣ удобоисполнимость предпріятія, уничтожилъ одно посредствомъ другаго, разсчиталъ всѣ сопротивленія и средства къ побѣдѣ, и ободрилъ робкіе умы надеждою на освобожденіе, славою и могуществомъ общаго отечества. Его высокое краснорѣчіе по видимому раскрыло предъ всѣми будущую исторію республики. Коснувшись счастливыхъ слѣдствій сей великой рѣшимости, онъ говорилъ съ такою увѣренностію, силою и ясностію, что будущее казалось столь же вѣрнымъ, какъ прошедшее, и сомнѣніе совершенно замѣнилось полною увѣренностію. Убѣжденные доводами или краснорѣчіемъ
1579 Вильгельма, депутаты подписали торжественный актъ союза. Здѣсь начало республики и происхожденіе новаго государства, здѣсь и всегдашнее отдѣленіе сѣверныхъ провинцій отъ Испаніи.

Разсуждая объ этомъ событіи, нельзя сказать, чтобы оно вдругъ и совершенно уничтожило законы и политическое положеніе, отстранило верховную власть, чтобы передать ее кому нибудь другому, или упрочить ее на другомъ основаніи. Дѣло совершалось нечувствительно. Непредвидѣнныя и неразсчитанныя обстоятельства участвовали здѣсь гораздо болѣе нежели обдуманныя разсужденія. Переворотъ сей былъ скорѣе результатомъ причинъ мѣстныхъ и случайныхъ, нежели общихъ, которыя, издалека опредѣляя судьбу государствъ, какъ будто дѣйствуютъ съ такою же необходимостію, какъ и законы природы. Отдѣленіе Нидерландовъ отъ Испаніи вовсе не было слѣдствіемъ ни новаго направленія мнѣній, ни господствующихъ идей. Существовавшія тамъ формы были приспособлены къ потребностямъ, желаніямъ и привычкамъ народа, который потому ревностно и стоялъ за нихъ. Основаніе республики зависѣло не отъ странной любви къ нововведеніямъ, не отъ страсти осуществленія идей отвлеченныхъ, и не отъ желаній смѣлыхъ и кровавыхъ попытокъ: здѣсь дѣйствовало тяжкое иго Испанскаго правленія и въ слѣдствіе его отчаяніе. Но сначала Фламандцы не хотѣли измѣнять своихъ постановленій; они единственно желали сохранить ихъ въ цѣлости, и только притѣсненія Филиппа были предметомъ ихъ

жалобъ и побудительною причиною къ возстанію.

Въ сихъ областяхъ король раздѣлялъ свою власть съ государственными чинами. При началѣ безпорядковъ, Филиппа не хотѣли лишать принадлежащей ему въ Нидерландахъ власти, но такъ какъ онъ хотѣлъ и здѣсь дѣйствовать также, какъ въ Испаніи, то это и было причиною совершеннаго уничтоженія прежнихъ постановленій и созданія новаго порядка вещей. Но столь важная перемѣна, свершилась только по прошествіи двадцати лѣтъ: она была дѣломъ необходимости и обстоятельствъ. Когда начались первыя несогласія и первыя враждебныя дѣйствія, тогда никто изъ взявшихся за оружіе не думалъ объ отдѣленіи Нидерландовъ отъ Испаніи. Самъ Вильгельмъ, выступая на славное поприще, не имѣлъ въ виду столь обширнаго и столь смѣлаго плана; въ противномъ случаѣ идея объ его основныхъ правилахъ покажется ложною. Еслибы Филиппъ удовлетворилъ первымъ жалобамъ недовольныхъ, они съ удовольствіемъ остались бы въ прежнихъ отношеніяхъ.

По Утрехтскому союзному акту, каждая провинція удерживала свои политическія формы, права и обыкновенія. Общій союзъ имѣлъ въ виду одну защиту страны противу властолюбія Испанскаго короля. Каждая провинція должна была составлять отдѣльное государство,

но соединять свои силы и средства съ другими въ дѣлахъ внѣшней безопасности. Общее собраніе депутатовъ изъ различныхъ областей распредѣляло издержки и пожертвованія. Миръ, война и новые налоги зависѣли отъ единодушнаго рѣшенія. Всѣ прочія дѣла рѣшались по большинству голосовъ. Распри, могущія возникнуть между провинціями, разсматривались штатгальтерами. Въ опредѣленные дни союзники собирались въ Утрехтѣ для объясненія спорныхъ или темныхъ пунктовъ въ союзномъ актѣ.

Вильгельмъ былъ душею дѣйствій Утрехтскаго собранія. Политическія причины препятствовали ему дѣйствовать открыто; но спустя нѣсколько времени послѣ заключенія и обнародованія союзнаго акта, онъ совершенно присталъ къ нему. Несовершенства и недостатки этого союзнаго правленія конечно не ускользнули отъ его проницательности. Союзный актъ былъ дѣломъ необходимыхъ обстоятельствъ. Отношенія и мѣры были въ немъ разсчитаны только для настоящаго, а не для будущаго времени: ему не доставало цѣлаго, единства, которымъ пожертвовали въ пользу раздѣленія властей. Средства его не были сосредоточены для быстраго, вѣрнаго и однообразнаго движенія. Событія господствовали надъ геніемъ Вильгельма. Для настоящаго момента много значила и организація союза; но виды его простирались гораздо далѣе. По его плану актъ сей былъ

временной, а не прочное основаніе Нидерландскихъ законовъ. Онъ много ожидалъ отъ времени, отъ своихъ заслугъ и отъ достославнаго мира. Если бы онъ жилъ долѣе, то, можетъ быть, и привелъ бы въ исполненіе свои планы, и новыми постановленіями утвердилъ бы благосостояніе своего дома и цѣлаго народа.

Филиппъ, получивъ извѣстіе о совершенномъ отдѣленіи сѣверныхъ провинцій и о тайномъ участіи Вильгельма въ этомъ событіи, не могъ долѣе скрывать своей ненависти: отлучая принца Оранскаго отъ покровительства законовъ, онъ оцѣнилъ его голову. Вильгельмъ отвѣчалъ на это рѣшеніе совершеннымъ равнодушіемъ и спокойнымъ мужествомъ. Чѣмъ болѣе жизнь его была въ опасности, тѣмъ съ большимъ великодушіемъ онъ жертвовалъ ею. Смерть ожидала его въ Дельфтѣ. Испанское золото и обѣщанія духовенства уже нѣсколько разъ вооружали противъ него убійцъ: Жавриньи и Сальцедо безуспѣшно посягнули на его жизнь. Бальтазаръ Жераръ былъ счастливѣе. Преступникъ сей, родомъ Бургундецъ, убилъ Вильгельма изъ пистолета при выходѣ изъ-за стола. Когда его схватили и стали допрашивать, онъ признался, что одинъ Францисканецъ изъ Турне и одинъ Іезуитъ (изъ Трира) побудили его къ этому убійству; что мысль получить въ одно и то же время отпущеніе въ грѣхахъ и обѣщанную Испаніею на-

граду также участвовала въ семъ дѣлѣ; что онъ имѣлъ сношенія съ герцогомъ Пармскимъ, который отослалъ его для совѣщаній къ государственному совѣтнику Ассонвилю. Жераръ былъ казненъ, показавъ и на эшафотѣ ту же дерзость, кокою отличился въ своемъ преступленіи.

Вильгельмъ умеръ пятидесяти двухъ лѣтъ, во 1584
всей силѣ своего генія, въ ту минуту, когда соединенные Нидерланды изъ признательности готовили ему вознагражденіе за понесенные труды. Нѣкоторые утверждали, что онъ умеръ вовремя для своей славы, и что власть, которую онъ готовился пріобрѣсти, помрачила бы блескъ его знаменитости; но все, что мы знаемъ объ этомъ человѣкѣ, заставляетъ насъ предполагать, что его великая душа никогда не могла измѣниться.

Смерть Вильгельма распространила всеобщее уныніе между Батавами, и была радостнымъ событіемъ для Мадрита. Филиппъ надѣялся, что новая республика исчезнетъ вмѣстѣ съ ея основателемъ, и что возстаніе потухнетъ само собою. Побѣды герцога Пармскаго, взятіе Бриге, Гента, Брюсселя, Мехельна, по видимому, оправдывали надежды Испанскаго короля; но онъ обманулся: новая республика твердо перенесла свое несчастіе. Она почтила память своего основателя и удержалась. Послѣ же смерти Вильгельма Оранскаго, респуб-

которыя не зависѣли отъ фортуны. Она предалась глубокимъ ученымъ занятіямъ, превышавшимъ и умъ ея и самый полъ: она изучала языки Французскій, Италіянскій, Латинскій и даже Греческій. Ее болѣе занимали языками мертвыми, нежели науками: таковъ былъ духъ вѣка. Бесѣда съ великими писателями древности развила ея характеръ, доставила ей вкусъ къ изящному и нѣкоторую возвышенность мыслей. Умъ ея былъ вѣренъ, основателенъ. Постоянно дѣятельная, она умѣла подчинить себя труду правильному и однообразному. Въ дѣлахъ, по своему опытному сужденію, не увлекалась замыслами обширными, но невѣрными, и всегда предпочитала имъ что нибудь положительное. Во всѣхъ предметахъ умѣла находить одно существенное, и посреди всѣхъ заблужденій и ошибокъ легко открывала истину. Владычествуя надъ собою, она никогда не слѣдовала въ управленіи первому влеченію; спокойная и разсудительная, была осторожна и въ разговорахъ и въ дѣйствіяхъ, сохраняя энергію для чрезвычайныхъ случаевъ. Ея политика отличалась великодушіемъ, откровенностію, благородствомъ; и если иногда она старалась выказывать свое великодушіе, то это была одна скрытная политика. Она все подчиняла расчетамъ, какъ всегда бываетъ съ тѣми людьми, которые обладаютъ болѣе умомъ, нежели чувствительностію и душею. Опытная въ познаніи людей и

употребленіи ихъ, она видѣла въ недовѣрчивости одну предосторожность, необходимую для того, чтобы не выставить въ дурномъ видѣ свою довѣренность, которою если однажды кого нибудь награждала, то уже съ трудомъ могла лишить ее. Тщеславясь своею красотою, она болѣе цѣнила дары наружности, которыми думала владѣть, но въ которыхъ природа отказала ей, нежели свои блестящія и великія качества. Желая болѣе нравиться, нежели быть любимою, она наказывала женщинъ, превосходившихъ ее красотою, и мужчинъ, необращавшихъ на нее вниманія. На престолѣ она казалась великою, возбуждала удивленіе; въ домашнемъ обществѣ доходила до мелочей, измѣняла своему характеру, не походила на себя.

Однообразныя правила администраціи, которымъ Елисавета слѣдовала во все время своего царствованія, съ перваго взгляда заставляютъ думать, что она руководствовалась системою, хорошо обдуманною и скрѣпленною во всѣхъ частяхъ. Но это однообразіе основныхъ правилъ скорѣе было слѣдствіемъ ея твердаго характера, а не глубокихъ размышленій. Частію оно объясняется также обстоятельствами, въ которыхъ находилась королева; но всю честь должно главнѣйше приписать Вильгельму Сесилю имѣвшему рѣшительное вліяніе на всѣ дѣла Какъ довѣренный министръ Елисаветы, онъ оправдалъ ея довѣренность и свое возвышеніе

мудрыми совѣтами и обширными планами. Большая часть великихъ дѣлъ, свершенныхъ въ это царствованіе, принадлежатъ ему; но Елисавета всегда удержитъ за собою ту славу, что умѣла отличить, понять сей высшій умъ, знакомый со всѣми отраслями управленія, и слѣдовать ему.

Елисаветѣ было двадцать пять лѣтъ, когда она вступила на престолъ. Въ предшествовавшія царствованія, жизнь ея часто подвергалась опасности. Соммерсетъ и Нортумберландъ, любимцы брата ея Едуарда, боялись, чтобы она не овладѣла умомъ юнаго короля, и потому тайно начали ее преслѣдовать. Марія, всегда недовѣрчивая, также ненавидѣла ее. Она видѣла въ своей сестрѣ дочь Анны Боленъ, виновницы всѣхъ бѣдствій своей матери. Кромѣ того, завидуя всякому превосходству, она не могла равнодушно смотрѣть на высокія познанія и умъ Елисаветы, и думала, что протестанты нетерпѣливо ждутъ ея смерти, чтобы ускорить возведеніе на престолъ сестры. Эта мысль заставила Марію рѣшиться на мщеніе: Елисавета лишилась свободы и была заключена въ темницу. Марія имѣла даже намѣреніе предать ее смерти, еслибы не воспрепятствовалъ этому Филиппъ, который поддерживалъ Елисавету изъ
1558 своихъ видовъ. Но послѣ смерти Маріи, парламентъ провозгласилъ ее королевою, и въ продолженіе сорока четырехъ лѣтъ она управляла

Англіею мудро и счастливо. Отдохнемъ на изображеніи правленія мудраго, долговременнаго и мирнаго, и представимъ замѣчательнѣйшія черты его. Мы увидимъ, какъ Англія будетъ быстро возвышаться, увеличивать свое могущество чрезъ распространеніе народнаго богатства, успѣшно развивать это могущество для защиты своей самобытности и для сохраненія политическаго равновѣсія.

Религія первая обратила на себя вниманіе Елисаветы. Строгими преслѣдованіями Марія уничтожила дѣло Едуарда; но сіи самыя преслѣдованія, которыми она хотѣла утвердить католическую религію, только увеличили число послѣдователей новаго ученія. Елисавета не могла поддерживать партіи, оспоривавшей у ней права на корону; она должна была покровительствовать другой. Воспитанная въ правилахъ противныхъ католицизму, она придерживалась его болѣе изъ политики, хотя ея гордая душа отвергала идею зависимости отъ папы. Умъ и характеръ склоняли ее къ религіи протестантской; кромѣ того, Филиппъ былъ главою католической партіи въ Европѣ; королева знала его честолюбивые замыслы, и опасалась ихъ: надобно было непремѣнно противодѣйствовать угрожающему всѣмъ могуществу Испаніи. Такое противодѣйствіе Елисавета нашла въ соединеніи протестантскихъ государствъ противъ общаго врага, надѣясь въ этомъ политико-ре-

лигіозномъ союзѣ играть первую ролю для ослабленія Филиппа.

Поспѣшность вовсе не согласовалась съ характеромъ Елисаветы. Нѣсколько времени наблюдала она за обѣими партіями, и медленно
1559 приступала къ дѣлу. Прежде всего она была объявлена главою Церкви; божественную службу стали совершать на народномъ языкѣ; обѣдня и духовныя имѣнія были уничтожены. Парламентъ, привыкшій къ измѣненію религіозныхъ законовъ, утвердилъ всѣ постановленія Елисаветы. Этотъ переворотъ произвелъ много недовольныхъ, такъ что королева принуждена была обратить всю свою заботливость на предупрежденіе или уничтоженіе заговоровъ. Раздраженные своими потерями, католики дѣйствительно составили заговоръ, но его открыли, и участники подверглись строгому наказанію. Филиппъ, не надѣясь болѣе на бракъ съ королевою, сдѣлался тайнымъ ея врагомъ; а золото и интриги поставили его въ главѣ католической партіи. Елисавета старалась отвратить отъ Англіи пагубную дѣятельность сего государя порожденіемъ опасностей въ собственныхъ его владѣніяхъ. Протестанты раздѣлились между собою. Строгіе послѣдователи ученія и догматовъ Кальвина хотѣли ввести ихъ и въ государствѣ; преобразованіе, сдѣланное въ основныхъ правилахъ Кранмеромъ, который удерживалъ іерархію, казалась имъ несообразною. Елисавета справедли-

во полагала, что монархъ долженъ быть главою Церкви, и потому воспротивилась успѣхамъ кальвинизма. Актъ однообразія утвердилъ по- 1563
становленія Кранмера; написано было еще тридцать девять статей, долженствовавшихъ быть 1573
символомъ новой религіи, закономъ и точкою соединенія для всѣхъ разнообразныхъ мнѣній. Эта черта разграниченія усилила взаимную вражду партій. Подъ названіемъ пресвитеріянъ, пуританъ, нонконформистовъ, ревностные кальвинисты явно возстали. Такое сопротивленіе не было результатомъ ихъ правилъ, а болѣе происходило отъ чувства униженія и желанія восторжествовать; но Елисавета обратилась къ мѣрамъ строгимъ. Нѣкоторымъ образомъ она справедливо думала, что эта секта наклонна и къ политическимъ переворотамъ, и хочетъ примѣнить къ гражданскому обществу правила своего духовнаго управленія. Вотъ почему она старалась сохранять равновѣсіе между протестантами и католиками, и устрашая однихъ другими, удерживала ихъ въ повиновеніи.

На театрѣ политическомъ королева дѣйствовала такимъ же образомъ и съ такимъ же успѣхомъ. Во Франціи и въ Нидерландахъ преслѣдовательный фанатизмъ породилъ фанатизмъ къ сопротивленію. Вспыхнула междоусобная война. Испанскій король былъ тайною причиною безпорядковъ во Франціи. Онъ приготовилъ ихъ своими вѣроломными совѣтами; онъ поддержи-

ствительно оправдали сію политику. Филиппъ терялъ и время и силы, чтобы лишить Бурбоновъ Французскаго престола и подчинить себѣ Фламандцевъ. Какъ ни слабо было содѣйствіе Елисаветы, но, можетъ быть, безъ него Генрихъ IV и Вильгельмъ съ трудомъ могли бы противиться Испанскому могуществу. Со времени смерти Генриха III и съ происхожденіемъ, въ слѣдствіе Утрехтскаго союза, новой республики, Елисавета посылала значительнѣйшія пособія и открыто дѣйствовала въ пользу союзниковъ. Два раза предлагали ей верховную власть надъ Нидерландами, и два раза она отказывалась отъ нее. Еслибы она согласилась на это предложеніе, то отняла бы у Англіи ея существенное могущество, и поставила бы ее въ необходимость быть державою континентальною. Она желала только пріобрѣсти нѣкоторыя гавани на берегахъ Французскихъ и Ни-
1662—1663 дерландскихъ. Гавръ, которымъ она и владѣла нѣсколько времени, долженъ былъ вознаградить ее за потерю Кале; но вскорѣ, надлежало и его лишиться. Рамекенсъ, Флессингенъ и Бриллъ, полученныя отъ Голландцевъ, оставались за Англіею въ продолженіе всего царствованія Елисаветы.

Елисавета увеличивала свое могущество средствами вѣрнѣйшими и достославными, ободряя трудъ и развивая всѣ отрасли промышлености. Внѣшними сношеніями и политически-

ми выгодами она занималась столько, сколько нужно было, чтобы доставить Англичанамъ драгоцѣнное спокойствіе, при которомъ народы могутъ и производить и наслаждаться въ мирѣ. Ослабляя Испанію и увеличивая чрезъ то свое относительное могущество, королева вмѣстѣ съ національнымъ богатствомъ увеличивала и свое самодержавіе. Равно удаляясь и скупости и расточительности, она соблюдала строжайшую экономію при собственныхъ своихъ расходахъ, во многомъ отказывала себѣ, и потому находила возможность ободрять полезныя предпріятія и вознаграждать заслуги. Она скоро замѣтила, что реформація произвела перемѣну въ общественномъ мнѣніи, и что парламенты могутъ ей противиться болѣе, нежели ея предшественникамъ. Не желая лишиться власти, она рѣшилась по возможности дѣйствовать безъ парламентовъ, не требуя отъ нихъ вспоможеній. Съ этою цѣлію, она ввела удивительный порядокъ въ управленіи своего дома и имуществъ, и хотѣла умножать свои доходы только при общественномъ благосостояніи. Труды были и умны, и постоянны; въ первый разъ успѣхи дѣятельности народа сдѣлались высшею цѣлію правительства.

Свобода силъ есть основное правило ихъ развитія; трудъ народовъ, какъ и трудъ каждаго недѣлимаго, имѣетъ нужду въ законахъ, которые ему покровительствуютъ и руковод-

ствуютъ его дѣйствіями. Конечно законы Елисаветы не всегда сообразовались съ истинными началами политической экономіи; но въ то время эта наука еще не существовала. Можетъ быть, Елисавета издала слишкомъ много постановленій, касательно торговли и промышлености тѣмъ болѣе, что постановленія сіи часто служили величайшими препятствіями; но вездѣ и во всемъ ошибки предшествуютъ истинѣ: — первые шаги трудны; а исторія ея управленія по крайней мѣрѣ доказываетъ, что вниманіе королевы было обращено на всѣ отрасли общественнаго благосостоянія, и что она не отдѣляла государственнаго богатства отъ богатства народнаго.

Земледѣліе усовершенствовалось, распространило свои труды и умножило свои произ-
1571 веденія. Вывозъ хлѣба былъ позволенъ; земледѣлецъ, имѣя въ виду выгодную продажу, потому что могъ продавать вездѣ, принялся за обработываніе земли съ бо́льшимъ стараніемъ. Для сообразованія общественной безопасности съ выгодами владѣльцевъ, издано было постановленіе, по которому воспрещалась торговля хлѣбомъ, какъ скоро цѣна его превыситъ средній терминъ. Но вмѣстѣ съ богатствами увели-
1572 чилось и число бѣдныхъ; для нихъ назначенъ былъ особенный сборъ денегъ, который такимъ образомъ милостыню обратилъ въ налогъ, а нравственную обязанность въ обязанность

гражданскую. Впрочемъ этотъ сборъ утвердилъ спокойствіе, не уничтоживъ источниковъ добровольнаго благодѣянія.

Промышленость Фламандцевъ была выше промышлености всѣхъ прочихъ народовъ; политическія и религіозныя безпокойства въ Нидерландахъ заставили искусства, ищущія спокойствія, удалиться изъ отечества: Англія приняла къ себѣ множество дѣятельныхъ и умныхъ переселенцевъ. Шерстяныя мануфактуры 1567
быстро распространились; что прежде покупали у Фламандцевъ, теперь имѣли у себя; новыя издѣлія изумили Англію *).

Внѣшняя торговля требовала, чтобы монеты не подвергались безпрерывнымъ измѣненіямъ, чтобы ихъ существенная цѣнность сообразовалась съ монетами другихъ народовъ, и не была ниже цѣнности въ народномъ обращеніи. Елисавета окончательно устроила столь важный предметъ. Благодаря умному изобрѣтенію застрахованій, перевозка товаровъ изъ одной земли въ другую, сдѣлалась не такъ опасною.

Морская торговля сопряжена съ большими

*) Нѣкоторые предметы, напримѣръ саржа, камлотъ и проч. были выработываемы Англичанами. Въ графствѣ Кумберлендскомъ открыли руду и также стали разработывать ее. Явились фабрики ножевыя, шелковыхъ чулокъ и проч.

издержками, которыя могутъ быть покрыты только значительными барышами. Въ Англіи составились общества для торговли съ Левантомъ, по Балтійскому морю и съ Россіею; имъ дарованы были исключительныя права на извѣстное время, и эта монополія долженствовала повлечь за собою расширеніе торговли, и поставить народъ въ возможность наслаждаться ея плодами. До сихъ поръ Ганзейскіе города пользовались въ Англіи важными преимуществами, служившими ко вреду самихъ Англичанъ. Елисавета хотѣла ободрить національную дѣятельность; она сохраняла союзъ съ Ганзою, но не предпочитала ее прочимъ иностранцамъ, и чтобы побудить своихъ подданныхъ къ такимъ же оборотамъ, какими обогащались Ганзейскіе города, она обложила ихъ товары пошлиною, склонявшею балансъ въ пользу Англичанъ.

Умы были наелектризованы геніемъ Елисаветы, и потому неудивительно, что одно смѣлое предпріятіе слѣдовало быстро за другимъ. Всякій частный человѣкъ могъ надѣяться на пособія, награды и на безпристрастное одобреніе монархини, если труды его были того достойны. Мореплаваніе распространилось; проекты, казавшіеся доселѣ химерными, были приведены въ исполненіе. Гаукинсъ, первый начавшій торговлю Неграми на берегахъ Гвинеи, водрузилъ Англійскій флагъ въ Западной Ин-

діи. Форбишеръ искалъ пути въ Восточную Индію съ сѣвера; онъ не нашелъ того, чего искалъ, но открылъ часть Сѣверной Америки. Девисъ прошелъ чрезъ проливъ, называющійся его именемъ. Смѣлый Дрекъ, и послѣ него Кевендишъ совершили путешествіе вокругъ свѣта. Первый, знаменитый по мужеству, и впослѣдствіи столько прославившійся варварствомъ, имѣлъ счастіе принимать на корабль по возвращеніи своемъ монархиню. Онъ распространилъ Англійское имя по неизвѣстнымъ морямъ; онъ сдѣлалъ его грознымъ и на моряхъ, ближайшихъ къ Британіи. Всѣ сіи путешествія, экспедиціи, открытія возбудили соревнованіе, дѣятельность и содѣйствовали къ развитію дарованій; умножая нужды и удовольствія, представляя труду новыя средства, онѣ произвели и совершенствованіе самаго труда. 1577 1577—1580

Между тѣмъ какъ Елисавета двигала свой народъ впередъ на поприщѣ развитія искусствъ и богатства, Шотландія была театромъ безпорядковъ и кровавыхъ раздоровъ: эти плачевныя событія отвлекли вниманіе Англійской королевы отъ ея любимыхъ занятій. Марія Стюартъ, вдова Франциска II, короля Французскаго, возвратилась въ отечество послѣ смерти супруга для наслѣдованія престола шаткаго. Какъ ревностная католичка, она была ненавидима протестантами, которые, подъ началь- 1561

ствомъ Іоанна Кнокса, Шотландскаго реформатора, возбуждаемые неутомимыми проповѣдниками, поставили себѣ обязанностію клеветами очернить Марію въ общественномъ мнѣніи. Высшее Шотландское дворянство, богатое, сильное, свыкшееся съ независимостію во время продолжительнаго регентства, съ неудовольствіемъ смотрѣло на возвращеніе королевы, и отказалось повиноваться ей. Марія, въ цвѣтѣ юности и красоты, созданная для того, чтобы жить посреди любезнаго, легкомысленнаго народа, привыкшая къ обычаямъ блистательнаго, образованнаго двора, была поражена противоположностію, которую увидѣла въ своемъ отечествѣ: грубое обращеніе, строгіе нравы, однообразная и скучная жизнь Шотландцевъ изумили ее. Ей надобно было бы отказаться отъ своихъ привычекъ, скрыть свое сожалѣніе о Франціи; но она поступила напротивъ. Учреждая безпрерывныя празднества и увеселенія при дворѣ, она вооружила тѣмъ противу себя ригористовъ; презирая народные обычаи, раздражила патріотовъ, и вообще навлекла на себя нареканіе своими поступками. Елисавета ненавидѣла и боялась ее. Она не только видѣла въ ней свою соперницу по красотѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и опасную непріятельницу: Марія, послѣ Елисаветы, имѣла ближайшія права на Англійскій престолъ, по бабкѣ своей, сестрѣ Генриха VIII. Католики, не при-

знававшіе законности правъ Елисаветы, конечно желали видѣть на престолѣ Марію. Во Франціи, Шотландская королева приняла даже титулъ королевы Англійской, и Елисавета не забыла такого оскорбленія. Ревность, страхъ, мщеніе соединились въ ея душѣ противу Маріи; она скрывала эти страсти подъ личиною религіи и политики, но между тѣмъ тайно приготовлялась погубить ее. Сама Марія благопріятствовала намѣреніямъ своей непріятельницы, и какъ будто стремилась на встрѣчу собственной погибели. Она была одарена всѣми талантами, всѣми прелестями, всѣми свойствами ума и сердца; но легкомысленная, раба своихъ наклонностей и первыхъ впечатлѣній, она смотрѣла только на настоящій моментъ, не расчитывала слѣдствій своихъ поступковъ, и тѣмъ самымъ весьма много способствовала къ своей погибели. Плѣнившись Дарнлеемъ, она въ порывѣ страсти вступила съ нимъ въ бракъ, потомъ наскучивъ имъ, совершенно его покинула. Дарнлей, негодуя на Марію за предпочтеніе, оказанное ею Рицціо, убилъ его. Послѣ смерти Рицціо, Марія, еще болѣе возненавидѣвъ своего супруга, привлекла на свою сторону графа Ботвеля, который, въ свою очередь, вознамѣрился погубить Дарнлея, видя въ этомъ поступкѣ вѣрное средство къ своему возвышенію. Несчастный Дарнлей погибъ; Ботвель сдѣлался супругомъ Маріи. Шотландія

негодовала на такой соблазнительный бракъ. Дворянство взялось за оружiе; къ нему пристали недовольные; проповѣдники новаго ученiя воспользовались симъ случаемъ для воспламененiя умовъ. Марiя хотѣла силою потушить мятежъ, но была разбита, взята въ плѣнъ
1568 и лишена престола. Тогда она рѣшилась искать убѣжища тамъ, гдѣ могла найти только однѣ опасности: она удалилась къ своему смертельному врагу.

Восемьнадцать лѣтъ Марiя влачила въ Англiи бѣдственную жизнь. Лишенная удовольствiй и почестей, она мучилась воспоминанiями и надеждами, страхомъ и угрызенiемъ совѣсти; Елисавета безпрестанно перевозила ее изъ одного мѣста государства въ другое, коль скоро находила предлогъ къ какому нибудь подозрѣнiю. Въ самомъ дѣлѣ, Марiя часто служила знакомъ и точкою соединенiя для всѣхъ враговъ королевы; она была предметомъ тайныхъ или явныхъ желанiй католиковъ. Бабингтонъ, дѣйствуя по согласiю съ Испанiею, составилъ проектъ низложенiя Елисаветы и возведенiя на престолъ Марiи; но его заговоръ былъ открытъ, и Англiйская королева воспользовалась этимъ случаемъ, обвинить королеву Шотландскую. Послѣ продолжительнаго, тяжкаго заключенiя, Марiя считала милостiю смертный приговоръ, освобождавшiй ее отъ всякой зависимости. Бывъ всегда любезною и плѣни-

тельною, она явилась истинно великою въ последнія минуты. Претерпѣнныя ею бѣдствія заставляють насъ забывать о прежнихъ ея проступкахъ; плачевная ея участь уничтожаетъ воспоминанія о прошедшемъ. Мы видимъ въ ней трогательную жертву политики и зависти; она возбудила всеобщее удивленіе, а ея жестокая соперница навлекла на себя всеобщее негодованіе. 1587

Елисавета погубила Марію болѣе изъ ревности и ненависти, чѣмъ изъ необходимости собственной безопасности. Она съ восхищеніемъ воспользовалась заговоромъ Бабингтона, чтобы погубить королеву, которая не обязана была оправдывать себя предъ чуждымъ судилищемъ въ своихъ поступкахъ. Англійская королева очень хорошо знала, что такая несправедливость взволнуетъ всю Европу, и для оправданія себя старалась показать сожалѣніе о погибшей жертвѣ, наказала даже тѣхъ, которые исполняли только ея волю, и написала наконецъ къ Шотландскому королю, сыну несчастной Маріи, письмо самое трогательное. Іаковъ VI по видимому хотѣлъ отмстить за смерть Маріи; но онъ мало зналъ свою мать, и притомъ не отличался высокою и энергическою душею. Шотландія не могла успѣшно бороться съ Англіею; протестанты, всегдашніе враги Маріи, вовсе не хотѣли мстить за ея смерть; Іаковъ боялся лишиться

горія VII, быть, подобно ему, опасенъ для государей; но хорошо зная свой вѣкъ, силу и направленіе общественнаго мнѣнія, онъ не хотѣлъ съ нимъ бороться и дѣйствовать на удачу. Намѣреніе его было увеличить свою свѣтскую власть мудрымъ и мощнымъ управленіемъ, а не возобновленіемъ старинныхъ притязаній, и вотъ почему онъ занимался болѣе собственными владѣніями, нежели остальною Европою. Онъ образовалъ и сухопутное войско и морскую силу, видя въ этомъ возможность и средство покровительствовать торговлю и упрочить общественное спокойствіе. Бережливый безъ скупости, онъ умѣлъ быть и щедрымъ безъ пустой расточительности. Любитель наукъ и искусствъ онъ употреблялъ огромныя суммы на украшеніе Рима и на пріобрѣтеніе образцовыхъ произведеній, и при всемъ томъ ему удалось еще собрать много сокровищъ. По своему уму, Сикстъ не могъ не уважать Елисаветы и Генриха; онъ понималъ ихъ, удивлялся и подражалъ имъ; но это уваженіе, это удивленіе были для всѣхъ тайною. Какъ первосвященнику, ему нельзя было выказывать своихъ чувствованій; какъ монархъ свѣтскій, онъ не могъ не опасаться Филиппа. Когда Испанскій король требовалъ у него опоры въ духовномъ оружіи противъ Англіи, Сикстъ тѣмъ охотнѣе обѣщалъ ему содѣйствовать, что смерть Маріи была въ его глазахъ, какъ и въ глазахъ

всей Европы, ужаснымъ поступкомъ и вмѣстѣ неизгладимымъ пятномъ въ жизни Елисаветы.

Между тѣмъ Англіи грозила величайшая опасность. Филиппъ занимался огромными приготовленіями съ цѣлію, низложить Елисавету и завоевать ея владѣнія. Онъ уже давно скрывалъ свою ненависть и только откладывалъ мщеніе. Причины оскорбленія его особы были многочисленны. Елисавета отвергла его руку, утвердила въ Англіи протестантскую религію, преслѣдовала католиковъ, поддерживала реформатовъ во Франціи и войсками и деньгами, и благопріятствовала возстанію Нидерландовъ. Вездѣ она противодѣйствовала тайно его предпріятіямъ, которыя безъ этого препятствія, могли бы исполниться. Быть можетъ, Филиппъ сталъ бы дѣйствовать и ранѣе, но онъ хотѣлъ въ самомъ началѣ уничтожить республику Соединенныхъ Штатовъ, а потомъ уже обратиться къ Елисаветѣ. Но доселѣ онъ управлялъ только движеніями католической партіи, желавшей возвести на престолъ Марію. Смерть этой королевы уничтожила всѣ прежнія мѣры. Филиппъ опасался, что Елисавета, освободившись отъ своей соперницы, поддержитъ рѣшительною помощію раждающуюся республику. Измѣнивъ планъ, онъ вознамѣрился покорить Голландію въ Англіи. Силы, назначенныя для успѣшнаго хода сей экспедиціи, не могли быть

слишкомъ значительны; съ величайшею ревностію начали заниматься вооруженіемъ: все предвозвѣщало, что Испанія восторжествуетъ, Англія падетъ.

Борьба казалась не совсѣмъ равною. Правда, Филиппъ лишился нѣсколькихъ областей, но онъ же пріобрѣлъ и новую корону, причислилъ къ своимъ владѣніямъ могущественное королевство съ цвѣтущею морскою силою, богатыми колоніями и обширною торговлею.

Покореніе Португаліи свершилось легко и быстро. Это государство, непринимавшее участія въ политическихъ дѣлахъ и бѣдствіяхъ остальной Европы, распространило свое мореплаваніе во всѣхъ частяхъ свѣта. Владѣя Бразиліею и превосходными поселеніями на берегахъ Восточной Индіи и Африки, Португалія снабжала всѣ прочія страны драгоцѣнными товарами, которые роскошь поставила въ число необходимыхъ предметовъ. Спокойная и счастливая, она обогащалась въ молчаніи, умножала свои капиталы, употребляя ихъ на трудъ производительный, между тѣмъ какъ другія государства истощали свои силы тѣмъ, что хотѣли ослабить другъ друга. Смерть короля Себастіана прервала это благосостояніе, или, лучше, совершенно уничтожила его разрушительнымъ переворотомъ. Себастіанъ, внукъ Іоанна III, отличался романтическою привязанностію ко всему чрезвычайному. Постоянное чтеніе

исторія Крестовыхъ походовъ еще болѣе воспламенило его пылкое воображеніе. Духовные, занимавшіеся его воспитаніемъ, внушили ему, что достославнѣйшія войны суть противъ невѣрныхъ. Себастіанъ, вступивъ на престолъ, искалъ случая заслужить безсмертіе, обѣщанное воспитателями. Къ несчастію его, случай этотъ представился. Мулей Магометъ, государь Марокскій, низверженный съ престола своимъ дядею Мулей Молукомъ, просилъ помощи у короля Португальскаго. Разумѣется, Себастіанъ съ радостію согласился на просьбу, имѣя въ виду осуществленіе своихъ любимѣйшихъ желаній. Ни убѣжденія матери, ни представленія министровъ не могли отвратить его отъ Африканской экспедиціи. Филиппъ II, дядя его по матери, также уговаривалъ племянника, какъ полагаютъ нѣкоторые, изъ благонамѣренныхъ видовъ; другіе думаютъ, что препятствіемъ онъ хотѣлъ еще болѣе раздражить живой и гордый характеръ юнаго короля. Видя безполезность своихъ совѣтовъ, онъ обѣщалъ ему вспомоществованіе, но только на сло-
1578 вахъ. Себастіанъ между тѣмъ отправился съ отборною арміею; высадился на Африканскій берегъ, и ободренный первыми успѣхами, неблагоразумно увлекся во внутренность страны.
1578 Пораженный близъ Алькассара, онъ лишился и жизни въ этой битвѣ. Независимость, благосостояніе, слава Португаліи исчезли вмѣстѣ

съ нимъ. Дядя его, кардиналъ Генрихъ, братъ Іоанна III, принялъ въ свои слабыя руки скипетръ. Угнетенный лѣтами, неспособный къ правленію, угрожаемый близкою смертію, этотъ старецъ самъ убѣжденъ былъ въ необходимости избранія себѣ преемника. На престолъ имѣли притязанія трое: Антоніо, пріоръ въ Крато, Филиппъ II и герцогиня Браганцская *). Государственные чины уже готовились къ рѣшенію столь важнаго вопроса, и вѣроятно выборъ ихъ никогда не палъ бы на короля Испанскаго, какъ вдругъ смерть Генриха дала другой оборотъ дѣламъ. Филиппъ немедленно 1580
собралъ войско, поручивъ надъ нимъ начальство герцогу Альбѣ. Часть дворянства и духовенства, подкупленная деньгами Испанскаго короля, а можетъ быть и устрашенная его могуществомъ, приняла его сторону. Народъ держался дона Антоніо; но этотъ принцъ, отличавшійся болѣе пылкостію нежели дарованіями, не могъ противиться могуществу своего соперника, дѣятельности герцога Альбы и своимъ собственнымъ согражданамъ. Королевство

---

*) Всѣ трое происходили отъ Еммануила Великаго. Филиппъ родился отъ Изабеллы, дочери Еммануила; Антоніо былъ сынъ Людовика герцога Бейя, младшаго брата Изабеллы; герцогиня Браганцская была дочь Едуарда, герцога Гимаренса, послѣдняго изъ дѣтей Еммануила.

мѣръ сей великой истины. Подъ скипетромъ Испанскимъ народъ обѣднѣлъ и пошелъ назадъ въ своемъ ходѣ; его богатства, достоинство исчезли. Правда, Филиппъ поклялся на Томарскомъ сеймѣ уважать всѣ его привилегіи, не касаться ни его доходовъ, ни торговли, ни администраціи, и отдавать высшія мѣста Португальцамъ, но всѣ эти обѣщанія ничего не значили: Португалія была ничто иное, какъ завоеванная провинція, преданная на жертву корыстолюбивыхъ намѣстниковъ. Потеря политической независимости ослабила народную честь, которой Португальцы были одолжены своими успѣхами и славою. Вскорѣ Голландцы, видя въ нихъ подданныхъ Испаніи, отняли у нихъ лучшія колоніи. Въ то время, когда Филиппъ угрожалъ Англіи, Португалія сохраняла еще прежнюю силу; ея корабли и сокровища значительно усилили могущество Испаніи.

Теперь взоры всей Европы были устремлены на вооруженія Филиппа. Всѣ безпокоились потому болѣе, что не знали ихъ истиннаго назначенія. Испанскій король, надѣявшійся подавить Англію прежде нежели она узнаетъ что-либо, скрывалъ свои намѣренія, и какъ будто хотѣлъ только послѣднимъ усиліемъ окончить войну Нидерландскую: Но отъ Елисаветы не скрылась его тайна; она тотчасъ же приняла всѣ необходимыя мѣры для отвращенія бури. Королева была изумлена грозившею ей опасно-

зался ему страшнымъ; общая опасность, говорилъ онъ, соединитъ всю Англію вокругъ престола; даже католики вооружатся за Елисавету, и слѣдовательно нельзя надѣяться на успѣхъ. Его благоразуміе казалось прочимъ совѣтникамъ постыдною трусостію. Герцогъ Пармскій предлагалъ овладѣть нѣкоторыми гаванями въ Зеландіи прежде начатія войны съ Англіею, дабы, въ случаѣ несчастія, имѣть для флота убѣжище.

Планъ этотъ вовсе не сообразовался ни съ честолюбіемъ, ни съ гордостію Филиппа; онъ не принялъ его. Флотъ, вооруженный имъ въ Лиссабонскомъ портѣ, казался ему непобѣдимымъ; онъ такъ и назвалъ его. Въ самомъ дѣлѣ флотъ былъ и многочисленнѣе и страшнѣе, сравнительно со всѣми прочими флотами, доселѣ являвшимися на моряхъ. Онъ состоялъ изъ ста тридцати кораблей различной величины, но большая часть изъ нихъ превосходили всѣ до того извѣстныя суда. Матросовъ было восемь тысячъ; дессантнаго войска двадцать тысячъ человѣкъ, и двѣ тысячи пять сотъ пушекъ. Въ совѣтѣ Филиппа рѣшили отправить флотъ къ каналу. По прибытіи въ Ла Маншъ, онъ долженъ былъ открыть сообщеніе съ герцогомъ Пармскимъ, который собралъ около сорока тысячъ человѣкъ недалеко отъ Дюнкирхена и Нейпорта, приготовилъ достаточное количество перевозныхъ судовъ, построенныхъ

въ Антверпенѣ, откуда они каналами были приведены въ Гентъ, изъ Гента отправлены въ Бриге, изъ Бриге въ Нейпортъ. Послѣ Испанскія силы должны были направить путь къ Темзѣ, овладѣть Лондономъ посредствомъ нечаяннаго нападенія или приступомъ, покорить Англію съ помощію недовольныхъ католиковъ, и такимъ образомъ присоединить новую корону къ тѣмъ, которыя уже вѣнчали главу Филиппа.

Столь обширные замыслы, поддерживаемые ужасными силами, доказываютъ, что политическая система, которой слѣдовала Елисавета со времени вступленія своего на престолъ, была умно расчитана. Поддерживая Нидерланды и занимая безпокойную дѣятельность Филиппа, королева заставила его отложить исполненіе тѣхъ плановъ, которые въ этотъ моментъ, какъ будто были диктованы мщеніемъ, а во всякое другое время могли быть внушеніемъ честолюбія. Въ продолженіе долгаго промежутка спокойствія, она могла увеличить свои средства къ сопротивленію, и пріобрѣла полезнаго союзника въ новой республикѣ Соединенныхъ Штатовъ. Трудныя предпріятія и отдаленныя плаванія образовали искусныхъ и смѣлыхъ моряковъ; Англичане узнали тайну своихъ силъ. Угрожавшая Англіи опасность устрашила всю Европу; никогда держава сія не являлась столь богатою средствами, столь спокойною и столь

твердою какъ въ эту оборонительно-справедливую войну, когда вопросъ былъ о поддержаніи престола и національной самобытности. Подданные Елисаветы, обогащенные ея попеченіями, пожинали плоды отеческаго управленія, чувствовали его цѣну и съ величайшею охотою готовились ко всякому пожертвованію. Удивленіе, признательность, собственныя выгоды — все внушало имъ мужество. Филиппъ, объявивъ, что хочетъ уничтожить Англію и погубить Елисавету, еще болѣе скрѣпилъ узы, привязывавшія Англичанъ къ королевѣ. Опасность жестокаго правленія уничтожила духъ партій; вездѣ проявлялся общественный духъ; вся Англія какъ будто была одушевлена одною мыслію, и патріотизмъ этого гордаго и благороднаго народа теперь, въ критическую минуту, соперничествовалъ съ знаменитѣйшими народами древности.

Англія не имѣла другихъ крѣпостей кромѣ своихъ пловучихъ цитаделей. Непріятелю очень легко было сдѣлать высадку, если бы сильный флотъ не держалъ его въ отдаленіи отъ береговъ. У Елисаветы было только сорокъ кораблей, гораздо слабѣе Испанскихъ *). Дво-

*) Кажется, что у Елисаветы было только тринадцать военныхъ кораблей; но вообще на свой счетъ она содержала семьдесятъ шесть судовъ. Лондонъ выставилъ тридцать восемь. Береговыхъ судовъ считалось восемьдесятъ три.

рянство и города оспоривали другъ у друга честь доставлять ей суда на свое иждивеніе. Вооружены были корабли купеческіе, и королева вскорѣ имѣла сто девяносто судовъ. Голландія, единственная ея союзница, чувствовавшая, что ея собственное существованіе зависитъ отъ существованія Англіи, поручила Юстину Нассаускому присоединиться съ сорока четырьмя кораблями къ Англійскому флоту. По приказанію Елисаветы, берега были осмотрѣны съ величайшею тщательностію и защищены, сколько позволяли тогдашнія средства. Осьмидесятитысячная армія назначалась для безопасности государства; двадцать тысячъ человѣкъ было отправлено на самые опасные пункты; значительный отрядъ утвердился при Тильбюри, въ Ессекскомъ графствѣ, подъ начальствомъ Лейчестера; остальныя войска собрались вокругъ Елисаветы, чтобы при первой опасности всюду отправиться съ нею.

Мнимо-непобѣдимый флотъ долженъ былъ
1588 поднять паруса въ началѣ весны; но внезапная смерть маркиза Санта-Круца и герцога Паліано, назначенныхъ предводителями его, воспрепятствовала отправленію. Смерть сихъ полководцевъ, опытныхъ и искусныхъ моряковъ, была первымъ несчастіемъ для Испаніи. Потеря времени также мѣшала успѣху экспедиціи. Избраніе главнымъ начальникомъ флота герцога Медины-Сидоніи совершенно испор-

тило все дѣло. Этотъ адмиралъ имѣлъ на своей сторонѣ только одно великое имя, но былъ неопытенъ и принадлежалъ къ числу посредственныхъ умовъ. Флотъ отправился изъ Лиссабона, сопровождаемый великимъ инквизиторомъ и ста пятидесятью доминиканцами, исполнителями приговоровъ инквизиціи. Это значило приготовлять цѣпи для Англіи, прежде нежели она была завоевана, и тѣмъ возбудить ее къ отчаяиному сопротивленію.

Говардъ, маркизъ Еффингамъ, начальствовавшій Англійскимъ флотомъ, сталъ предъ Плимутомъ, полагая, что непобѣдимая *армада* нападетъ на сей городъ. Говардъ наблюдалъ за нею неослабно въ намѣреніи избѣжать сраженія и воспользоваться всѣми обстоятельствами, чтобы напасть на нее по частямъ. Дрекъ, Гевкинсъ и Форбишеръ вспомоществовали ему въ этомъ дѣлѣ. Герцогъ Медина-Сидонія, прибывши къ Кале, хотѣлъ соединиться съ герцогомъ Пармскимъ; но Фарнезе, запертый Голландцами въ Нейпортѣ, не могъ вытти изъ гавани. Медина приблизился къ Дюнкирхену. Ночью Агличане пустили въ непріятельскій флотъ нѣсколько брандеровъ, которые произвели въ немъ ужасъ и опустошеніе. Пять сраженій сряду, происходившихъ между отрядомъ непобѣдимой армады и Англійскимъ флотомъ, рѣшились въ пользу послѣдняго. Легкіе Англійскіе корабли нападали съ успѣ- 7 авг.

хомъ въ узкихъ мѣстахъ пролива на огромныя, неповоротливыя массы.

Медина не могъ соединиться съ герцогомъ Пармскимъ. Испанскіе корабли, глубже сидѣвшіе въ водѣ, нежели Голландскіе, не были въ состояніи приблизиться къ Нейпорту и заставить снять съ него блокаду. Медина уже хотѣлъ возвратиться въ Испанію, какъ вдругъ поднялась ужасная буря; Англійскіе корабли нашли убѣжище въ своихъ гаваняхъ; Испанскій флотъ остался въ морѣ, былъ разсѣянъ вѣтромъ, потопленъ волнами и разбитъ о скалы. Болѣе двадцати кораблей погибло близъ Англійскихъ береговъ, болѣе пятидесяти близъ Французскихъ, Голландскихъ и Датскихъ. Отъ великолѣпной и страшной армады остались однѣ развалины. Это событіе спасло Англію, упрочило свободу Европы и нанесло смертельный ударъ могуществу Испаніи. Филиппъ, получивъ извѣстіе о такомъ несчастіи разрушившемъ лучшія его надежды и погрузившемъ многія Испанскія фамиліи въ печаль, старался казаться равнодушнымъ. Но скрывая въ душѣ тайный гнѣвъ и горькое сожалѣніе, онъ хотѣлъ своимъ равнодушіемъ дать другой видъ бѣдствію, постигшему Испанію. Когда герцогъ Медина-Сидонія явился къ нему въ первый разъ, онъ сказалъ ему хладнокровно: »Да будетъ воля Божія! Я отправилъ

свой флотъ покорить Англію, но не стихіи.«

Съ минованіемъ опасности раздались торжественные клики въ Англіи и Голландіи. До сего времени Елисавета старалась скрыть свои опасенія и безпокойство, предъ всѣми выказывала надежду на успѣхъ; теперь, освободившись отъ столь принужденнаго состоянія, дала полную свободу своимъ чувствамъ. На великолѣпной колесницѣ, окруженная всѣмъ дворомъ и вельможами, отправилась королева въ храмъ Св. Павла, сопровождаемая безчисленнымъ множествомъ народа, который въ эту минуту съ справедливою и благородною гордостію дѣлилъ торжество съ монархинею. Величественные своды храма огласились священными гимнами Богу-Избавителю. Вся Европа принимала участіе въ счастливомъ для Англіи событіи, потому что вмѣстѣ въ Англіею пала бы независимость всѣхъ государствъ. Послѣ уничтоженія *армады*, могущество Испаніи значительно ослабѣло.

Англичане, ободренные успѣхами, въ свою очередь распространили ужасъ до Испанскихъ береговъ. Корсары, плавая по всѣмъ морямъ, брали Испанскіе корабли, перехватывали подать, платимую Филиппу рудниками Новаго Свѣта, и осмѣлились даже ограбить Корунью и войти въ устье Тага. Сильный флотъ потрясъ морское могущество Испаніи: онъ взялъ Ка-

диксь, складочное мѣсто торговли Стараго и Новаго Свѣта, и нашелъ здѣсь огромную добычу.

Чтобы вознаградить себя за претерпѣнныя потери и остановить успѣхи Англіи, Филиппъ, всегда вѣрный своей политикѣ, возбудилъ Ирландскихъ католиковъ: безпорядки, возникшіе въ этомъ королевствѣ, дѣйствительно замедлили успѣхи войны противъ Испаніи и были причиною семейныхъ горестей для Елисаветы.

Ирландія, покоренная Генрихомъ II, мало усилила могущество Англіи. Какъ страна невоздѣланная, варварская, она была раздѣлена между богатыми владѣльцами, вѣчно враждовавшими между собою. На этомъ плодоносномъ островѣ, гдѣ природа требуетъ только труда для изобильнаго произведенія всѣхъ необходимыхъ жизненныхъ потребностей, обиталъ народъ бѣдный, но храбрый, неустрашимый. По пылкому, неукротимому его характеру трудно было имъ пуравлять: Ирландецъ всю свою гордость поставлялъ въ сохраненіи древнихъ обычаевъ. Геній Елисаветы, простиравшійся на всѣ предметы, составилъ планъ образованія Ирландцевъ, чтобы сдѣлать ихъ счастливыми и вѣрными подданными. Для достиженія этой цѣли, правитель Ирландіи получилъ большую власть и значительныя силы для удержанія въ повиновеніи вельможъ и для покровительства народа. Въ Дублинѣ королева основала университетъ, кото-

рый содѣйствовалъ къ просвѣщенію страны, и слѣдовательно къ укрощенію нравовъ жителей. Мудрые законы улучшили состояніе низшихъ классовъ и ослабило аристократію дворянства, которое, угадывая тайные замыслы монархини, болѣе и болѣе волновалось. Народъ же, освоившійся съ бѣдствіями, былъ такъ ослѣпленъ, что присталъ къ партіи своихъ же притѣснителей. Гюгъ О' Неаль, потомокъ древней и знаменитой фамиліи, рѣшился разрушить всѣ проекты Елисаветы, и тѣмъ увѣковѣчить въ Ирландіи ужасы безначалія. Показывая себя вѣрнымъ исполнителемъ распоряженій правительства, онъ чрезъ то обманулъ графа Норриса и приготовилъ всеобщее возстаніе. Королева наименовала его графомъ Тиронскимъ, но онъ полагалъ, изъ патріотизма или, скорѣе, изъ гордости, что только попраніе Англійскаго ига составитъ счастіе страны. Въ назначенный день Ирландцы взялись за оружіе и совершенно разбили Англійскую армію, бывшую подъ начальствомъ сира Генриха Багналя. Елисавета видѣла себя въ необходимости отразить силу силою, и назначивъ Ессекса лордъ-лейтенантомъ Ирландіи, поручила ему отмстить за безчестіе, нанесенное Англійскому оружію. Графъ Ессексъ замѣнилъ графа Лейчестера въ сердцѣ Елисаветы, которая и стала поручать ему важнѣйшія дѣла, какъ прежде поручала Лейчестеру. Ода-

ренный всѣми наружными прелестями, Ессексъ отличался и истинными достоинствами. Его умъ, питаемый и развиваемый ученіемъ и трудомъ, выходилъ изъ круга умовъ посредственныхъ. Храбрый, предпріимчивый, дѣятельный, Ессексъ умѣлъ составлять блистательные планы и успѣшно приводить ихъ въ исполненіе. Любитель пышности, великодушный изъ тщеславія, неукротимый, гордый, властолюбивый, онъ былъ любимъ народомъ и держалъ въ страхѣ вельможъ. Любовь къ нему Елисаветы льстила его тщеславію и честолюбію. Онъ явился во всемъ блескѣ во время внутреннихъ войнъ во Франціи, предводительствуя вспомогательными войсками, которыя королева отправила къ Генриху IV. Генрихъ отдавалъ справедливость храбрости графа. Въ войнѣ противъ Испаніи, Ессексъ отличился и въ морскихъ экспедиціяхъ, блистательныхъ и смѣлыхъ. Елисавета, зная его страсть къ славѣ, поручила ему усмиреніе Ирландіи, ввѣрила многочисленное и избранное войско, и чтобы окончательно упрочить его успѣхи, облекла его почти неограниченною властію.

Ессексъ отправился съ полною надеждою на успѣхъ; самонадѣянность погубила его. Онъ такъ поступилъ неосторожно, что раздѣлилъ свои силы въ странѣ, которой не зналъ, и въ которой на каждомъ шагу могъ встрѣтить непріятеля. О'Неаль и другіе предводители возстанія, воспользовавшись его ошибками и сво-

ими познаніями мѣстности, совершенно разбили его армію по частямъ. Ессексъ видѣлъ уничтоженіе своихъ надеждъ. Въ то же время онъ узналъ, что враги, ободренные его отсутствіемъ, оклеветали его, приписали всѣ несчастія ему одному и наконецъ обвинили его въ какихъ-то тайныхъ замыслахъ. Не смотря на рѣшительное запрещеніе Елисаветы не оставлять войска, онъ вздумалъ возвратиться въ Англію. Онъ лично надѣялся получить прощеніе; онъ полагалъ, что бесѣда съ королевою уничтожитъ всѣ невыгодныя о немъ мысли. Онъ явился при дворѣ. Въ первую минуту Елисавета, отъ удивленія, не сдѣлала ему никакихъ упрековъ. Но едва Ессексъ удалился, гордость взяла свои права: графъ былъ арестованъ и по приговору тайнаго совѣта лишенъ всѣхъ должностей и свободы. Спустя нѣсколько времени, королева позволила ему жить въ его помѣстьяхъ, но не возвращала ему своихъ милостей.

Все это скорѣе было испытаніемъ, нежели опалою. Елисавета хотѣла унизить кичливый характеръ; но гордый Ессексъ, негодуя на торжество своихъ враговъ, забылъ о благодѣяніяхъ королевы и покусился на мщеніе. Домъ его сдѣлался убѣжищемъ недовольныхъ; составился заговоръ. Графъ вступилъ въ переговоры съ Шотландскимъ королемъ, и предлагалъ ему Англійскій престолъ. Іаковъ былъ не безъ честолюбія; но робкій характеръ отклонялъ его отъ

всѣхъ смѣлыхъ предпріятій. Онъ имѣлъ права на предлагаемый скипетръ; онъ могъ надѣяться, что Елисавета назначитъ его своимъ преемникомъ, и потому, опасаясь испортить все дѣло поспѣшностію, отказался отъ предложеній Ессекса. Елисавета знала все. Ессексъ, видя свои планы разрушенными, рѣшился на отчаянный поступокъ: онъ принялъ начальство надъ двумя стами всадниковъ, въ намѣреніи возмутить народъ. Правда, онъ былъ любимъ народомъ; но этотъ же самый народъ, еще болѣе любя Елисавету, чѣмъ законы, оставилъ молодаго честолюбца на жертву пагубныхъ слѣдствій такой дерзости. Ессексъ удалился въ свой замокъ, хотя и съ рѣшительнымъ намѣреніемъ защищаться въ немъ до послѣдней крайности, но вскорѣ принужденъ былъ сдаться.

Елисавета долго колебалась между разсудкомъ и сердцемъ, между строгостію и милосердіемъ. Смертный приговоръ графу былъ ею подписанъ; потомъ она уничтожила его, и снова подписала. Она готова была помиловать Ессекса, еслибы нашелся человѣкъ, который рѣшился бы испросить эту милость; никто не являлся. Одного слова Ессекса достаточно было для его спасенія; но изъ оскорбленной гордости онъ предпочелъ смерть жизни, которая зависѣла отъ великодушія Елисаветы. Казнь была произведена въ Лондонской башнѣ, во избѣ-

жаніе народныхъ безпорядковъ. Ессексъ имѣлъ отъ роду тридцать четыре года.

Между тѣмъ Моунтжой, преемникъ Ессекса въ Ирландіи, болѣе искусный и болѣе счастливый, окончилъ войну. Разбивъ мятежниковъ при Кинселѣ, онъ принудилъ предводителей ихъ положить оружіе; самъ Тиронь, не надѣясь болѣе на долгое сопротивленіе, просилъ мира и получилъ прощеніе. 1603

Елисавета уже не была въ состояніи принимать живаго участія въ сихъ успѣхахъ. Равнодушная ко всему, что занимало ее во дни силы и славы, чуждаясь занятій и удовольствій, она рѣдко являлась въ публикѣ, а если и являлась, то видно было, что тайная грусть пожирала ее; такъ она была задумчива. Смерть Ессекса уничтожила всю силу ея души, разорвала всѣ узы, привязывавшіе ее къ свѣту. Недовольная сама собою, наскучивъ жизнію, утомленная величіемъ, королева безъ сожалѣнія замѣчала, что силы ея истощаются, что глубокая меланхолія медленно ведетъ ее къ могилѣ. Послѣ продолжительнаго и счастливаго царствованія, Елисавета умерла съ горестію и отчаяніемъ въ сердцѣ; она сама ускорила послѣд- 1603
нюю минуту, отказавшись отъ всякой пищи.

Смерть Филиппа II была еще плачевнѣе: 1598
пятью годами прежде, онъ кончилъ свою тревожную жизнь; ужасная болѣзнь жестоко отмстила ему за весь человѣческій родъ. При

всемъ томъ сила души, которую онъ явилъ во время продолжительнаго своего томленія, придала нѣкоторый интересъ послѣднимъ его минутамъ; его воля, оспоривая въ нѣкоторомъ отношеніи трупъ у природы, осуждала одряхлѣвшіе органы на упорный трудъ; короче — Филиппъ прекратилъ свое царствованіе вмѣстѣ съ прекращеніемъ жизни. Онъ переносилъ ужасныя мученія безъ малѣйшаго стона. Жестокій и къ самому себѣ и къ другимъ, онъ ни въ комъ не возбудилъ сожалѣнія; всѣ равнодушно смотрѣли на его кончину. Терзаемый страхомъ, онъ надѣлъ клобукъ, и приказалъ перевести себя въ Ескуріальскій монастырь. Смерть его была благодѣяніемъ для всего человѣчества. Испанія могла теперь вздохнуть свободно; Европа видѣла въ будущемъ спокойствіе.

Царствованіе Филиппа представляетъ одну длинную цѣпь волненій. Онъ хотѣлъ раздробить Францію, или совсѣмъ отнять ее у законнаго монарха, но видѣлъ ее соединенною, покорною и счастливою подъ благодѣтельнымъ скипетромъ Генриха IV. Онъ хотѣлъ лишить Нидерланды ихъ политическихъ правъ; онѣ восторжествовали надъ его усиліями, лишили его семи областей. Онъ хотѣлъ уничтожить могущество Англіи; побѣдоносная Англія распространила ужасъ и опустошеніе до его собственныхъ владѣній, возвысила свою морскую силу на развалинахъ Испанской. Еслибы Филиппъ

обладалъ такими же дарованіями къ войнѣ, какими онъ отличался въ трудахъ кабинетныхъ, Европа погибла бы непремѣнно. Для совершеннаго успѣха, можетъ быть, ему стоило только показывать въ своихъ предпріятіяхъ менѣе насилія и поспѣшности. Въ одно и то же время онъ вдругъ принимался за нѣсколько дѣлъ; потому его проекты вредили другъ другу, и раздѣляя его силы между многими предметами, дѣлали ихъ недостаточными для всѣхъ. Имя его, сдѣлавшееся символомъ безпредѣльной гордости и ненасытимаго честолюбія, осуждено на постыдное безсмертіе. Получая двадцать пять милліоновъ червонцевъ дохода, онъ оставилъ послѣ себя неуплаченнаго долгу сто пятьдесятъ милліоновъ, и Испанію въ самомъ жалкомъ положеніи. Страна сія обладала превосходною почвою, но не имѣла рукъ для обработыванія ея; отличалась неслыханною роскошью, но не имѣла промышлености; гордилась своими золотыми рудниками, но была въ неоплатныхъ долгахъ. Это было огромное тѣло, которое истощило свои силы въ честолюбивыхъ замыслахъ и болѣе не могло снести тяжести собственнаго величія.

Періодъ четвертый.

1598 — 1618.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Состояніе Франціи со времени Вервенскаго мира. Характеръ Сюлли. Его министерство. Мѣры, употребленныя имъ для приведенія въ порядокъ финансовъ, и для увеличенія національнаго богатства. Благодѣтельныя слѣдствія его управленія. Обширные замыслы Генриха IV. Смерть сего государя.

Въ то время, когда Испанія теряла въ Европѣ свой перевѣсъ, Франція пріобрѣтала его: эпоха ослабленія и паденія одной, есть эпоха возрожденія другой. Тридцать восемь лѣтъ внутреннихъ войнъ уничтожили во Франціи всѣ источники общественнаго богатства и народнаго могущества. На всемъ пространствѣ этой поверхности дрались съ ожесточеніемъ; вездѣ съ яростію истребляли людей, животныхъ, города и села, плоды и орудія труда. Сколько было употреблено силъ и капиталовъ, безвозвратно погибшихъ! Въ самомъ дѣлѣ, Французы у самихъ же себя покупали средства для собственной своей погибели; потеря была бы менѣе чувствительна для государства, еслибы они получали ихъ извнѣ. Люди думали только о минутныхъ потребностяхъ, а о будущемъ не

заботились. Трудъ остановился, потому что не было капиталовъ. Отъ недостатка безопасности, существованіе всякой собственности было непрочно, невѣрно. Фанатизмъ и страсти такъ овладѣли умами, что никто не помышлялъ о полезныхъ предпріятіяхъ, или о занятіяхъ мирныхъ. Земледѣліе имѣло нужду въ рукахъ для обработыванія тѣхъ земель, которыя, по отсутствію владѣльцевъ и по опустошеніямъ войны, оставались безплодными. Города, обращенные въ крѣпости, не могли процвѣтать промышленостію. Большая часть жителей, единственно занятыхъ войною, умѣли только сражаться. Въ такое время, когда надобно было отказываться отъ всѣхъ потребностей роскоши и едва довольствоваться однимъ необходимымъ, требованія были рѣдки, и слѣдовательно производительность не могла быть изобильною; торговля также; не было предметовъ для обмѣна и оборота. Большія дороги были испорчены и небезопасны. Морская сила не существовала. Все погибло, или остановилось посреди ужасовъ безначалія.

При всемъ томъ положеніе Франціи не совсѣмъ еще могло назваться отчаяннымъ. Ея плодоносная и разнообразная почва, ея пріятный и благорастворенный климатъ, изобрѣтательный умъ и дѣятельность ея обитателей представляли ей драгоцѣнные источники. Достаточно было нѣсколькихъ годовъ спокойствія и му-

драго управленія, чтобы загладить бѣдствія войны и слѣды разрушенія покрыть новыми со-
1598 зданіями. Генрихъ IV уже даровалъ миръ государству. Его чувствительное и благодѣтельное сердце летѣло на встрѣчу всѣмъ мыслямъ, полезнымъ народу. Но онъ имѣлъ нужду въ такомъ человѣкѣ, который бы могъ видѣть самое благо, и дѣлать его. Онъ имѣлъ счастіе найти его; умѣлъ разгадать и воспользоваться имъ. Этотъ человѣкъ былъ Сюлли.

Максимиліанъ Бетюнь, баронъ Рони (Rosny), въ послѣдствіи герцогъ Сюлли, родился въ Ро-
1560 ни почти въ то самое время, когда вспыхнули внутреннія войны. Начались бѣдствія Франціи, и явился тотъ, которому назначено было окончить ихъ. Онъ едва не сдѣлался жертвою фанатизма въ ночь Св. Варѳоломея. Онъ присталъ къ партіи короля Наварскаго съ той минуты, когда государь сей уничтожилъ свою зависимость отъ Катерины Медичи. Раздѣляя съ нимъ всѣ превратности судьбы, онъ никогда не отлучался отъ него. Храбрый, благоразумный безъ слабости, бережливый для того, чтобы послѣ быть щедрымъ, онъ служилъ своему государю мечемъ, умомъ и имѣніемъ тогда, когда государь сражался за свой престолъ, и видѣлъ себя въ жестокой необходимости завоевывать свои собственныя владѣнія. Генрихъ видѣлъ въ молодомъ человѣкѣ умъ справедливый, сужденіе здравое, душу твердую; онъ зналъ

что Рони имѣлъ мало нуждъ и много дѣятельности, что онъ наблюдалъ порядокъ въ своихъ дѣлахъ, посреди всеобщаго безпорядка, что онъ былъ строгъ къ самому себѣ и къ другимъ, и что искренно былъ къ нему привязанъ. Вступивъ на Французскій престолъ, Генрихъ наградилъ его достойнымъ образомъ, возложивъ на него важныя обязанности и открывъ ему поприще, на которомъ онъ могъ быть полезенъ отечеству. Сюлли получилъ званіе министра финансовъ, и въ этомъ званіи раскрылъ всѣ свои великія качества. Его геній и добродѣтель согласовались съ мѣстомъ всегда труднымъ, и особенно при обстоятельствахъ критическихъ. Его умъ умѣлъ возвыситься въ управленіи до основныхъ правилъ прочныхъ и общихъ, безъ которыхъ знаніе подробностей дѣлается настоящимъ лабиринтомъ; между тѣмъ онъ мужественно углубился также въ изученіе и изысканіе и самыхъ подробностей, при недостаткѣ которыхъ можно ошибиться въ примѣненіи основныхъ правилъ. Неутомимый въ трудахъ, онъ находилъ время на все, потому что занятія его были правильно устроены, и потому что ему были незнакомы страсти и удовольствія. Съ юныхъ лѣтъ, живя посреди людей, занимавшихся интригами, онъ любилъ ихъ столько, чтобы служить имъ, но притомъ и не легко довѣрялъ имъ. Воспитанный посреди войска, онъ заимствовалъ въ воинскомъ ста-

нѣ сильное и краткое красноречіе, пріучилъ себя къ открытымъ и свободнымъ дѣйствіямъ. Связанный узами родства съ знаменитѣйшими фамиліями Франціи, извѣстный по своей храбрости, онъ употреблялъ сіи преимущества для того, чтобы поддерживать въ дѣлахъ языкъ разсудка, и этимъ же самымъ заставлялъ извинять себѣ горькія истины. Если принять въ соображеніе его религіозность безъ фанатизма, его добродѣтели, то мало найдемъ людей, надъ которыми бы болѣе владычествовала священная мысль обязанности; всѣ препятствія, противопоставляемыя страстями, уничтожались предъ его строгою добродѣтелью. Его гордость не унижалась до интриги, и отвергала лесть. Въ продолженіе всего своего министерства, Сюлли имѣлъ въ виду одинъ предметъ: благосостояніе Франціи. Столъ его былъ умѣренъ; домъ богатъ, но простъ; отдохновеніе состояло въ домашнихъ дѣлахъ. Откровенность, твердость, справедливость сего мужа иногда походили на грубость, и сознаніе своихъ достоинствъ на гордость; но всѣ эти недостатки тѣсно соединились съ энергіею его характера. Сила воли — вотъ отличительная черта души Сюлли и источникъ ея величія.

Чтобы вѣрнѣе оцѣнить основныя начала политической экономіи Сюлли, и заслуги, оказанныя имъ Франціи, должно вспомнить о состояніи, въ которомъ онъ нашелъ финансы, и

о всевозможныхъ трудностяхъ, которыя ему должно было преодолѣть. Долгъ, простиравшійся до трехъ сотъ тридцати милліоновъ ливровъ, былъ заключенъ на весьма тягостныхъ условіяхъ, и по ошибочнымъ правиламъ займа того времени, надобно было уплатить его въ опредѣленные сроки; а Франція не только не могла возвратить капиталъ заимодавцамъ, она даже не имѣла возможности уплачивать проценты. Въ королевскую казну поступало только тридцать милліоновъ ливровъ, да съ податнаго сословія ежегодно сто пятьдесятъ. Такой порядокъ вещей, истощавшій въ одно и то же время и частныя лица и государства, зависѣлъ отъ способа взиманія податей, отъ корыстолюбія всѣхъ чиновниковъ и отъ методы, которой тогда держались для удовлетворенія кредиторовъ фиска. Налоги состояли не въ казенномъ завѣдываніи, а были на откупу. Главные откупщики имѣли еще своихъ частныхъ откупщиковъ, а эти въ свою очередь передавали свои права другимъ. Очень понятно, что для извлеченія выгодъ изъ такихъ операцій, послѣдніе тяготѣли надъ бѣднымъ народомъ, принуждая его платить вчетверо. Для прекращенія внутреннихъ междоусобій, король пожертвовалъ тридцатью двумя милліонами, чтобы непокорныхъ привести къ повиновенію. Тоже самое было и въ отношеніи многихъ иноземныхъ владѣтелей, такъ что вся Франція почти

находилась въ залогѣ у государственныхъ кредиторовъ.

Взиманіе налоговъ было распредѣлено чрезвычайно дурно; подушныя деньги и сборы съ соли составляли два главные источника общественнаго дохода. Первый налогъ простирался до чрезмѣрности; онъ уничтожилъ земледѣліе, потому что отнялъ у земледѣльца охоту и возможность обработывать поле. Соляной сборъ касался предмета первой необходимости, и требовалъ постояннаго надзора, потому что платившіе эту подать безпрестанно старались освободиться отъ столь тяжкой обязанности. Комисіонеры, откупщики, агенты безнаказанно обманывали государство, скрывая свои поступки чрезъ взаимное сообщеніе другъ съ другомъ. Въ отчетахъ о приходѣ и расходѣ не было никакого порядка; не было строгаго контроля объ употребленіи государственной казны. Такимъ образомъ недоставало денегъ на всѣ предпріятія полезныя и даже на самонужнѣйшіе предметы. Войско, хотя и немногочисленное, не получало жалованья, и вознаграждало себя на счетъ поселянъ; арсеналы опустѣли; морская сила не существовала; общественныя зданія развалились; самъ король не могъ содержать дворъ, и былъ принужденъ просить пособія у откупщиковъ, которые его грабили. Мы видѣли, что земледѣліе, промышленость и торговля ничего не производили отъ недос-

татка капиталовъ, довѣренности, рукъ и безопасности, и вмѣсто того, чтобы оживлять эти главныя средства къ излеченію зла, лишали всякой дѣятельности. Внутреннія войны пріучили умы къ неповиновенію; общественныя узы вездѣ были ослаблены; кто могъ заставить бояться себя, тотъ ничего не боялся. Генрихъ желалъ возстановить финансы, порядокъ и трудъ, но былъ неопытенъ въ этомъ случаѣ; онъ искренно желалъ, чтобы всякій крестьянинъ имѣлъ за столомъ въ воскресенье *курицу*, poule *au pot*, но не зналъ средствъ къ осуществленію этого слова, которое такъ просто выражаетъ великое дѣло правительства. Болѣе чувствительный нежели твердый, онъ не умѣлъ отказывать нуждамъ и страстямъ людей; его доброта часто была добротою частнаго любезнаго человѣка, но не короля, который видитъ благо недѣлимыхъ въ благѣ всего народа.

Таково было состояніе Франціи, когда Сюлли рѣшился принять на себя управленіе, не страшась многочисленныхъ препятствій, ему готовившихся. Для столь великаго подвига онъ избралъ путь простой, прямой и твердый, какъ свой характеръ.

Въ дѣлахъ такого рода нужнѣе всего знать, что существуетъ, дабы судить о томъ, что можно и должно дѣлать. Такъ здѣсь должно было начать прежде съ точнаго и вѣрнаго изслѣдованія того безпорядка, который называл-

ся администраціею. Сюлли объѣхалъ всѣ округи королевства, чтобы лично удостовѣриться въ ихъ нуждахъ и источникахъ. Вниманіе его было обращено на почву, климатъ, положеніе: чрезъ это онъ могъ назначить родъ промышлености, соотвѣтственный каждой провинціи, и опредѣлить свойство и количество налоговъ ея безъ всякаго отягощенія. Съ величайшими затрудненіями собралъ онъ всѣ бумаги, относящіяся до финансоваго управленія, и привелъ ихъ въ порядокъ. Тогда открылись злоупотребленія по теченію дѣлъ, постыдная небрежность королевскихъ чиновниковъ; и по возвращеніи въ Парижъ, Сюлли приступилъ къ своимъ реформамъ. Всѣ долговыя претензіи и пенсіоны были подвергнуты строгому разсмотрѣнію; часть общественныхъ доходовъ, находившаяся въ частныхъ рукахъ, была обращена въ казну. Число агентовъ и нижнихъ чиновъ было значительно уменьшено. Приходы и расходы разсматривались по формамъ точнымъ и опредѣленнымъ, и тѣ и другіе представляемы были ежегодно въ сравнительныхъ таблицахъ. Уничтожая безъ пощады все безполезное, Сюлли являлся щедрымъ на предметы общеполезные. Государственные доходы съ величайшею точностію стали доходить до мѣста своего назначенія; способъ взиманія ихъ былъ упрощенъ, и труды такъ раздѣлены, что чиновники, уже несоединенные общими выгода-

ми, строго наблюдали другъ за другомъ. Въ первые годы своего министерства, Сюлли писалъ все самъ, чтобы узнать всѣ подробности и не быть обманутымъ секретарями. Разумѣется, ему невозможно было изслѣдовать все самому, но по крайней мѣрѣ чиновниковъ онъ содержалъ въ предѣлахъ обязанности, единственно идеею своей собственной дѣятельности, которая безпрерывно обращалась на разнообразнѣйшіе предметы. Всѣ странились его проницательнаго взгляда; всѣ знали его непоколебимую правоту, и вотъ почему вскорѣ машина управленія, вертясь на осяхъ порядка и экономіи, стала дѣйствовать свободно и быстро.

Такіе труды были необходимы для спасенія государства и для упроченія его существованія; но эти же самые труды требовали строжайшей честности, прямой воли, постоянной дѣятельности, мѣръ мудрыхъ и рѣшительныхъ. Сюлли не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые останавливаются на половинѣ пути; онъ хотѣлъ создать государственное богатство чрезъ богатство національное. Онъ обложилъ народъ ежегодною податью въ двадцать милліоновъ, распредѣливъ ее между платящими съ величайшею справедливостію. Сборъ съ соли, хотя и уменьшенный, увеличился. Министръ ободрялъ трудъ; онъ хотѣлъ усилить королевскіе доходы умноженіемъ произведеній и облегченіемъ сбыта товаровъ. Чѣмъ успѣшнѣе трудится

народъ, тѣмъ выгоднѣе производитъ онъ заграничную торговлю, и тѣмъ болѣе покупаетъ предметы удовольствій, а при сихъ условіяхъ ему легче платить и общественныя повинности. Притомъ когда нужда, обстоятельства или избранные люди однажды сообщили народу движеніе и освободили его силы отъ летаргіи, тогда правительству остается только дѣйствовать отрицательно, покровительствуя частныя лица. Пусть оно освободитъ промышленость отъ всѣхъ затрудненій, противныхъ общей выгодѣ, пусть оно увѣритъ недѣлимыхъ въ мирномъ обладаніи плодами ихъ предпріятій, тогда надежда на вѣрную прибыль и на большее благосостояніе будетъ источникомъ общей дѣятельности. Богатство произведетъ богатство; и народъ постепенно возвысится до высшей степени благосостоянія и развитія.

Напротивъ, когда земля еще не вышла изъ младенческаго состоянія, когда жители не знаютъ своихъ источниковъ, или когда неблагопріятныя обстоятельства, разрушивъ твореніе вѣковъ, снова обратили страну въ состояніе варварства, тогда правительство должно привести народъ къ промышлености и торговлѣ, разсѣять невѣжество, указать цѣль и назначить дорогу неопытнымъ на новомъ поприщѣ. Тогда ободреніе и награды разовьютъ первыя сѣмена труда и промышлености.

1589 Вотъ въ какомъ положеніи находилась Фран-

ція при заключеніи Вервенскаго мира. Все въ ней погибло; все надобно было возрождать. Нѣкоторымъ образомъ самыя бѣдствія могли подать надежду на успѣхъ: умы были утомлены внутренними безпокойствами; но вмѣстѣ съ тѣмъ, посреди волненій, они привыкли къ дѣятельности; они чувствовали потребность въ движеніи, и можно было надѣяться, что миръ обратитъ ихъ къ предметамъ полезнымъ. Война значительно уменьшила народонаселеніе; но самая эта убыль, облегчая отцовъ въ содержаніи семейства, долженствовала увеличить число раждающихся въ гораздо бо́льшей пропорціи. Внутреннія войны разрушили многіе предметы удовольствій и роскоши; требованія на нихъ должны были пробудить искусства и ободрить ихъ къ воспроизведенію. Какъ ни благопріятствовали всѣ сіи обстоятельства при возрожденіи труда, но чтобы воспользоваться ими для успѣховъ народнаго богатства, нужны были геній и дѣятельность Сюлли.

Вниманіе и заботы министра обратились главнѣйше на земледѣліе; онъ покровительствовалъ его преимущественно предъ искусствами, которыя увеличиваютъ цѣнность вещества, давая ему новыя формы, и предъ торговлею, которая производитъ то же самое дѣйствіе, перенося товары изъ одного мѣста въ другое и ускоряя ихъ сбытъ. Не изъ страсти къ какой нибудь исключительной системѣ почиталъ Сюлли земледѣ-

ліе главнымъ источникомъ богатства Франціи: здѣсь участвовали самыя простыя и здравыя мысли, вспомоществуемыя здравымъ же смысломъ. Искусства требуютъ первоначальныхъ веществъ для обработанія ихъ; торговля требуетъ предметовъ для обмѣна; земледѣліе все это доставляетъ. Такой трудъ наименѣе подверженъ измѣненіямъ; онъ всегда сохраняетъ свою цѣну, потому что всегда необходимъ, и даже большая или меньшая дороговизна его произведеній устанавливаетъ цѣну всѣхъ отраслей промышлености. Сюлли началъ съ земледѣлія; онъ справедливо полагалъ, что успѣхи сей отрасли богатствъ повлекутъ за собою успѣхи промышлености и торговли; онъ не хотѣлъ измѣнить ходъ природы, но хотѣлъ ему слѣдовать, и обработываніе полей, разведеніе виноградниковъ, оливковаго дерева, улучшеніе лѣсовъ, скотоводство, особенно овцеводство, сдѣлались любимыми предметами его думъ и трудовъ. »Le labour et le pâturage, говаривалъ онъ, sont les deux mamelles de l'état.«

Вѣрный своимъ правиламъ, онъ первый во Франціи предложилъ свободный вывозъ хлѣба. Онъ зналъ, что чѣмъ многочисленнѣе и легче средства къ сбыту, тѣмъ болѣе усиливается земледѣліе, и что для утвержденія въ государствѣ изобилія, лучше много производить и много вывозить, нежели производить мало и ничего не вывозить. По его же указанію, Генрихъ не-

только не призывалъ къ своему двору богатыхъ помѣщиковъ, но даже неохотно видѣлъ въ Парижѣ тѣхъ дворянъ, которые жили со всею безполезною роскошью, вмѣсто того, чтобы употреблять богатства свои на обработываніе земли. Относительно умноженія числа лѣнивыхъ слугъ, Сюлли показалъ въ этомъ случаѣ примѣръ величайшей простоты: всѣ безполезные служители были обращены въ поселянъ. Вообще трудъ въ его глазахъ былъ основаніемъ общественнаго богатства и народныхъ нравовъ. Руководимый своими просвѣщенными и благодѣтельными намѣреніями, министръ желалъ ввести во Франціи такой порядокъ вещей, при которомъ бы каждый, при постоянномъ трудѣ, могъ жить въ довольствѣ, а тунеядцы не находили бы даже самаго необходимаго.

Врагъ роскоши, гораздо болѣе по характеру, нежели по основаннымъ правиламъ, онъ хотѣлъ изгнать ее и изъ Франціи. Можетъ быть, его упрекнутъ въ томъ, зачѣмъ онъ не видѣлъ, что народы производятъ по мѣрѣ потребности и удовольствія, ими вкушаемыхъ, и что представленіемъ новыхъ предметовъ къ наслажденію, увеличивается въ нихъ дѣятельность, а слѣдовательно и богатство. Но Сюлли отличался строгими правилами; онъ думалъ, что общественная добродѣтель есть залогъ могущества и блага народовъ, что эта добродѣтель существуетъ только въ простотѣ, и

вотъ почему нравственность полагалъ онъ въ умѣренности и воздержаніи. Такъ, сообразуясь съ своими идеями, онъ видѣлъ съ сожалѣніемъ, что Генрихъ IV ободрялъ разведеніе шелковичнаго дерева и самъ насадилъ его въ садахъ своихъ, и сопротивлялся основанію шелковыхъ и парчевыхъ фабрикъ въ Ліонѣ. Онъ не предвидѣлъ, что эти фабрики будутъ въ послѣдствіи главнѣйшимъ источникомъ богатства Франціи. Быть можетъ, онъ полагалъ также, что время обработыванія этой отрасли промышлености еще не наступило, и потому отлагалъ ее на будущее. Впрочемъ не должно удивляться, что онъ смѣшивалъ богатство, состоящее въ одномъ ежегодномъ остаткѣ труда отъ потребленія, съ деньгами, которыя означаютъ его, или служатъ скорѣе его проводникомъ. Подобная ошибка была въ то время извинительна. Онъ запретилъ вывозъ золота и серебра, не думая что народъ долженъ уплачивать свой долгъ, и что если онъ покупаетъ болѣе, нежели сколько продаетъ, то понятно, что недоимку платитъ монетою, Съ этою же цѣлію онъ уменьшилъ и внутреннюю цѣнность монетъ, и такимъ образомъ, не достигнувъ предположенной цѣли, повредилъ внѣшней торговлѣ Франціи. Законный процентъ былъ весьма значителенъ; онъ понизилъ его, думая тѣмъ еще болѣе благопріятствовать земледѣльцу, Сюлли, можетъ быть, платилъ въ этомъ отношеніи дань

своему вѣку; но онъ же показалъ себя превыше своего вѣка, освободивъ торговлю отъ разнообразныхъ препятствій, противопоставляемыхъ ей людьми корыстолюбивыми. Однажды онъ отослалъ обратно къ Генриху двадцать пять указовъ, которые стѣсняли торговлю тяжкими налогами. По его мнѣнію, пошлина была только данью, которую каждый платилъ обществу, дабы участвовать въ его благодѣяніяхъ; эта пошлина долженствовала быть сообразною съ извлекаемыми выгодами, съ имуществомъ, образомъ жизни и въ особенности съ прибылію платящаго; но она не должна была препятствовать его дѣятельности, источнику его обогащенія, ни посягать на его промышленость.

Послѣ десятилѣтнихъ трудовъ, внушенныхъ любовію къ общему благу и мудростію, Сюлли собралъ плоды своихъ стараній: Франція, неузнавая сама себя, дивилась своимъ успѣхамъ. Слѣды внутреннихъ войнъ изгладились; государство разбогатѣло и требовало менѣе пособій отъ частныхъ лицъ. Долги были уплачены; кредиторы согласились на частные взносы, которые были выгодны и для нихъ и для государства. Войско, увеличенное въ числѣ, исправно получало жалованье, поддерживало общественный порядокъ и не было болѣе ужасомъ для мирныхъ гражданъ. Назначенный начальникомъ артиллеріи, Сюлли и здѣсь работалъ съ обычною своею дѣятельностію; вско-

рѣ въ арсеналѣ было уже сто пушекъ и огромный запасъ военныхъ снарядовъ. Морская сила также не осталась безъ вниманія. Французы, не производя еще торговли съ обѣими Индіями, не имѣли для купеческаго флота хорошаго разсадника молодыхъ матросовъ. Но тогда состояніе Франціи не требовало значительныхъ морскихъ силъ. Гавани Атлантическаго океана или не существовали, или мало были посѣщаемы; въ гаваняхъ Средиземнаго моря строили галеры для охраненія торговли. Удобные и безопасные пути и каналы умножали трудъ усиленіемъ сбыта произведеній, и увеличивали національное богатство, облегчая оборотъ товаровъ. Сюлли началъ каналъ Бріарскій; исправилъ большія дороги; деревья, посаженныя на дорогахъ по его приказанію и долго называвшіяся его именемъ, служили къ отрадѣ утомленнаго путника. Всегда щедрый, когда надобно было быть такимъ, онъ умѣлъ даже являться расточительнымъ въ общественныхъ расходахъ. Въ Парижѣ явились зданія великолѣпныя, построенныя со вкусомъ; Новый мостъ, улица Дофинская, часть набережной Сены — все это было предпринято и исполнено по приказанію Сюлли, который вмѣстѣ съ тѣмъ учредилъ званіе главнаго смотрителя надъ дорогами и строеніями. Начата была Луврская галерея. Король сыскалъ и осыпалъ благодѣяніями мудраго Казобона. Сюлли

ничего не щадилъ, что могло возвысить величіе престола. Такъ, посреди своихъ обширныхъ проектовъ, онъ распространилъ и украсилъ Фонтенебло; дворцы и терассы Сенъ-Жерменя были построены подъ его собственнымъ наблюденіемъ.

Такимъ образомъ просвѣщенный умъ сего великаго человѣка, его твердая воля, неутомимая дѣятельность, вспомоществуя благодѣтельнымъ видамъ монарха, въ короткое время произвели въ администраціи чудеса, которыя дали новую жизнь Франціи, и доказали, что высочайшее благо государства есть благо народа. Труды Сюлли по управленію тѣмъ болѣе изумительны, что онъ раздѣлялъ свое время между занятіями другаго рода. Такъ какъ онъ пользовался всею довѣренностію короля, то Генрихъ совѣтовался съ нимъ обо всѣхъ предметахъ, повѣрялъ ему свои горести и безпокойства, и поручалъ дѣла самыя затруднительныя. Сюлли воспрепятствовалъ бракосочетанію Генриха IV съ маркизою Вернель, и онъ же содѣйствовалъ къ бракосочетапію короля съ Маріею Медичи, дщерію Франциска Медичи, герцога Тосканскаго; онъ надѣялся въ этомъ союзѣ видѣть благо государста, но Генрихъ былъ несчастливъ. Марія, болѣе умная нежели чувствительная, лишенная кротости и любезности, ревнивая безъ любви, безпрерывно подавала Генриху поводъ къ семейнымъ рас-

прямъ. Сюлли старался всегда сближать ихъ между собою, прекращать всѣ ихъ распри.

Равно способный служить государству и на
1600 полѣ брани и въ кабинетѣ, министръ участвовалъ въ войнѣ противъ Карла Еммануила, герцога Савойскаго. Когда герцогъ не соглашался возвратить Франціи маркизство Салюццы, Генрихъ хотѣлъ дать ему почувствовать свое могущество. Это была война осадъ. Сюлли велъ ее дѣятельно и искусно, взялъ крѣпости Карбоніеру и Монмеліанъ, почитавшіяся неприступными. Выгодный миръ, окончившій эту войну и доставившій Франціи Брессъ и Бюже, былъ также результатомъ его совѣтовъ и дарованій при переговорахъ.

Маршалъ Биронъ, раздѣлявшій съ Генрихомъ IV опасности и славу, осыпанный благодѣяніями своего монарха, составилъ противъ него заговоръ. Этотъ гордый человѣкъ, пылкаго и безпокойнаго характера, упоенный своею славою, вступилъ съ Савоіею и Испаніею въ тайныя сношенія, имѣвшихъ цѣлію низложить Генриха, и повергнуть королевство въ ужасы междоусобной войны. Филиппъ III и Карлъ Еммануилъ льстили Бирону надеждою сдѣлать его независимымъ государемъ, образовавъ государство изъ остатковъ Франціи. Одинъ изъ соучастниковъ открылъ заговоръ. Генрихъ долго не вѣрилъ этому; онъ былъ самъ слишкомъ признателенъ, чтобы тотчасъ повѣрить

неблагодарности. Наконецъ все открылось. Маршалъ былъ взятъ и отведенъ въ Бастилію. Сюлли, одинъ достойный довѣренности короля, отвратилъ угрожавшую ему опасность, показавъ 1602
всю ея обширность. Онъ требовалъ справедливой строгости противъ Бирона, и послѣ утѣшалъ государя въ этомъ необходимомъ поступкѣ. Вскорѣ потомъ маркиза Вернель, вмѣстѣ съ отцемъ своимъ Антрегъ и графомъ Овернскимъ, также составила заговоръ. И здѣсь Сюлли предохранилъ Генриха отъ опаснаго милосердія въ отношеніи виновныхъ.

Наконецъ Сюлли же Генрихъ повѣрилъ свой политическій планъ, касавшійся спокойствія и общей независимости Европейскихъ государствъ. Сюлли много занимался сими идеями болѣе обширными, нежели удобоисполнимыми, и приготовлялъ средства къ приведенію ихъ въ дѣйствіе. Положено было прежде всего обратиться на Австрійскій домъ въ Германіи и Испаніи, лишить его большей части владѣній, сдѣлать новый раздѣлъ Европы, и на этомъ основаніи утвердить общій, продолжительный миръ, котораго порукою былъ бы союзъ всѣхъ Европейскихъ державъ. Сюлли сообщилъ сей обширный проектъ Елисаветѣ, и умѣлъ ее склонить на свою сторону. Англійская королева, по своему высокому уму, конечно не могла быть ослѣплена столь блестящими предложеніями. Быть можетъ, ея мудрая и умѣренная полити-

ка заставила бы ее отказаться отъ перваго впечатлѣнія; можетъ быть также, она видѣла какую нибудь выгоду для Англіи въ планахъ Генриха IV, и намѣревалась воспользоваться его великодушною пылкостію, не раздѣляя ее. Вотъ почему, по видимому, Сюлли совершенно успѣлъ въ этихъ переговорахъ. Послѣ смерти Елисаветы, онъ опять былъ посланъ въ Англію къ Іакову I съ тою же цѣлію; но Іаковъ не былъ въ состояніи понять планъ, который касался всей Европы и простирался на отдаленную будущность. Впрочемъ Сюлли удалось представить его королю просто и увлекательно: Іаковъ обѣщалъ ему свое содѣйствіе въ такомъ исполинскомъ предположеніи. Такимъ образомъ этотъ единственный человѣкъ являлся вездѣ на пользу отечества; онъ какъ будто соединялъ въ себѣ всѣ дарованія, бралъ на себя всѣ роли и всѣ труды. Политика, война, финансы были въ одно и то же время театромъ его дѣятельности и успѣховъ.

Политическій проектъ, сообщенный Сюлли Англіи, былъ господствующею мыслію Генриха IV. Онъ давно уже обдумывалъ этотъ планъ; разсмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ; все удобоисполнимое заставляло его забывать о прочемъ; чистота побудительныхъ причинъ, возвышенная цѣль, новость и величіе предпріятія скрывали также отъ него непреодолимыя препятствія, которыя онъ надѣялся побѣдить силою разсуд-

ка или могуществомъ оружія. Но преобладаемый великодушнымъ энтузіазмомъ, онъ слишкомъ преувеличивалъ и силу разсудка и могущество оружія.

Первая часть плана имѣла основанія прочныя, сообразныя съ правилами здравой политики. Онъ хотѣлъ утвердить спокойствіе Франціи и Европы ослабленіемъ Австрійскаго дома. Обѣ отрасли этого дома, Нѣмецкая и Испанская, соединились и начали противодѣйствовать политической и религіозной свободѣ всѣхъ державъ. Соединенныя силы ихъ были опасны· Генрихъ хотѣлъ воспользоваться своимъ могуществомъ для того, чтобы смирить своего естественнаго врага, отмстить за прежнія оскорбленія, предупредить новыя и даровать общей безопасности Европы прочный залогъ. Англія, Голландія, Венеціянская республика, Нѣмецкіе протестантскіе князья обѣщали свое содѣйствіе въ возстановленіи равновѣсія.

Но ослабленіе Австрійскаго дома, по плану Генриха, долженствовало быть только первымъ актомъ піесы, и повести къ дальнѣйшей развязкѣ. Послѣ покоренія Испаніи онъ хотѣлъ, съ согласія союзниковъ, сдѣлать новый раздѣлъ Европы.

Турокъ предполагалось удалить въ Азію. Той же участи намѣревались подвергнуть Россію, еслибы она отказалась отъ принятія участія въ союзѣ.

Назначалось пятнадцать державъ, именно: шесть монархій наслѣдственныхъ, пять избирательныхъ и четыре независимыя республики.

Къ наслѣдственнымъ монархіямъ относились: Франція, которая пріобрѣтала герцогство Лимбургское, Брабантъ, Мехельнъ съ условіемъ образовать изъ него пять перствъ; Англія безъ всякаго пріобрѣтенія на твердой землѣ; Швеція вмѣстѣ съ Даніею; Испанія, которая должна войти въ свои естественные предѣлы въ Европѣ, но которой оставлялись всѣ ея открытія и завоеванія въ прочихъ частяхъ свѣта; Австрійскій домъ, лишавшійся всѣхъ своихъ владѣній въ Германіи, Нидерландахъ и Италіи; наконецъ новая наслѣдственная монархія на сѣверѣ Италіи, въ пользу Савойскаго герцога, подъ именемъ Ломбардскаго королевства съ присоединеніемъ къ его родовымъ владѣніямъ Милана и Монферрата.

Къ избирательнымъ монархіямъ должны были принадлежать: Богемія (вмѣстѣ съ Моравіею, Силезіею и Лузаціею), Венгрія, Польша, Нѣмецкая имперія, и Церковная Область, которой хотѣли дать титулъ монархіи и присоединить Неаполь, Апулію и Калабрію. Республика Венеціянская съ присоединеніемъ къ ней Сициліи, и республика Гельветическая съ объявленіемъ ее независимою, оставались на прежнемъ основаніи. Католическіе Нидерланды, съ названіемъ республики Белгійской, присоединя-

лись къ республикѣ семи соединенныхъ провинцій. Наконецъ положено было образовать Италійскую республику изъ соединенія всѣхъ мелкихъ владѣній Италіи: Генуи, Флоренціи, Мантуи, Модены, Пармы и Лукки съ удержаніемъ ихъ образа правленія, а Болонья и Феррара́, образовавшіеся въ вольные города, должны были чрезъ каждыя двадцать лѣтъ присягать папѣ.

Послѣ такого раздѣленія Европы, всѣ державы обязывались не притѣснять и покровительствовать три главныя религіи: католическую, лютеранскую и реформатскую, но въ то же время онѣ должны были противиться происхожденію новыхъ сектъ.

Война, необходимая для произведенія сего всеобщаго переворота, долженствовала быть послѣднею. Чтобы утвердить на неизмѣнномъ основаніи этотъ новый порядокъ вещей, положено было замѣнить въ великомъ союзѣ Европейскихъ державъ силу правомъ, и образовать высшее судилище, которое бы рѣшало окончательно всѣ споры, и рѣшеніе котораго всѣ державы обязывались исполнять.

Полагали составить этотъ общій Европейскій совѣтъ изъ депутатовъ всѣхъ государствъ. Министры, въ числѣ семидесяти, удерживали за собою мѣста въ продолженіе трехъ лѣтъ. Формы и судопроизводство этого сената Представителей Монарховъ опредѣлялись органиче-

скими законами, имъ же составленными. Всѣ важныя дѣла сенатъ долженъ былъ рѣшать самъ; прочія предоставлялись рѣшенію шести второстепенныхъ судовъ, которые назначались въ разныхъ мѣстахъ Европы.

Вотъ главныя черты обширнаго плана Генриха IV. При всей его странности, мы не имѣемъ права подвергать сомнѣнію его подлинность. Сюлли, другъ и повѣренный своего государя, вмѣстѣ съ нимъ обдумывавшій этотъ проектъ, и принявшій на себя трудъ ввести его въ дружественныхъ съ Франціею державахъ, входитъ посему предмету въ такія подробности, которыхъ мы не смѣемъ отвергать.

Но при всемъ томъ планъ этотъ — химера, и по цѣли и по средствамъ исполненія невозможенъ. Здѣсь мы не должны страшиться именъ Генриха и Сюлли. Они слишкомъ велики, чтобы согласиться въ ихъ слабостяхъ, а эта слабость была слабостію прекрасной души. Ничего не можетъ быть неопредѣленнѣе и произвольнѣе такого новаго раздѣленія Европы. Число государствъ, которыя оставались, и тѣхъ, которыя предполагалось или создать вновь или увеличить, образъ правленія, имъ назначавшійся — все по видимому было устроено на удачу, безъ всякаго вниманія на основныя начала этого устройства. Еслибы сіи государства были равны силами, и могли также одинаково противодѣйствовать другъ другу въ дѣйствіяхъ, то

всеобщій союзъ былъ бы безполезенъ; потому что спокойствіе было необходимо бы при равновѣсіи. Если же эти государства не одинаковы, по занимаемому ими пространству и по средствамъ своимъ, если, по самому различію администраціи, одни сильны, а другія слабы, то легко понять, что первые не захотятъ исполнять приговоры верховнаго судилища, а вторые будутъ жертвами деспотизма въ новомъ родѣ. Кромѣ того въ предполагавшемся раздѣлѣ видно величайшее неравенство между различными частями этого смѣшаннаго собранія монархій и республикъ.

Лишить Австрійскій домъ всѣхъ его владѣній, оставить ему одну только Испанію съ колоніями, значило бы слишкомъ ослабить его и дать другимъ державамъ справедливый поводъ къ опасенію относительно перевѣса Франціи, которая, во имя общей свободы, учредила бы въ Европѣ настоящую диктатуру. Идея — образовать между Франціею и Германіею одну республику изъ семнадцати Нидерландскихъ провинцій, а на сѣверѣ Италіи такую державу, которая бы могла защищать эту страну, отъ чужеземцевъ—была идея высокая, и представляла единственное средство удерживать въ границахъ честолюбіе Австрійскаго дома и фамиліи Бурбоновъ.

Уравновѣсить силы чрезъ раздѣленіе Европы, какъ будто необитаемой земли между но-

выми пришельцами, значило увѣковѣчить въ ней войну вмѣсто того, чтобы прекратить ее, и предпринять трудное и продолжительное дѣло, встрѣчая непреодолимыя препятствiя.

Но предположимъ возможность успѣха такого раздѣла. Что же вышло бы изъ этого? Устроить въ Европѣ великую республику державъ, прекратить между народами непрiязненное состоянiе, при которомъ каждый народъ самъ себѣ судья и порука за свои права, замѣнить ту анархiю, въ которой одна сила рѣшаетъ все, законнымъ порядкомъ, значило стремиться къ невозможному. Для этого нужно бы было сдѣлать всѣ правительства безсильными; но спокойствiе Европы и безопасность государствъ могутъ быть только слѣдствiемъ системы противныхъ силъ, когда каждая держава будетъ въ состоянiи отражать несправедливыя нападенiя, и когда ни одна изъ нихъ не будетъ въ возможности легко уничтожить сопротивленiе другихъ *).

Вѣроятно опытность, или болѣе зрѣлыя размышленiя довели бы и Генриха IV до такихъ основанiй, и что онъ, можетъ быть, отказался бы отъ сего проекта, болѣе чрезвычайнаго нежели великаго и противнаго человѣческой природѣ.

---

*) Смотри объ этомъ предметѣ введенiе къ первому тому.

Все было приготовлено для великаго предпріятія. Франція заключила тѣсные союзы съ врагами Австріи; магазины наполнились всѣми военными снарядами; сто тысячъ человѣкъ стояли на вооруженной ногѣ; самъ король хотѣлъ предводительствовать арміею для нападенія на Нидерланды. Войско, назначенное дѣйствовать противъ Италіи, находилось подъ начальствомъ Ледигіера. Сорокъ милліоновъ ливровъ, плоды порядка и бережливости Сюлли, долженствовали покрывать издержки войны до того времени, когда побѣда доставитъ Французамъ новые источники отъ завоеваній. Спорное наслѣдство владѣній герцога Клевскаго было предлогомъ къ движеніямъ Французской арміи. Вильгельмъ IV, послѣдній герцогъ Клевскій, умеръ, не оставивъ послѣ себя наслѣдниковъ мужескаго пола. По феодальнымъ законамъ страны, ему должны были наслѣдовать его сестры, а потомъ, по смерти ихъ, потомки. Курфирстъ Бранденбургскій, Іоаннъ Сигизмундъ, зять старшей сестры Вильгельма, и Филиппъ Людовикъ, палатинъ Нейбургскій, супругъ младшей сестры герцога, явились главными претендентами на богатое наслѣдство. Права Іоанна Сигизмунда были неоспоримы. Австрійскій домъ также имѣлъ виды на владѣнія Вильгельма подъ предлогомъ, что мужеская линія угасла; но когда это покушеніе не удалось, онъ объявилъ себя, вмѣстѣ съ Испаніею, за палатина Нейбургска-

го, Вольфганга-Вильгельма, сына Филиппа-Людовика, который ему наслѣдовалъ и принялъ католическую религiю. Республика Соединенныхъ Нидерландовъ и Нѣмецкiе протестантскiе князья приняли сторону Сигизмунда. Для нихъ весьма было важно, чтобы Клевскiя владѣнiя, находившiяся между Голландiею и Германiею, не достались католическому государю. Сигизмундъ былъ протестантъ, и, можетъ быть, изъ политическихъ видовъ, отъ лютеранскаго богослуженiя перешелъ къ реформатскому. Это спорное дѣло раздѣлило всю Европу. Францiя готовилась приступить къ Сигизмунду. Секвестръ всѣхъ Клевскихъ владѣнiй долженъ былъ открыть войну. Тайное волненiе господствовало повсюду; безпокойство мучило всѣхъ; народы колебались между надеждою и страхомъ: все возвѣщало о великомъ событiи, но никто не зналъ ни объ объемѣ его, ни о цѣли, ни о слѣдствiяхъ. Европа трепетала.

Генрихъ, готовясь отправиться къ войску, рѣшился, прежде отъѣзда, короновать торжественно свою супругу, дабы въ случаѣ необходимости возложить на нее управленiе королевствомъ. Парижъ готовился къ этому блистательному празднеству. Генрихъ лично пожелалъ осмотрѣть всѣ приготовленiя. Посреди своего народа, который онъ любилъ и имъ былъ любимъ, онъ прогуливался въ каретѣ довѣрчиво, безъ всякаго опасенiя, съ яснымъ взоромъ на

челѣ, съ благоволеніемъ въ душѣ. Карета надлежало остановиться при проѣздѣ чрезъ улицу ла Ферронери; неизвѣстный фанатикъ, по имени Равальякъ, воспользовался этимъ мгновеніемъ и поразилъ короля въ грудь кинжаломъ. Генрихъ умеръ, а съ нимъ исчезли и его 4 Мая обширные замыслы; Франція потеряла залогъ 1610 своего благоденствія; одна минута измѣнила судьбу Европы: все осуществленное царствованіемъ Генриха, все, что оно обѣщало впередъ, теперь было блестящимъ сномъ.

Не многія катастрофы были такъ поразительны; немногія событія были такъ бѣдственны и такъ рѣшительны. Судя по всѣмъ признакамъ, Генрихъ остался бы побѣдителемъ въ войнѣ противъ Австріи. Неспособность Рудольфа II, слабость Филиппа III, огромныя приготовленія Генриха, его войска, сокровища, союзы, его геній, народная любовь— все предсказывало ему торжество. Побѣда доставила бы ему право и возможность утвердить на прочномъ основаніи отношенія католиковъ и протестантовъ, и также независимость Голландіи. Война краткая, быстрая, дѣятельная предупредила бы войну продолжительную и разрушительную; войны тридцатилѣтней вѣроятно никогда бы не было. Причины, ее произведшія и питавшія, уничтожились бы въ самомъ началѣ. Въ то время, когда она началась, Европа владѣла бы тѣми выгодами, которыя она

прiобрѣла по Вестфальскому миру, можетъ быть, даже въ положенiи политическомъ болѣе прочномъ. Убивая Генриха IV, Равальякъ нанесъ смертный ударъ человѣчеству, и замедлилъ его успѣхи полустолѣтiемъ. Отъ смерти короля до
1618 начала войны, Европа наслаждалась спокойствiемъ, но то было спокойствiе вѣроломное, предвѣщавшее ужасныя бѣдствiя.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Европейскiя государства передъ тридцатилѣтнею войною. Францiя. Испанiя. Италiя. Нидерланды. Англiя.

Смерть Генриха IV погрузила въ печаль всю Францiю, кромѣ двора. Народъ страшился возвращенiя анархiи; вельможи ожидали ее, въ надеждѣ видѣть возобновленiе интригъ, коварства и партiй. Генiй, добродѣтель, патрiотизмъ оставили дѣла вмѣстѣ съ удаленiемъ Сюлли. Не могши болѣе дѣлать добро своему отечеству, и не желая быть участникомъ зла, сей великiй гражданинъ удалился въ свой замокъ Сюлли. Заплативъ долгъ государству, онъ не

хотѣлъ присутствовать при разрушеніи своего творенія, и считалъ обязанностію оставить мѣсто, на которомъ болѣе ему нельзя было быть полезнымъ. Его удаленіе явило торжественное доказательство несогласія его съ новыми правилами управленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ послужило важнымъ урокомъ для двора, который или не умѣлъ его понять, или не умѣлъ имъ воспользоваться. Марія Медичи, объявленная правительницею, основала продолжительность своей власти на невѣжествѣ и слабости сына своего, юнаго короля Людовика XIII. Вмѣсто того, чтобы занимать его полезными предметами, она оставляла его въ дѣтствѣ и забавляла самыми мелочными удовольствіями. Съ посредственнымъ умомъ она соединяла безпокойный характеръ, заставлявшій ее приниматься за такія дѣла, которыя была не въ состояніи привести въ исполненіе. Она хотѣла управлять другими, а между тѣмъ сама имѣла нужду въ руководителяхъ. Неукротимая, пылкая, она не умѣла пользоваться орудіями хитрости и ласки. Робкая и нерѣшительная, не умѣла также употреблять сильныхъ мѣръ тамъ, гдѣ не могла получить чего нибудь хитростію. Чрезмѣрная въ привязанности и ненависти, другъ легковѣрный, врагъ неумолимый, она внушала слишкомъ много безстрастія своимъ любимцамъ, и слишкомъ много страха и недовѣрчивости тѣмъ, которые подвергались ея немилости.

Марія Медичи облекла своею довѣренностію людей недостойныхъ. Это были Кончини и супруга его Елеонора пріѣхавшіе вмѣстѣ съ Маріею изъ Флоренціи. Кончини, сынъ секретаря герцога Флорентинскаго, человѣкъ бѣдный, безъ всякихъ личныхъ достоинствъ, возведенъ былъ въ достоинство камеръ-юнкера и маршала Анкрскаго, и низостями быстро дошелъ до высочайшей степени власти. Всѣ презирали его. Какъ иностранецъ, онъ оскорблялъ своимъ возвышеніемъ народное самолюбіе. Вельможъ волновалъ онъ своимъ высокомѣріемъ, народъ корыстолюбіемъ, истинныхъ гражданъ вздорными дѣлами. При всемъ томъ онъ былъ лучше своей супруги; часто отвергалъ ея честолюбивые замыслы, но она подчинила его своей волѣ и сдѣлала изъ него орудіе своихъ страстей. Будучи молочною сестрою королевы, Елеонора Галигай имѣла и надъ нею безпредѣльную власть. Марія совѣтывалась съ нею обо всѣхъ дѣлахъ, и слѣпо слѣдовала ея совѣтамъ. Высокомѣрная, мстительная, пронырливая, эта женщина, посѣвая раздоръ между королемъ и королевою, причиняла много огорченій Генриху IV, и послѣ его смерти была источникомъ бѣдствій для Франціи. Превосходя своего супруга умомъ и дарованіями, она даже отличалась какимъ-то мужествомъ, и какъ все могла сдѣлать, то и дерзость ея равнялась ея власти.

Вельможи не могли равнодушно смотрѣть на могущество обоихъ чужеземцевъ, и неотвыкнувъ еще отъ страсти къ мятежамъ, взялись за оружіе, чтобы принудить королеву избрать болѣе довольныхъ министровъ. Генрихъ II, принцъ Конде, желавшій управлять государствомъ, явился главою недовольныхъ. Марія усмирила ихъ сколько своими силами, столько же и искусными переговорами. Договоръ, заключенный въ Сенъ-Менегульдѣ и доставившій 1614
выгоды главнымъ лицамъ мятежа, повидимому прекратилъ всѣ безпокойства.

Совершеннолѣтіе короля и собраніе государ- 1614
ственныхъ чиновъ не произвели никакого измѣненія въ существовавшемъ порядкѣ вещей. Король, совершеннолѣтній только по имени, на самомъ дѣлѣ оставался подъ опекою матери, которая сама была управляема своими приближенными. Собраніе государственныхъ чиновъ ничего не сдѣлало для блага королевства; ихъ голосъ былъ слабъ, поступки нерѣшительны; всѣ ихъ жалобы оставались безъ вниманія. Съ этого времени ихъ не созывали болѣе.

Возрастающее могущество Кончини произвело безпокойства. Принцъ Конде, завидуя ихъ власти, взялся за оружіе, и въ другой разъ былъ успокоенъ Луденскимъ трактатомъ. Но Кончини, приказавъ его схватить и имѣвъ дерзость отдалить прежнихъ министровъ, самъ ускорилъ свое паденіе. Неизвѣстный молодой человѣкъ

погубилъ его. Люинь (Luynes), давно уже служившій камеръ-пажемъ при Людовикѣ XIII, своими небольшими пріятными дарованіями пріобрѣлъ его довѣренность. Ему-то повѣрялъ король тайныя горести о своемъ безсиліи и о дерзости любимцевъ своей матери. Успѣхи Люиня развернули его честолюбіе. Рѣшившись возвыситься на паденіи маршала Анкра, онъ присовѣтывалъ королю принять мѣры смѣлыя. Витри, капитанъ гвардіи, получилъ приказъ арестовать маршала; онъ повиновался; но въ ту минуту, когда потребовалъ отъ Кончини шпаги, этотъ несчастный былъ убитъ солдатами, подъ предлогомъ сопротивленія. Народъ высказалъ свою ненависть надъ его трупомъ. Супругу Кончини также предали суду, и приговорили къ смерти, обвинивъ въ разныхъ преступленіяхъ. Она была виновна, но не была преступницею предъ закономъ; приговоръ, произнесенный надъ нею, покрылъ стыдомъ ея судей. Она съ благородствомъ его выслушала, и умерла съ твердостію.

Марія Медичи, изумленная рѣшительностію совѣтниковъ своего сына, устрашенная плачевною судьбою своихъ любимцевъ, впрочемъ видя еще къ себѣ уваженіе, принуждена была скрывать свою злобу и мщеніе. Люинь возвышался. Правда, Людовикъ перемѣнилъ только опекуна, но по крайней мѣрѣ Люинь предоставлялъ ему наружную власть и не совсѣмъ былъ

недостоинъ своего возвышенія. Онъ имѣлъ умъ, но ему не доставало просвѣщенія, познаній, дѣятельности, такъ что дарованія его не согласовались съ занимаемымъ имъ мѣстомъ. На его сторонѣ была пріятная и благородная наружность, онъ искренно любилъ короля и предпочиталъ честь деньгамъ.

Людовикъ XIII почиталъ себя свободнымъ, и повидимому справедливо, потому что онъ самъ избралъ Люиня. Король сей, несчастный въ продолженіе всей своей жизни отъ недостатка воли, не имѣлъ ни одного изъ блистательныхъ и любезныхъ качествъ своего родителя; но нельзя сказать, чтобы онъ не имѣлъ никакихъ достоинствъ. Природа отказала ему въ дѣятельномъ и плодовитомъ воображеніи великаго Генриха, но она одарила его умомъ размышляющимъ, легко обнимающимъ идеи другихъ. Храбрость его не была ослѣпительною; но какъ скоро онъ являлся предводителемъ войскъ, то доказывалъ, что не страшился опасностей, которымъ противопоставлялъ холодное и обдуманное мужество. Строгій и печальный характеръ представлялъ большой контрастъ съ веселымъ нравомъ его родителя, но это было слѣдствіемъ слабаго темперамента и подозрѣній, которыми окружили его юность. Занимавшіеся его воспитаніемъ хотѣли, чтобы онъ не довѣрялъ самому себѣ и во всѣхъ дѣлахъ полагался на нихъ. Вотъ что было единствен-

ною причиною его ошибокъ и несчастія. Онъ видѣлъ благо, и отказывался отъ своихъ намѣреній, чтобы слѣдовать другимъ; онъ желалъ дѣйствовать, и самъ осуждалъ себя на бездѣйствіе. Скучая постороннимъ вліяніемъ, но не будучи въ состояніи обойтись безъ него, втайнѣ негодуя на свою слабость, не имѣя смѣлости уничтожить свою зависимость, Людовикъ XIII оставался такимъ во всю жизнь. Таковъ онъ былъ и при объявленіи себя совершеннолѣтнимъ.

Расточительность Маріи была причиною обѣднѣнія государства; интриги двора отвлекали вниманіе правительства отъ полезныхъ предметовъ; но Франція не совсѣмъ лишилась своихъ силъ; она трудилась и обогащалась въ молчаніи. Къ сожалѣнію, вельможи противились еще законамъ и государю. Реформаты, которымъ важныя преимущества Нантскаго эдикта могли служить оборонительнымъ орудіемъ, составляли въ государствѣ какое-то особенное сословіе, и предводители ихъ часто говорили имъ о необходимости защиты. Мятежный духъ дворянства и независимость реформатовъ питали надежду чужеземцевъ, которые старались Францію уничтожить Франціею. Марія Медичи не слѣдовала политической системѣ великаго Генриха, который въ Австріи видѣлъ естественнаго врага Франціи. Двойной бракъ сблизилъ домы Австрійскій и Бурбонскій. Людовикъ XIII женился на Аннѣ Австрійской, дочери

Филиппа III, короля Испанскаго, а принцъ Астурійскій на принцессѣ крови Французской. При наружномъ согласіи обоихъ дворовъ можно было бы сказать, что всѣ опасенія и всякая недовѣрчивость прекратились, а между тѣмъ отношенія обѣихъ державъ не измѣнились, и выгоды ихъ всегда оставались противоположными. Ришельё предоставлено было провести Францію къ истиннымъ началамъ. Арманъ дю Плесси, тогда еще епископъ Люсонскій, началъ свою роль при Кончини и продолжалъ при Люинѣ. Онъ трудился скрытно для удовлетворенія своего обширнаго честолюбія, бывшаго только естественною потребностію генія еще болѣе обширнаго. Показавъ себя при достиженіи управленія дѣлами столько же хитрымъ, сколько въ послѣдствіи смѣлымъ для удержанія пріобрѣтеннаго мѣста, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ тогда же явилъ себя уклончивымъ, а послѣ совершенно непоколебимымъ.

Испанія не воспользовалась, какъ бы должно было ожидать, великими перемѣнами, произведенными во Франціи смертію Генриха. Она трепетала предъ угрожавшею ей опасностію, но не принимала никакихъ мѣръ для отвращенія ея возрожденія. Дарованія, дѣятельность, энергія, отличавшія царствованіе Карла V и его сына, какъ будто навсегда покинули эту отрасль Австрійскаго дома. Она не представляетъ болѣе замѣчательныхъ государей и слѣ-

довъ той силы, которая, въ продолженіе полу-столѣтія, изумляла и устрашала Европу. Не смотря на истощеніе финансовъ, разстройство государства, безхарактерность короля, обширные замыслы и притязанія Испанскаго Кабинета все еще существовали. Честолюбивыя идеи и планы о всемірной монархіи, болѣе нежели когда нибудь химерныя, передавались по преданію. Испанія была раззорена, но сохранила прежній важный тонъ и привычки; она убаюкивала себя надеждами прошедшаго величія, болѣе и болѣе ослабляла себя, и принимая усиліе за силу, ослѣплялась успѣхами своего паденія.

1598—1621 Филиппъ III, занимавшій Испанскій престолъ, только въ одномъ былъ подобенъ своему отцу: онъ отличался такимъ же преслѣдовательнымъ фанатизмомъ. Филиппъ III, холодный и молчаливый, видѣлъ величіе въ одномъ этикетѣ, и полагалъ, что мудрость состоитъ въ важности, а вся политика въ молчаніи. Заключившись въ своемъ дворцѣ, ни до кого недоступный, онъ являлся въ публикѣ для того, чтобы своимъ присутствіемъ удостоить auto-da fé. При самомъ вступленіи на престолъ, онъ предоставилъ управленіе королевствомъ Франциску Гомецу де Сандовалю, маркизу Деніа и герцогу Лерма.

Съ умомъ свѣтскаго человѣка этотъ министръ соединялъ корыстолюбіе, эпикурейскую

лѣность и въ безстрастіи соперничествовалъ съ Филиппомъ, который поручилъ ему всѣ дѣла. Но герцогъ самъ положился во всемъ на Родриго Кальдерона, своего любимца. Кальдеронъ былъ сынъ бѣднаго солдата изъ Валладолида; изъ простаго служителя герцога Лермы онъ сдѣлался графомъ Олива и маркизомъ Сіетъ-Иглезіасъ, совершенно овладѣлъ умомъ герцога и деспотически управлялъ Испанцами. Безъ дарованій нельзя возвыситься изъ низкаго званія до такой степени. Кальдеронъ имѣлъ дарованія, но возвышеніемъ своимъ обязанъ недостаткамъ герцога и, можетъ быть, гораздо болѣе своимъ собственнымъ порокамъ, нежели своему уму и дѣятельности. Подобострастный предъ королемъ, онъ былъ гордъ съ вельможами, дерзокъ съ равными, тиранъ съ низшими. Герцогъ Лерма считалъ государство фермою, которой произведенія должны питать его роскошь. Доставку сихъ произведеній онъ поручилъ Кальдерону, предоставивъ ему огромныя выгоды. Кальдеронъ достойнымъ образомъ исполнялъ такое порученіе. Подъ видомъ налоговъ онъ грабилъ частныхъ владѣльцевъ и продавалъ съ публичнаго торгу то, что принадлежало государству. Безотчетно владычествовали эти временщики надъ Испаніею. Государственный совѣтъ, съ которымъ иногда совѣтывался Филиппъ II, былъ уничтоженъ Лермою, который не хотѣлъ имѣть свидѣтелей въ своихъ политическихъ дѣй-

ствіяхъ. Духовенство и дворянство говорили иногда смѣлыя и сильныя истины предъ народ-
1602 ными Генеральными Штатами; но скоро и ихъ не стали созывать, довольствуясь мнѣніемъ средняго сословія, болѣе мирнаго, не такъ богатаго и не такъ просвѣщеннаго. Богатые грузы Американскихъ кораблей были недостаточны для расточительныхъ министровъ; поземельный налогъ возвысили до того, что землѣ угрожало совершенное безплодіе. Испанія страдала отъ упадка земледѣлія и народонаселенія; подобно разслабленному больному, надѣющемуся возвратить потерянныя силы кровопусканіемъ, Филиппъ, слушая только пагубные совѣты архіепископовъ
1609—1610 Толедскаго и Валенцскаго, изгналъ изъ своихъ владѣній шесть сотъ тысячъ Морисковъ. Не смотря на угнетѣніе, дѣятельные Мориски обработывали и оплодотворяли землю. Изгнаніе ихъ было невознаградимою потерею для королевства. Извнѣ Испанія также лишилась своей значительности и могущества. Она была даже принуждена заключить двѣнадцати-лѣтнее перемиріе съ Нидерландами и признать ихъ независимость. Но губернаторы и посланники, представлявшіе ее въ разныхъ частяхъ монархіи и въ земляхъ чужеземныхъ, еще одушевлялись господствующимъ, безпокойнымъ духомъ Филиппа II. Не достигая болѣе до всемірнаго владычества могуществомъ, они принуждены были составлять заговоры, и замѣнять откры-

тыя нападенія и искренніе переговоры тайными кознями и враждебными замыслами.

Италія представляла теперь зрѣлище искусно составленнаго и глубоко обдуманнаго заговора, долгое время скрывавшагося подъ непроницаемою завѣсою; она еще дивилась дерзости проекта, страшилась его. Равнымъ образомъ вся Европа негодовала на этотъ замыселъ; Испанія награждала его виновниковъ. Три человѣка, сближенные другъ съ другомъ дарованіями и наклонностями, жаждавшіе славы, часто награждающіе подобные успѣхи, надѣясь на обѣщанныя Испанскимъ Кабинетомъ награды, соединили свой умъ, средства и дѣятельность для разрушенія Венеціи, старѣйшей и знаменитѣйшей изъ Италіянскихъ республикъ. Всѣ трое занимали важныя общественныя должности. Маркизъ Толедскій былъ губернаторомъ Медіолана; герцогъ Оссуна вице-королемъ Ненаполитанскимъ; маркизъ Бедмаръ Испанскимъ посланникомъ въ Венеціи. Они положили зажечь Венеціянскій арсеналъ, и воспользовавшись неизбѣжными при этомъ случаѣ безпорядкомъ и смятеніемъ, овладѣть городомъ и ниспровергнуть государство. Толедо обѣщалъ прислать войска со стороны Медіолана, Оссуна отправить флотъ въ Адріатическое море, подъ предлогомъ наказанія пиратовъ; Бедмаръ употребилъ интриги, деньги, обѣщанія, чтобы въ самой Венеціи составить себѣ партію, и под-

купить арсенальныхъ работниковъ. Онъ надѣялся на Бернаботтовъ, мелкое Венціянское дворянство, всегда завидовавшее богатымъ и знатнымъ патриціямъ, на дворянство твердой земли, которое, исключая правительство, было чуждо общественнаго духа, и желало переворота, который бы уравнялъ всѣхъ, и наконецъ на многочисленную массу народа безъ имущества и положительныхъ правилъ. Опасенія и надежды, искусно распространенныя Бедмаромъ, изумленіе и ужасъ при первомъ возстаніи, могли обѣщать заговорщикамъ совершенный успѣхъ. Домъ посланника былъ сборнымъ мѣстомъ заговорщиковъ; арсеналъ тайнымъ театромъ ихъ движеній: все было сосредоточено, предусмотрѣно, приготовлено; роли раздѣлены; ходъ, день, даже часъ назначены, бдительность Совѣта Десяти отстранена; Венеція погибала. За нѣсколько часовъ до катастрофы, угрызеніе совѣсти заговорило въ душѣ одного сообщника; онъ раскрылъ всѣ подробности заговора; правительство помогло ему мѣрами мудрыми, быстры-
1618 ми и рѣшительными; республика была спасена.

Италія увидѣла изъ этого заговора все властолюбіе Испаніи; но не могла прибѣгнуть къ справедливому отмщенію, потому что всѣ умы были окованы страхомъ. Сама Венеція видѣла себя въ жестокой необходимости скрывать свои чувства, и наблюдала столь глубокое молчаніе,

что многіе сомнѣвались въ достовѣрности событія.

Италія наслаждалась миромъ, но это былъ миръ сомнительный. Испанія, владѣя Медіоланомъ и Неаполемъ, имѣла вліяніе также на сѣверъ и югъ. Гдѣ она не владычествовала силою, тамъ царствовала своимъ кредитомъ и всегда дѣятельнымъ вліяніемъ. Многіе Италіянцы желали, чтобы Франція пріобрѣла перевѣсъ для противодѣйствія; но эта минута еще не наступила.

Папа Павелъ V, какъ государь, ненавидѣлъ Испанію, но его ненависть была безсильна; какъ первосвященникъ, онъ не желалъ разрыва съ этою страшною державою. Испанія, исповѣдывавшая католическую религію, была богатымъ рудникомъ для Церковной Области.

Тоскана обогащалась торговлею. Козьма II, управлявшій симъ небольшимъ государствомъ, занимался, по примѣру первыхъ Медичи, торговыми оборотами, производя подъ чужимъ именемъ большія дѣла. Но самъ своимъ именемъ онъ покровительствовалъ науки и даже Философію. Для утвержденія своего политическаго существованія, онъ старался замѣнять силу, которой у него не было, уклончивостію.

Гонзаги, владѣвшіе Мантуею, также герцоги Пармскіе и Моденскіе, носили только титулъ государей: вице-короли Испанскіе управляли всѣми ихъ дѣлами.

Карлъ Еммануилъ, герцогъ Савойскій, лишился по Ліонскому договору Брессы и Бюже; эту потерю онъ вознаградилъ пріобрѣтеніемъ маркизства Салюцци. Савоія скрытно усиливалась на счетъ Генуи; она посѣвала тамъ раздоры, которыми думала воспользоваться. Генуя, нѣкогда могущественная, теперь принуждена была обороняться отъ нападеній врага, прежде ею долго презираемаго.

Между тѣмъ какъ Италіянскія государства склонялись къ упадку, республика Соединенныхъ Нидерландовъ, уже укрѣпившаяся посреди бурь, продолжала въ мирѣ утверждать свое существованіе. Она принудила Испанію подписать актъ освобожденія. Тщетно Филиппъ II надѣялся возвратить своему дому Нидерланды чрезъ бракосочетаніе ерцъ-герцога Альберта съ инфантою Изабеллою. Новая республика не упускала изъ виду своихъ истинныхъ выгодъ, и не страшилась войны. Дарованія Амброзія Спинолы, ревностно поддерживавшаго ерцъ-герцога, нашли въ дарованіяхъ Морица, наслѣдника власти, имени и славы Вильгельма, достойнаго соперника, и нѣсколько разъ республика торжествовала надъ геніемъ и усиліями хитраго Генуезца. Испанія чувствовала потребность мира, но хотѣла заключить только перемиріе, а перемиріе, ею подписанное, было настоящимъ миромъ. Президентъ Жаненъ, именемъ Франціи
1609 дѣйствовавшій за Нидерланды, имѣлъ сильное

вліяніе на сей трактатъ. Испанская гордость видѣла въ срокѣ перемирія удачное прикрытіе своего безсилія, а республика надѣялась имъ воспользоваться для увеличенія своихъ силъ. Для окончательнаго униженія своего врага она выжидала, пока сама болѣе укрѣпится, и когда событія представятъ благопріятный случай. Но спокойная и уважаемая извнѣ, республика была волнуема внутренними безпорядками. Двѣ партіи, вѣчно существовавшія во всѣхъ республикахъ, рано образовались въ Нидерландахъ. Обѣ желали блага отечества; обѣ имѣли превосходныхъ гражданъ, но обѣ могли подать поводъ къ честолюбивымъ замысламъ. Одна боялась, чтобы власть правителей не обратилась въ деспотизмъ; другая, чтобы свобода гражданъ не перешла въ своевольство и безначаліе. Первая хотѣла, чтобы власть была раздѣльная, и чтобы участіе штатовъ было важнѣе участія штатгальтера; вторая, убѣжденная въ томъ, что надобно сосредоточивать всѣ источники правленія въ небольшомъ числѣ рукъ, намѣревалась увеличить преимущества принца. Разумѣется, Морицъ былъ душею той партіи, которая видѣла общественное благо въ поддержаніи и усиленіи его власти; Ольденъ Барневельдъ, адвокатъ провинціи Голландіи, былъ главою другой. Этотъ гражданинъ не довѣрялъ честолюбію и великимъ дарованіямъ Морица. Съ умомъ глубокимъ, просвѣщеннымъ онъ сое-

диняль большую опытность въ дѣлахъ, неутомимую ревность къ отчизнѣ и истинно древнюю простоту. Онъ состарѣлся въ трудахъ, полезныхъ для государства; его безпокойная бдительность наблюдала за возрождающеюся республикою, и онъ же своею твердостію въ критическія минуты и искусствомъ въ переговорахъ отвращалъ внѣшнія опасности. Ему особенно одолжены Голландцы выгодами перемирія, и еще недавно, по его убѣжденію, Англійскій король возвратилъ имъ Бриль, Флессингенъ и Рамекенсъ. Всеобщая къ нему довѣренность была наградою его тридцати-трехъ лѣтней службы. Во время управленія Лейчестера, онъ спасъ республику отъ его властолюбія, и теперь наблюдалъ за Морицомъ. Обѣ партіи, также наблюдая другъ за другомъ и, оставаясь спокойными, вспомоществовали бы общественнымъ дѣламъ своею взаимною недовѣрчивостію, безъ богословскихъ споровъ, воз-
1609 никавшихъ въ этихъ провинціяхъ. Въ Лейденскомъ университетѣ явились двѣ противныя секты. Яковъ Арминій отвергалъ строгія постановленія Кальвина о предназначеніи и милости; Францискъ Гомаръ поддерживалъ ихъ. Такіе вопросы, касавшіеся самыхъ отвлеченныхъ предметовъ, никогда не должны бы были волновать умы; но, къ сожалѣнію, изъ училищъ они распространились по семействамъ, и вскорѣ вся Голландія раздѣлилась въ мнѣніи о

предметахъ, непонятныхъ для большей части людей. Гомаристы и Арминисты овладѣли всѣми. Ольденъ Барневельдъ находилъ идеи Арминія справедливѣе и проще. Морицъ опасался возвышенія Барневельда, и ненавидѣлъ его какъ тайнаго врага своей особы и своего дома. Чтобы объявить себя въ пользу Гомара, для принца Оранскаго, довольно было, чтобы Барневельдъ присталъ къ партіи Арминія. Тогда, конечно, враги сильнѣе вооружились другъ противъ друга; каѳедры огласились злыми выходками, и для прекращенія столь соблазнительной борьбы полагали всего лучше представить дѣло на разсмотрѣніе національнаго синода. Арминисты, болѣе кроткіе, болѣе терпѣливые и не такъ сильные, какъ ихъ противники, сами просили обсужденія своихъ мнѣній. Барневельдъ и Голландскіе чины, которыми онъ управлялъ вмѣстѣ съ глубокомысленнымъ Гроціусомъ, воспротивились созванію синода. Они полагали, что рѣшеніе подобнаго собранія ничего не можетъ сказать ни за, ни противъ истины, что приговоры его не могутъ имѣть силы закона. Притомъ же легко можно было предвидѣть, что Арминисты проиграютъ свое дѣло, а ихъ терпимость была выгоднѣе для торговой республики, чѣмъ нетерпимость ихъ противниковъ; наконецъ Голландскіе штаты полагали, что каждая область одна сама собою можетъ судить о религіи. Для возстановленія порядка въ горо-

дахъ, волнуемыхъ Гомаристами, Голландскіе штаты собрали войска, безъ содѣйствія Морица, генералъ-капитана республики. Это послужило сигналомъ къ мщенію. Принцъ, обиженный такимъ посягательствомъ на свою власть, увѣренный въ покровительствѣ многочисленной и сильной партіи, воспользовался симъ случаемъ, чтобы удовлетворить своей ненависти къ Ольдену Барневельду, которому онъ не могъ простить поспѣшное заключеніе перемирія съ Испаніею. Почтеннаго старца арестовали вмѣстѣ съ Гогербетсомъ, Гроціусомъ и Леденбергомъ, его сотрудниками. Морицъ хотѣлъ его погубить, и для достиженія своей цѣли, нарушилъ постановленія. Арестъ свершился безъ согласія государственныхъ чиновъ, и исполнители не обращали никакого вниманія на убѣдительное предстательство Голландскихъ штатовъ. Фанатизмъ гомаристовъ одобрялъ всѣ поступки принца. Генеральные штаты одобрили все дѣло, арминистовъ отстранили отъ Голландскихъ штатовъ и отъ магистратуры городовъ; ихъ замѣнили Гомаристы, и тѣ, которые протестовали противъ дѣйствій Морица, теперь повсюду распространяли рукоплесканія. Ободренный успѣхомъ, принцъ объявилъ о судѣ Барневельда и его друзей. Судьями назначили большею частію ихъ отъявленныхъ враговъ; то были фанатики, позволявшіе себѣ все для восторжествованія своего дѣла. Невозможно было въ чемъ ни-

будь обвинить знаменитыхъ гражданъ; имъ приписали разныя преступленія, обвинили Барневельда въ измѣнѣ отечеству, которое ему было обязано своимъ существованіемъ. Посланникъ Французскій дю Морье и вдовствующая принцесса Оранская, желая сохранить Морица и республику отъ вѣчнаго поношенія, возвысили свой голосъ въ пользу Барневельда; его лѣта, его доблести, его безсмертныя заслуги сами говорили за него всѣхъ сильнѣе; но все было напрасно. Его супруга и дѣти умоляли только о справедливости, и имъ отказали; но, достойные принадлежать сому почтенному гражданину по благородной гордости, они не хотѣли просить помилованія, которое, можетъ быть, и получили бы отъ надменнаго Морица. Семидесятидвухъ-лѣтній Барневельдъ понесъ на эшафотъ голову, убѣленную почетными трудами. Увѣренный въ своей невинности, онъ безъ сожалѣнія предалъ врагамъ остатокъ жизни, уже склонявшейся къ западу, и послѣдній его вздохъ былъ желаніемъ блага неблагодарной отчизнѣ, которая тридцати трехъ-лѣтнюю преданность награждала смертною казнію. Гогебертсъ и Гроціусъ были осуждены на вѣчное заключеніе; Леденбергъ, устрашенный грозившими муками, умертвилъ самъ себя. Дордрехтскій синодъ осудилъ Арминистовъ, преслѣдуемыхъ во всѣхъ провинціяхъ.

Во время сихъ плачевныхъ сценъ, которыя желаешь забыть для славы Морица и человѣчества, промышленость и торговля республики продолжали преуспѣвать, развиваясь съ изумительною быстротою. Голландскій флагъ развѣвался на всѣхъ моряхъ; тысяча двѣсти купеческихъ кораблей привозили въ Голландскія гавани произведенія извѣстнаго свѣта, откуда они потомъ переходили во всю Европу. Такія богатства позволяли содержать тридцать тысячъ пѣхоты и четыре тысячи кавалеріи. Голландскія крѣпости были укрѣплены весьма хорошо; лагери почитались школою храбрости, и юное дворянство большей части Европы стекалось учиться военному искусству подъ знаменами принца Морица и брата его Фридриха-Генриха.

Англія не удержала за собою въ Европѣ того высокаго уваженія, которымъ она пользовалась при Елисаветѣ. Причиною того были личный характеръ Іакова и принятая имъ по-
1603 литическая система. Парламентъ провозгласилъ его королемъ тотчасъ послѣ смерти Елисаветы, назначившей его своимъ преемникомъ. Іаковъ, сынъ Маріи Стуартъ и Дарнлея, не имѣлъ ни одного изъ любезныхъ и блистательныхъ качествъ своей матери. Его умъ не былъ лишенъ прозорливости, но ему недоставало вѣрнаго и обширнаго сужденія. Іаковъ былъ ученъ, но занимался предметами, чуждыми своего сана, между прочимъ, богословскими преніями. При

выборѣ занятій и при хвастовствѣ своими познаніями, показывалъ онъ смѣшное педантство. Робкій, онъ отказывался отъ всѣхъ предпріятій трудныхъ или сомнительныхъ. Слабый въ управленіи самимъ собою, онъ однако жъ хотѣлъ пользоваться тою же властію, какую имѣла Елисавета. Шотланды любили его, но не уважали и не боялись; Англичáне, сравнивая его съ Елисаветою, считали его неспособнымъ къ поддержанію народной славы, видѣли въ немъ тѣсный умъ и обыкновенную душу.

Вступленіе на престолъ Іакова соединило двѣ державы, долго между собою враждовавшія. Шотландія, радуясь, что даетъ Англіи короля, забывала, что она сама все-таки будетъ играть второстепенную роль, и съ ея стороны совершенное сліяніе обоихъ королевствъ, быть можетъ, не встрѣтило бы непреодолимыхъ затрудненій. Но Англія еще не совершенно понимала свои истинныя выгоды для исполненія проекта, внушаемаго здравою политикою. Кромѣ того организація Шотландской церкви и религіозныхъ началъ Шотландцевъ противились соединенію обоихъ народовъ. Разныя секты дѣйствовали тогда съ бóльшею силою. Хотя Іаковъ былъ воспитанъ въ строгихъ правилахъ пресвитеріянъ, но онъ покровительствовалъ англиканской іерархіи, больше по склонности нежели по обязанности. Онъ думалъ найти въ ней сильную опору своей власти,

тогда какъ пресвитеріянское ученіе по видимому угрожало ему. Это ученіе сдѣлало большіе успѣхи въ Англіи, и даже приняло въ ней характеръ, несовмѣстный съ общественнымъ порядкомъ. Пуритане начинали становиться опасными, и громко жаловались на Іакова. Католики съ своей стороны, надѣявшіеся, что сынъ католической королевы возстановитъ ихъ религію на престолѣ, теперь съ негодованіемъ видѣли, что Іаковъ обманулъ ихъ надежды. Увлекаемые слѣпымъ, жестокимъ фанатизмомъ, убѣжденные въ томъ, что цѣль узаконяетъ средства, тайно воспламеняемые іезуитами, агентами папы и Испаніи, они безпрестанно составляли заговоры противъ правительства. Самый ужасный заговоръ извѣстенъ подъ названіемъ *пороховаго*. Хотѣли погубить короля, королевскую фамилію, дворъ и оба парламента, во время ихъ собранія. Никогда, можетъ быть, фанатизмъ не являлся столь ужаснымъ и столь обдуманнымъ. Но тайное письмо, писанное однимъ изъ заговорщиковъ къ перу королевства, котораго должно было пощадить, и прозорливость Іакова спасли Англію.

Не смотря на враждебные замыслы католиковъ и многочисленныя доказательства ихъ сношеній съ Испаніею, Іаковъ не только за-
1604 ключилъ миръ съ этою державою, но еще хотѣлъ, кажется, вступить съ нею въ тѣснѣйшія отношенія. Или изъ политики, или изъ ревно-

сти, онъ не склонялся на сторону Франціи. Хитрость и краснорѣчіе Сюлли, по видимому убѣдили его въ пользу великихъ замысловъ Генриха IV, но вѣроятно онъ никогда не сталъ бы поддерживать ихъ. Голландія, которой благосостояніе и могущество Англія считала своимъ дѣломъ, мало занимала Іакова. Не держась политической системы, которой слѣдовала Елисавета съ такою славою, онъ хотѣлъ сохранять миръ во что бы то ни было, хотя бы съ пожертвованіемъ народной чести, потому что войны онъ не умѣлъ вести, и вообще былъ неспособенъ быть блистательнымъ въ обстоятельствахъ критическихъ. Англичане, страстные охотники до смѣлыхъ предпріятій, враги Испаніи по религіи и по политикѣ, всегда предпочитавшіе опасности славы и дѣятельность могущества бездѣйствію, роптали на Іакова и не скрывали своего къ нему нерасположенія.

При всемъ томъ надобно отдать ему справедливость въ томъ, что мирные досуги онъ употребилъ на полезные труды. Ирландія, всегда безпокойная и чуждая благодѣяній цивилизаціи, получила такое устройство въ судебномъ отношеніи, что гражданская свобода лицъ всѣхъ состояній была упрочена. Неопредѣленные и произвольные обычаи замѣнились письменными законами. Мореплаваніе ободрялось. Правительство благопріятствовало новымъ учрежденіямъ въ Сѣверной Америкѣ и на Антиль-

скихъ островахъ. Эти колоніи служили обширнымъ складочнымъ мѣстомъ для Англійскихъ мануфактуръ. Въ это время подобныя предпріятія обыкновенно составлялись дѣятельными и смѣлыми частными лицами, которые у короля испрашивали только позволенія, а колоніи, долженствовавшія быть въ послѣдствіи главнымъ источникомъ богатства Англіи, почти были предоставлены на собственный ихъ произволъ, и оттого, можетъ быть, онѣ улучшились. Елисавета произвела монополіи торговли; она хотѣла ободрить предпріимчивость надеждами на выгоды; но теперь монополіи препятствовали дѣятельности и замедляли промышленость; Іаковъ старался ихъ уничтожить.

Мирные и полезные труды, по видимому, стремились къ примиренію короля съ народомъ; а любимцы его дѣлали противное. Іаковъ выбиралъ ихъ неосмотрительно, осыпалъ ихъ почестями, не обращая вниманія на всѣ злоупотребленія этихъ людей. Робертъ Карръ, возведенный въ достоинство графа Сommерсетскаго, совершенно имъ управлявшій, обязанъ былъ возвышеніемъ своей пріятной наружности и увлекательному обращенію. Народъ однако жъ не любилъ его за многіе поступки, и самъ Іаковъ наконецъ узналъ о недостойномъ поведеніи своего любимца. Народъ требовалъ его смерти, но король ограничился однимъ удаленіемъ его отъ двора. Георгъ

Вилльерсъ, простой дворянинъ, въ цвѣтѣ лѣтъ и красоты, замѣнилъ графа въ сердцѣ и довѣренности Іакова, и вскорѣ, вмѣстѣ съ титуломъ герцога Букингама, занялъ важнѣйшія мѣста въ государствѣ. Букингамъ отличался большимъ умомъ, большею ученостію, и въ особенности, большею дѣятельностію нежели Соммерсетъ. Любя пышность, расточая свои и государственныя богатства, смѣшивая высокомѣріе съ гордостію, онъ обременялъ короля своими требованіями. Безумная его расточительность, истощая общественную сокровищницу, поставила Іакова въ необходимость прибѣгать къ парламентамъ. Парламенты, не такъ послушные, какими они были при Генрихѣ VIII и его преемникахъ, пользовались безденежьемъ короля для усиленія своей власти. Іаковъ и Букингамъ противопоставляли высокомѣріе и насиліе убѣжденіямъ, опиравшимся на духъ времени, и неискуснымъ сопротивленіемъ волновали тѣхъ, которыхъ бы могли усмирить или привлечь на свою сторону поступками твердыми, мудрыми. Поведеніе правительства не доставило ему уваженія народа. Голландцамъ возвратили города Бриллъ, Флессингенъ, Рамекенсъ, отданные въ залогъ Англіи, и для нея весьма важные. Эта политика была болѣе великодушна нежели умна, или, лучше, она была просто слѣдствіемъ корыстолюбія королевскаго любимца. Жадность Букингама внушила Іакову сію мѣру. Смерть си-

ра Вальтера Ралейга, погибшаго на эшафотѣ съ такимъ же мужествомъ, какое онъ показывалъ въ битвахъ, окончательно повредила королю и его министру въ общественномъ мнѣнiи. Ралейгъ отличался тѣмъ обширнымъ, сильнымъ, пылкимъ воображенiемъ, которое предпочитаетъ всему замыслы чрезвычайные, составляетъ ихъ съ какимъ-то романтизмомъ и легко принимаетъ желанiя за надежды. Подобныя души всегда вмѣщаютъ въ себѣ сильныя страсти и живутъ въ безпрерывномъ волненiи. Ралейгъ былъ честолюбивъ, но это честолюбiе чуждалось мѣстъ и титуловъ, а жаждало только наслажденiй дѣятельности, труда и славы. Люди съ подобнымъ характеромъ иногда принадлежатъ къ разряду людей великихъ, но чаще опасныхъ. Они играютъ жизнiю другихъ точно также какъ и своею. Отдаленныя открытiя, политическiе перевороты, основанiе или разрушенiе государствъ — вотъ единственные предметы ихъ пожирающей дѣятельности. Ралейгъ, отважный и смѣлый морякъ, неустрашимый воинъ, отличался еще при Елисаветѣ, въ войнѣ противъ Испанiи. Въ царствованiе Iакова онъ былъ обвиненъ въ замыслахъ, противныхъ общему спокойствiю. При недостаткѣ доказательствъ, нельзя было его осудить, но по сильнымъ подозрѣнiямъ онъ былъ лишенъ свободы. Въ темницѣ онъ принялся отъ скуки за литературные труды. Безпокойный умъ вну-

шилъ ему желаніе написать Всеобщую Исторію; но эти мирныя занятія не удовлетворяли его пылкой души. Чтобы освободиться отъ заключенія, онъ составилъ проектъ новыхъ поселеній на берегахъ Гвіаны. Планъ былъ принятъ правительствомъ, и Ралейгъ, котораго всегда желали удалить изъ Англіи, получилъ порученіе привести его въ исполненіе. Послѣ неудачныхъ опытовъ въ этомъ предпріятіи, онъ напалъ на владѣнія Испаніи. Такое насиліе народнаго права было тяжкимъ преступленіемъ, и долженствовало погубить Ралейга, особенно потому, что Англія ласкала Испанію, и что Букингамъ хотѣлъ сочетать бракомъ принца Валлійскаго съ инфантою. Отважнаго Ралейга предали суду; дерзкій поплатился своею головою; но Англія оплакивала его смерть, потому что религія и политика одушевляли ее противъ Испаніи, и въ этомъ дѣлѣ она видѣла новое доказательство угодливости министерства къ Мадридскому Кабинету.

Такимъ образомъ Англія, не теряя своего существеннаго могущества, лишилась этого же могущества во мнѣніи, слѣдуя ложной политической системѣ, и привязываясь къ своему естественному врагу. Теперь она была богаче, нежели при Елисаветѣ; но робкіе и нерѣшительные поступки обличали недостатокъ довѣренности и всѣ ея средства дѣлали безполезными. Смѣлость правилъ и общее неудоволь-

ствіе приготовили въ ней такія событія, которыя должны были, въ продолженіе долгаго времени, лишить ее всякаго внѣшняго вліянія.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Продолженіе того же предмета. Состояніе сѣвера предъ началіемъ 30-ти лѣтней войны. Швеція. Данія. Польша. Пруссія. Россія. Германія.

Сѣверъ былъ еще отдѣленъ отъ прочей Европы; чуждый политики юга и происшествій, его волновавшихъ, онъ не принималъ участія въ его развитіи и образованности. Ни одна изъ сѣверныхъ державъ не была такъ могущественна, чтобы внушить къ себѣ зависть въ другихъ, ни такъ просвѣщенна, чтобы самой другимъ завидовать, ни одна не думала о завоевательныхъ проектахъ, которые бы заставили другихъ приготовляться къ защитѣ. Не испытавъ перемѣнъ въ своихъ самостоятельныхъ силахъ, сѣверныя державы сохраняли тѣ же силы относительныя. Между ними не было противодѣйствія; всѣ онѣ находились почти въ одина-

ковомъ безсиліи; но уже приготовлялись событія, долженствовавшія выдвинуть ихъ изъ неизвѣстности; одинъ человѣкъ скрывалъ въ своемъ умѣ тѣ могущественныя средства, которымъ назначено было измѣнить политическую систему Европы.

Швеція давно уже лишилась виновника своей независимости и своихъ законовъ. Густавъ Ваза нисшелъ въ могилу съ достославными вос- 1560
поминаніями, но съ справедливыми опасеніями за будущую судьбу государства. Онъ оставилъ послѣ себя трехъ сыновей: Эрика, Іоанна и Карла. Эрикъ, пылкаго и мрачнаго характера, былъ неукротимъ въ своихъ желаніяхъ, неблагоразуменъ въ поступкахъ. Слабый, честолюбивый и скрытный Іоаннъ также былъ неспособенъ достигнуть власти прямымъ путемъ. Младшій братъ, Карлъ, отличался умомъ дѣятельнымъ, сильнымъ и еще сильнѣйшею волею; то непреклонный, то слишкомъ уклончивый, онъ иногда предпочиталъ прямую дорогу окольной, иногда же кстати умѣлъ употреблять съ успѣхомъ и хитрость. Эрикъ XIV царствовалъ толь- 1560—1567
ко восемь лѣтъ, ознаменовавъ свое правленіе многими неблагоразумными поступками. Присоединеніемъ Эстоніи къ Швеціи онъ былъ обязанъ безпокойствамъ, волновавшимъ Лифляндію. Послѣ тщетнаго искательства руки Елисаветы, онъ женился на дочери одного капрала, Катеринѣ Монкъ. Братъ его Іоаннъ сочс-

тался бракомъ съ католическою принцессою, дщерью Сигизмунда-Августа, послѣдняго изъ Ягеллоновъ. Эрикъ подозрѣвалъ его (и не безъ основанія) въ тайныхъ сношеніяхъ съ Поляками и въ заговорѣ. Іоанна осудили на смерть; братъ простилъ его, но это самое и погубило несчастнаго Эрика. Мрачный, недовѣрчивый и жестокій характеръ его былъ слѣдствіемъ одной болѣзни, которою онъ страдалъ съ самаго рожденія; по открытіи заговора болѣзнь усилилась и повергла несчастнаго въ совершенное безуміе. Лишенный разума, иногда доходя до бѣшенства, онъ не щадилъ никого. Іоаннъ и Карлъ, поддерживаемые высшимъ дворянствомъ, заключили его въ Грипсгольскій замокъ, гдѣ онъ жилъ еще нѣсколько лѣтъ. Іоанна провоз-
1568 гласили королемъ. Въ продолженіе двадцати-четырехъ-лѣтняго царствованія, онъ не умѣлъ пріобрѣсти ни любви подданныхъ, ни довѣренности и уваженія сосѣдей. Тайная привязанность его къ католической религіи и склонность къ деспотизму, взволновали Шведовъ, одинаково привязанныхъ и къ религіи и къ законамъ. Сынъ его, Сигизмундъ, былъ избранъ
1587 королемъ Польскимъ. Пріобрѣтая избиратель-
1592 ную корону, онъ потерялъ престолъ наслѣдственный. По смерти отца, онъ выказалъ предъ Шведами презрѣніе къ государственнымъ постановленіямъ, неблагоразумную ревность къ католицизму и намѣреніе имѣть мѣстопребыва-

ніе въ Польшѣ, а Швецію обратить въ провинцію.

Дядя его, Карлъ, знавшій, чего должно ожидать и надѣяться отъ народнаго характера въ подобныхъ обстоятельствахъ, и давно уже составившій честолюбивые замыслы, наблюдалъ за ошибками племянника и умно воспользовался ими. Швеція раздѣлилась на двѣ партіи: одна, состоявшая изъ знаменитыхъ фамилій, съ удовольствіемъ смотрѣла на пребываніе короля въ Польшѣ; она надѣялась царствовать въ его отсутствіе, и на развалинахъ монархической власти основать аристократію; другая, состоявшая изъ народа, привязанная къ своимъ политическимъ и духовнымъ постановленіямъ, страшилась поступковъ Сигизмунда. Она съ негодованіемъ смотрѣла на предпочтеніе, оказываемое другому народу, и притомъ страшилась возврата временъ безначалія, жалкихъ плодовъ Кальмарскаго союза. Карлъ присталъ къ этой партіи, которая отличалась честными видами, но которая была менѣе образована, и слѣдовательно болѣе способна увлекаться страстями, нежели разсчитывать свои поступки. Такіе умы легко можно было воспламенить. По внушенію сей партіи, а быть можетъ и для успокоенія ея, Сигизмундъ назначилъ Карла правителемъ королевства на время своего отсутствія, и такимъ образомъ самъ передалъ власть въ руки своего жесточайшаго врага. Хитрый Карлъ по-

ступалъ умно, осторожно, и не теряя изъ виду цѣли, приближался къ ней нечувствительно. Наконецъ Сигизмундъ, узнавъ объ угрожавшей опасности, рѣшился употребить силу, чтобы избавиться отъ невыгоднаго соправителя; но
1598 разбитый при Стангебрё, онъ принужденъ былъ подписать на Линкепингскомъ сеймѣ самыя тяжкія условія. Четыре сенатора, державшіе его сторону, погибли на эшафотѣ по приказанію честолюбиваго Карла, который съ этого времени, хотя и не пользуясь титуломъ короля, царствовалъ одинъ. Сигизмундъ отправился въ Польшу, чтобы скрыть свой стыдъ и безсильную злобу. Три года прошло, пока Карлъ рѣшился вступить на престолъ и принять скипетръ. Онъ хотѣлъ выиграть время для привлеченія на свою сторону или для усмиренія властолюбиваго дворянства. Наступилъ рѣшительный часъ: Норкепингскій сеймъ утвердилъ корону въ его фамиліи, и послѣ двѣнадцатилѣтнихъ трудовъ, опасностей и терпѣнія, онъ достигъ цѣли своихъ желаній.

1605 Война была неизбѣжна. Поляки поддерживали Сигизмунда, и поразили Шведовъ при Кирхгольмѣ, въ Ливоніи; но Польское дворянство слишкомъ хорошо знало свои выгоды, чтобы желать торжества Сигизмунда надъ соперникомъ и утвержденія его на Шведскомъ престолѣ. Подавая помощь своему королю они хотѣли только сохранить свою честь и въ то же

время утвердить свою независимость, а самую войну вели чрезвычайно вяло. Вскорѣ послѣ сего, политическія дѣла сѣвера приняли оборотъ весьма сложный: Швеція должна была воевать съ Русскими, которые не хотѣли признать своимъ царемъ ея принца, и съ Датчанами, король которыхъ лично ненавидѣлъ Карла IX и опасался перевѣса Швеціи на сѣверѣ. Карлъ, умирая, оставилъ три войны своему сыну; но 1611
этотъ сынъ былъ великій человѣкъ, и эти войны были для него школою храбрости, героизма и политики. Густаву-Адольфу минуло только осьмнадцать лѣтъ, когда онъ наслѣдовалъ отцу; онъ былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ геніевъ, которые не знаютъ дѣтства, изумляютъ своею раннею зрѣлостію, въ одно и то же время приносятъ цвѣты и плоды и угадываютъ все то, чего не знаютъ. Всѣ его блистательныя качества и даже недостатки согласовались съ потребностями народа, столько же любившаго энтузіазмъ и славу, сколько другіе любятъ спокойствіе. Мы увидимъ, какъ Густавъ явится на театрѣ гораздо обширнѣйшемъ, какъ онъ выдвинетъ своихъ храбрыхъ Шведовъ изъ неизвѣстности, какъ силою своихъ дарованій поставитъ Швецію на первую степень державъ, прославитъ ее, но не обогатитъ.

Данія отдыхала отъ прежнихъ волненій, и подъ отеческимъ правленіемъ Христіана IV заглаживала бѣдствія, причиненныя ей религіею и политикою. Немногіе государи отличались

такою превосходною наклонностію къ полезнымъ предметамъ. Христіанъ былъ созданъ болѣе для предпріятій мирныхъ, нежели смѣлыхъ и блистательныхъ. Впрочемъ онъ успѣшно велъ войну со Шведами; завоеваніе Кальмара было
1611 плодомъ его искусства; онъ заключилъ съ Густавомъ-Адольфомъ, въ Сіерёдѣ, выгодный для Даніи миръ. Кромѣ того, Данія владѣла Сканіею, Блекингіею и Багусомъ.

Сигизмундъ III занималъ Польскій престолъ, которымъ онъ былъ обязанъ дарованіямъ и ревности великаго канцлера Замойскаго. Этотъ престолъ, сдѣлавшись избирательнымъ, потерялъ и блескъ и прочность; высшее дворянство считало себя свободнымъ, потому что угнетало народъ и противилось королю; слабая власть короля не могла утвердить царство законовъ. Дворянство упрекало Сигизмунда въ многочисленныхъ нарушеніяхъ условія, которое онъ подписалъ, принимая корону. Между тѣмъ онъ лишился и Шведскаго престола, и это обстоятельство придало болѣе дерзости недовольнымъ. По смерти Замойскаго, противъ Сигизмунда составился общій заговоръ. Послѣ двухлѣтнихъ волненій, ознаменованныхъ безначаліемъ, король принужденъ былъ согласиться на самыя тяжкія условія, предложенныя ему вельможами. Но чтобы занять безпокойную дѣятельность Поляковъ, онъ вмѣшался въ безпокойства, происшедшія въ то время въ Россіи

по случаю прекращенія царствовавшаго дома. Всѣ бродяги, волновавшіе подъ ложными именами Русскую землю и наполнившіе ее своими преступленіями, вышли изъ Польши.

Россія долго должна была выдерживать жестокія потрясенія войны внутренней и внѣшней. Послѣ смерти Бориса Годунова, Русской землѣ, по видимому, суждено было сдѣлаться добычею преступнаго бродяги. Многіе самозванцы, подъ именемъ Димитрія, домогались престола, проливая кровь несчастныхъ Россіянъ. Въ такихъ ужасныхъ обстоятельствахъ, часть народа предлагала вѣнецъ сосѣдственнымъ государямъ, но истинные сыны отечества никогда не хотѣли повиноваться чужеземцу, и послѣ пятнадцати-лѣтнихъ волненій и бѣдствій эта партія восторжествовала. Добрый духъ сего государства, предназначеннаго для великихъ дѣлъ, внушилъ народу избрать Михаила Ѳеодоровича Романова, ближайшаго наслѣдника угасшаго дома. Мудрый и кроткій государь старался излечить раны Россіи. Сочетавшись бракомъ съ добродѣтельною Евдокіею, онъ приготовилъ славу государства, которому хотя и суждено было образоваться позже другихъ, но которое, выходя изъ неизвѣстности, долженствовало быть предметомъ всеобщаго изумленія.

Въ началѣ этого вѣка, Пруссія находилась также въ неизвѣстности. Герцогство сіе перешло въ отрасль Гогенцоллернскаго дома, за-

нимавшаго Курфирстскій Бранденбургскій пре-
1668 столъ. Еще при курфирстѣ Іоакимѣ II, рѣше-
но было, въ слѣдствіе умныхъ переговоровъ
канцлера Дистельмайера, чтобы восточная Прус-
сія перешла въ курфирстскій домъ, по пресѣче-
ніи наслѣдниковъ мужескаго пола Алберта Бран-
1625 денбургскаго, завоевавшаго эту область у Тевто-
ническаго ордена. Курфирстъ Іоаннъ-Сигизмундъ
еще болѣе упрочилъ за собою столь важное
наслѣдство чрезъ бракосочетаніе съ Анною, до-
черью Алберта-Фридриха, герцога Прусскаго.
Но Іоаннъ-Сигизмундъ по слабоумію не могъ уп-
равлять своими владѣніями, и регентство поруче-
но было зятю его. Послѣ же его смерти, во вла-
дѣніе Пруссіею вступилъ Сигизмундъ, получивъ
1618 на нее отъ Польши инвеституру. Онъ вскорѣ
умеръ, и ему наслѣдовалъ сынъ его Георгъ-Виль-
гельмъ. Этотъ государь, бывшій въ состояніи
предвидѣть опасности, но не предупредить или
преодолѣть ихъ, вступилъ на престолъ при об-
стоятельствахъ затруднительныхъ, когда ужасная
сила событій могла быть обуздана только душею
сильною, а онъ имѣлъ душу слабую. Недовѣряя
самому себѣ, полагаясь на окружавшихъ его
вѣроломныхъ совѣтниковъ, почитая бездѣйствіе
спокойствіемъ, а робость благоразуміемъ, онъ,
по своему характеру, былъ причиною бѣдствій
и своихъ собственныхъ и подданныхъ. До не-
го, Бранденбургъ дѣлалъ пріобрѣтенія, хотя мед-
ленныя, но прочныя; при немъ всему суждено

было разрушиться, дабы возродиться въ новыхъ блистательныхъ формахъ. Немногія государства одолжены столько личнымъ достоинствамъ своихъ монарховъ, которые почти всѣ были люди умные, энергическіе, а нѣкоторые принадлежали къ числу людей изумительныхъ. Рѣшительно можно сказать, что величіе Пруссіи было величіемъ царствовавшаго дома. Правда, домъ сей былъ многимъ обязанъ обстоятельствамъ, но онъ всегда умѣлъ или выждать, или произвесть и воспользоваться ими. Гогенцоллернская династія, перешедшая изъ Швабіи во Франконію, представляетъ картину мощнаго ума и силы воли, отличавшихъ ее отъ прочихъ домовъ. Начиная съ Фридриха I-го, который, пріобрѣтеніемъ Мархіи, представилъ доказательство порядка, бережливости и мудрости, до Георга-Вильгельма, всѣ государи отличались, хотя и не въ равной степени, характеристическими чертами.

Не только Пруссіи, но и всей Германіи угрожали въ это время величайшія бѣдствія. Германія, прекрасная страна Европы, плодоносная, богатая, обитаемая народомъ мужественнымъ, терпѣливымъ и дѣятельнымъ, страдала отъ своего внутренняго устройства и отъ религіознаго волненія, которое, рано или поздно, должно было произвести ужасныя катастрофы. Владѣтельные князья смотрѣли на императора, какъ на особу, пользующуюся однимъ титу-

ломъ, наблюдали за его дѣйствіями, опасаясь его возвышенія, и не повиновались ему. Они выбирали главу имперіи изъ Германской линіи Австрійскаго дома, потому что боялись Турокъ и считали Венгрію какъ бы оплотомъ Германіи. Со временъ Карла V, котораго честолюбивые замыслы были уничтожены умомъ и дѣятельностію Морица, императоры ничего не предпринимали противъ независимости Германіи; одни изъ умной политики, другіе по безпеч-
1555 ности, а нѣкоторые по безсилію. Фердинанду I-му Германія обязана религіознымъ миромъ. Миролюбивый императоръ умѣлъ успокоить воспламененные умы, удержать всѣ партіи и заставить вѣрить своему безпристрастію. Умѣряя вѣротерпимость справедливою строгостію въ отношеніи возмутителей общественнаго порядка, онъ имѣлъ счастіе поддержать его, оставивъ престолъ достойному сыну, наслѣдовавшему его правила, но превосходившаго его въ
1564 доблестяхъ. Максимиліанъ II не отличался блистательными качествами, за то искренно желалъ блага. Его кроткая, человѣколюбивая душа не была причастна ни къ какимъ страстямъ: она знала только свои обязанности. Образованный, чувствительный, онъ желалъ воспользоваться своими познаніями для сближенія католиковъ и протестантовъ и для уничтоженія всякаго раздора. Вѣкъ, въ которомъ онъ жилъ, не могъ понять его; умы должны были под-

вергнуться жестокимъ урокамъ испытанія, чтобы почувствовать цѣну умѣренности. По крайней мѣрѣ Максимиліанъ отдалилъ эпоху происхожденія религіозныхъ войнъ; онъ вездѣ являлъ твердость и справедливость, и Филиппѣ
II не потерялъ бы часть Нидерландовъ, если бы послѣдовалъ его совѣтамъ. Максимиліа- 1579
ну наслѣдовалъ сынъ его Рудольфъ II, котораго живой, проницательный умъ и разнообразныя свѣдѣнія подавали большія надежды народу. Но едва вступилъ онъ на престолъ, какъ погрузился въ совершенное бездѣйствіе; предавшись министрамъ, употреблявшимъ во зло его довѣренность, онъ приготовилъ бѣдствія Германіи. Вмѣсто того, чтобы обогащать себя порядкомъ и бережливостію въ финансахъ, онъ серіезно занимался дѣланіемъ золота и старался отгадывать будущность бреднями Астрологіи, не замѣчая очевидныхъ признаковъ волненія Европы. Въ продолженіе тридцатишести-лѣтняго царствованія, онъ ничего не сдѣлалъ для блага Германіи. Равнодушный и недѣятельный зритель безпрерывныхъ распрей между католиками и протестантами, обвинявшихъ другъ друга въ нарушеніи договоровъ, онъ не умѣлъ ихъ успокоить. Турки опустошили его наслѣдственныя владѣнія, не встрѣчая почти никакого сопротивленія. Имперскіе князья смотрѣли только на свои выгоды, или на мѣру своихъ силъ; всѣ привыкали къ безпорядку, безначалію и

готовились къ продолжительной войнѣ. Рудольфъ никогда не былъ женатъ. Ему хотѣлось
1610 отдалить отъ наслѣдства брата своего Матіаса, но этотъ дѣятельный и предпріимчивый князь предупредилъ его: онъ самъ принудилъ слаба-
1612 го Рудольфа еще при жизни уступить ему Богемію.

По смерти Рудольфа Матіаса избрали императоромъ; но какъ его лѣта и болѣзни не обѣщали продолжительной жизни, то всѣ были заняты выборомъ преемника. Матіасъ, равно какъ и братья его, Албертъ и Максимиліанъ, не имѣлъ дѣтей. По законамъ наслѣдства, престолъ принадлежалъ ерцъ-герцогу Фердинанду, изъ Стирійской линіи, двоюродному брату Матіаса и внуку Фердинанда I-го. Испанскій король Филиппъ III, знавшій характеръ этого государя и полагавшійся на него касательно исполненія своихъ честолюбивыхъ замысловъ, не противился ожидавшему Фердинанда счастію. Фердинандъ уже короновался королемъ Венгерскимъ и Богемскимъ, и легко было предвидѣть, что онъ получитъ и императорское достоинство. Его основныя правила, страсти и средства — все дѣлало его опаснымъ. Воспитанный езуитами въ духѣ нетерпимости, властолюбивый, одаренный умомъ размышляющимъ, способный къ составленію политическихъ плановъ и къ великимъ трудамъ, Фердинандъ соединялъ въ себѣ все то, что должно было внушить спра-

ведливое опасеніе тѣмъ, которые соображали съ его дарованіями и образомъ мыслей тогдашнее состояніе Германіи.

Мы уже замѣтили, что религіозный миръ 1555
былъ скорѣе дѣломъ обстоятельствъ, нежели здравой политики, и что онъ не только не удовлетворилъ ожиданіямъ партій, но еще доставилъ имъ орудіе для взаимной брани. Протестанты не получили мѣста въ императорской камерѣ въ Шпейерѣ, гдѣ засѣдали одни католики. Въ такое время, когда религіозныя отношенія уничтожали всякую мысль о справедливости, протестанты не могли вѣрить безпристрастію приговоровъ камеры, и стремясь къ усиленію, весьма тревожили католиковъ, которые опасались еще большихъ потерь. Такимъ образомъ обѣ партіи нарушали договоры, и отъ того происходили безпрерывныя жалобы, мщенія, вражда, ненависть, ежедневно болѣе и болѣе становившіяся открытыми. Императоръ наблюдалъ молчаніе, или склонялся на сторону болѣе сильныхъ; потому одни негодовали на его пристрастіе, другіе на его слабость.

Между тѣмъ всѣ опасались возобновленія замысловъ Карла V. Извѣстно, что эти планы, давно уже оставленные, были возобновлены при дворахъ Мадритскомъ и Вѣнскомъ. Обѣ отрасли Австрійскаго дома сблизились со времени вступленія на престолъ Филиппа III, и въ особенности при Матіасѣ. Испанія лишилась свое-

го могущества; власть Австрійскаго дома въ Богеміи и Венгріи была оспориваема, а соединеніе ихъ силъ могло быть опасно для Германіи. Генрихъ IV пробудилъ протестантовъ, увѣривъ, что существованіе ихъ до тѣхъ поръ будетъ сомнительно, пока не уничтожится Австрія. Такія мысли созрѣли въ головѣ нѣкоторыхъ
1610 людей. Евангелическій союзъ (унія), заключенный въ Галле, въ Швабіи, былъ слѣдствіемъ опасеній, внушенныхъ Франціею. Католики знавшіе, что ихъ дѣло общее съ Австріею, сблизились съ нею, и видя, что евангелическая унія угрожаетъ имъ, сами составили лигу въ Вюрцбургѣ, въ томъ же году.

Такимъ образомъ обѣ партіи стояли въ ви-
1606 ду другъ противъ друга, еще за десять лѣтъ до начала войны. Религіозные безпорядки въ Донаувертѣ, въ слѣдствіе которыхъ сей городъ лишился своей свободы, еще болѣе взволновали протестантовъ. Споры за наслѣдство Клеве и Юлиха,—хотя курфирстъ Бранденбургскій, Іоаннъ Сигизмундъ, и палатинъ Нейбургскій овла-
1611 дѣли частію сихъ провинцій,—было дѣломъ чрезвычайной важности. Нужно было рѣшить вопросъ: усилятъ ли эти области могущество партіи католической или протестантской? По всему казалось, что оружію предлежитъ рѣшить споръ. Успѣхи Германіи на пути цивилизаціи были прерваны. Шестидесятью годами мира воспользовалась Германія для обогащенія себя

трудомъ и промышленостію, принимая косвенное участіе въ сосѣдственныхъ войнахъ. Воинственные обитатели сей страны, любившіе славу и добычу, сбирались, во Франціи и Нидерландахъ, подъ знамена всѣхъ партій, и проливали кровь въ дѣлѣ совершенно для нихъ чуждомъ. Дворянство особенно любило войну. Торговля Германіи уменьшилась съ тѣхъ поръ, какъ пала Венеція; а Англія, Швеція и Данія сами начали вести дѣла, безъ содѣйствія Ганзы. Механическія искусства преуспѣвали во всѣхъ странахъ имперіи; Нѣмецкимъ художникахъ приписывали болѣе дѣятельности, терпѣнія и точности, нежели другимъ. Доходы князей были незначительны; власть свою князья вездѣ дѣлили съ штатами, встрѣчая особенное затрудненіе при опредѣленіи налоговъ. Къ сильнѣйшимъ князьямъ принадлежали: курфирстъ палатинъ, герцогъ Баварскій и курфирстъ Саксонскій.

Фридрихъ V, курфирстъ палатинъ, по своей силѣ, правиламъ и характеру заслуживалъ быть главою евангелической уніи; но, какъ реформата, лютеране чуждались его, и притомъ у него не было того ума и той твердости, которые необходимы для начальника партіи. Кроткій, человѣколюбивый, благодѣтельный, онъ могъ быть прекраснымъ государемъ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ; но его качества не согласовались съ обстоятельствами трудными, въ которыхъ онъ долженъ былъ находиться.

Онъ сочетался бракомъ съ Елисаветою, дочерью Іакова I, короля Англійскаго. Этотъ союзъ былъ причиною несчастія его самого и счастія его потомковъ.

Максимиліанъ Баварскій, которому назначено было побѣдить Фридриха и обогатиться его наслѣдіемъ, былъ выше и по дарованіямъ, и по энергіи, и по дѣятельности. Какъ человѣкъ честолюбивый, съ умомъ разсчетливымъ, онъ совершенно зналъ выгоды, потребности и средства всѣхъ Германскихъ князей. Онъ видѣлъ, чего можно ожидать отъ обстоятельствъ, и никогда не ошибался ни въ своихъ надеждахъ, ни въ замыслахъ. Умѣренный въ достиженіи цѣли, но храбрый въ рѣшительную минуту, онъ мало полагался на насиліе или случай, но всегда на благоразуміе и умные разсчеты.

Курфирстъ Саксонскій, Іоаннъ Георгъ I, былъ человѣкъ нерѣшительный, въ такое время, когда слабыя мѣры неминуемо долженствовали погубить того, кто ихъ употреблялъ. Но не желая довольствоваться второстепенною ролею, онъ не имѣлъ средствъ играть главную: имъ управляли министры, преданные его врагамъ.

Таково было состояніе имперіи и Европы въ концѣ первой эпохи переворотовъ политической системы. Мы видѣли постепенный ходъ могущества Испаніи, ея рѣшительный перевѣсъ, ея властолюбіе и ея паденіе. Франція, во вто-

рую эпоху, представитъ намъ тѣ же возрастанія, и займетъ мѣсто своей соперницы. Только южныя державы доселѣ являлись на сценѣ, и однѣ чувствовали необходимость равновѣсія и выгоды системы противодѣйствующихъ силъ. Теперь начнется новый порядокъ вещей. Данія и Швеція примутъ участіе въ общемъ движеніи. Сѣверъ будетъ имѣть вліяніе на югъ, югъ на сѣверъ; отношенія измѣнятся, система придетъ въ замѣшательство; опасности и средства умножатся.

Конецъ втораго тома и первой части.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРАГО ТОМА.

Стр.

Четвертый періодъ. 1598 — 1618.

Stanford University Libraries
3 6105 013 516 062

D
208
A5418
v. 2